

2020. Т. 11. № 3

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Исторические науки

- 07.00.02 – Отечественная история
- 07.00.03 – Всеобщая история
- 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы
исторического исследования
- 07.00.15 – История международных
отношений и внешней политики

Политические науки

- 23.00.01 – Теория и философия политики,
история и методология
политической науки
- 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии
- 23.00.03 – Политическая культура
и идеологии
- 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального
развития
- 23.00.05 – Политическая регионалистика.
Этнополитика
- 23.00.06 – Конфликтология

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS

PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2020. Vol. 11. No. 3

**The Founder
and Publisher:**
Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list
of the leading peer-reviewed scholarly
journals the Higher Attestation
Commission of the Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation recommended
to PhD candidates and those working
for their habilitation who wish to publish
the results of their research

The journal has been published
since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be
accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Алексей Брониславович Ананченко – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*).

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*).

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*).

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета.

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета.

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания.

Джованни Савино – PhD (история); научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия; профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва.

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; страшний научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль.

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; Head of the Department of Modern Russian history, the Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*editor in chief*).

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*deputy editor*).

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor of the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*executive secretary*).

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University.

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies, Moscow.

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Head of the Department of Political Studies of Russia and the Former Soviet Union of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Associate Professor of the Department of Socio-Political Research and Technology of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr (Alek) D. Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher of the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel.

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher of the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor of the Chair «Computer Law», National Research Nuclear University «Moscow Engineering Physics Institute» (MEPhI).

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology of the Institute for Social and Humanities, Moscow Pedagogical State University.

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Chair of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University.

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University.

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies «Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies», Lomonosov Moscow State University.

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom.

Giuseppe Savino – PhD in History; Senior Lecturer, University of Naples Federico II, Italy.

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk.

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head of the Department of New, Modern History and Methodology of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University.

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Содержание

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ю.В. Куликова

- Культ Sol и религиозная реформа императора Аврелиана 11

А.Е. Виноградов

- К локализации народа Rhos
Бертиńskих анналов 28

И.М. Эрлихсон

- Образ разбойника с большой дороги
на страницах Ньюгейтского календаря 40

И.Г. Жиряков

- Зарождение западноевропейской
экономической интеграции и создание СЭВ:
общее и отличительное 54

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.И. Горшков

- Проблемы идентификации и прочтения портрета
велита 2-го полка шволежеров-лансъеров
Императорской гвардии Эмиля Сервана. 69

Е.И. Шорников

- Проблемы изучения
крестьянского движения 1902–1907 гг.
в Российской империи в трудах
отечественных и зарубежных исследователей 85

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

О.В. Милаева

- Особенности электоральных моделей
в национальных республиках
Сибирского федерального округа
(2007–2019 гг.) 100

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

М.И. Махмутова

Идеологическая конкуренция

ФАТХ и ХАМАС 120

Р.И. Файнимильт, Д.О. Федоренко

Трансформация роли Гонконга

в контексте экономических процессов

Азиатско-Тихоокеанского региона 133

В.Р. Филиппов

Африканская политика Парижа

в период пандемии 151

Contents

GENERAL HISTORY

Ju.V. Kulikova

- The Cult of Sol and the religious reform
of the Emperor Aurelanus. 11

A.E. Vinogradov

- On the localization of the people of Rhos
of the Bertine Annals 28

I.M. Erlihkson

- The image of a highwayman
on the Newgate Calendar pages 40

I.G. Zhiryakov

- The birth of Western European
economic integration and the creation
of COMECON:
General and distinctive 54

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

D.I. Gorshkov

- Problems with identification
of the portrait of velite of the 2nd Regiment
of Chevauleger-lanciers
of the Imperial Guard Emile Servant 69

E.I. Shornikov

- The problems of studying
the peasant movement of 1902–1907
in the Russian empyre an the works
of Russian and foreign researchers 85

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

O.V. Milaeva

- Features of electoral models in the national republics
of the Siberian Federal district (2007–2019) 100

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS,
GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

M.I. Makhmutova

- Ideological competition
between Fatah and Hamas 120

R.I. Fainshmidt, D.O. Fedorenko

- The transformation of the Hong Kong's role
in the context of economic processes
in the Asia-Pacific region 133

V.R. Filippov

- African politics in Paris
during the pandemic 151

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-11-27

Ю.В. Куликова

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Культ Sol и религиозная реформа императора Аврелиана

В 274 г. н.э. император Аврелиан провел религиозную реформу, целью которой было идеологическое единство Римской империи. Во главе официального религиозного культа был поставлен кульпт Sol Invictus Imperii Romani, олицетворявший власть римского императора. Превращение древнего культа Sol в официальный кульпт императора Аврелиана происходило путем длительного синкретизма, начиная с императорского культа, а также объединения Sol, превратившегося в Sol Invictus, с кульптом Митры. Реформа императора Аврелиана должна была на религиозном уровне закрепить единство восстановленной им Империи, а сама идея предвосхитила установление монотеизма и торжество христианства.

Ключевые слова: Sol, Invictus, Аврелиан, Римская империя, кульпт, Константин I, христианство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова Ю.В. Культ Sol и религиозная реформа императора Аврелиана // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 11–27. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-11-27

Ju.V. Kulikova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The Cult of Sol and the religious reform of the Emperor Aurelanus

In 274 AD, Emperor Aurelanus carried out a religious reform, the aim of which was the ideological unity of the Roman Empire. At the head of an official religious worship was put the cult of Sol Invictus that personified the power of the Roman Emperor. The transformation of the ancient cult of Sol into the official cult of the Emperor Aurelanus took place through a long syncretism, starting with the imperial cult, as well as the unification of Sol, which became Sol Invictus, with the cult of Mithra. The reform of Emperor Aurelanus had to consolidate the unity of the restored empire at the religious level, and the idea foresaw the establishment of monotheism and the triumph of Christianity.

Key words: Sol, Invictus, Aurelian, the Roman Empire, Cult, Constantinus I, Christianity

FOR CITATION: Kulikova Ju.V. The Cult of Sol and the religious reform of the Emperor Aurelanus. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 11–27. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-11-27

Для первобытного мировоззрения характерной особенностью является поклонение силам природы и обожествление небесных светил. Безусловно, земледельцы могли положиться только на милость солнца, которое дает свет и тепло, благодаря нему произрастают растения, его движение имеет закономерность, но при этом оно может быть карающим, и именно эти факторы явились одними из важнейших причин перенесения этих черт на правителя. С древнейших времен племена, населявшие Италию, включили солнце в круг поклонения и почитали его как одно из божеств. Древний храм Солнца существовал и в Circus Maximus [32, VIII. 1]. Однако до конца эпохи Республики этот кульп оставался скорее второстепенным, являясь отражением почитания предков в качестве Sol Indiges. Именно в указанный период происходят

значительные изменения, затронувшие не только социальные основы общества, но и идеологию. Кризис республиканской формы правления, стремление отдельных лидеров к единоличной власти, гражданские войны стали теми причинами, которые привели к духовному кризису. Римские боги больше не оправдывали ожиданий, и тогда взоры римлян обратились на другие чужеземные культуры. Однако будучи консервативными по своей сути, римляне старались сохранить религиозный фундамент своего государства. И только новый лидер, образ которого формировался под влиянием эллинистических тенденций, должен был заполнить духовную лакуну. Так, появившись как героический и мессианский культ Цезаря [7], он стал воплощением общеимперской идеи. Практически до конца республиканского периода этот синтез идеологии и религии, сосуществуя с официальным олимпийским пантеоном, был вполне самодостаточен.

С другой стороны, важной чертой религиозной жизни римлян стал рост популярности восточных культов, имевших особенную природу, учения которых базировались на переплетении философии и мистицизма. Еще в конце I в. до н.э. в Риме начинает распространяться культ Митры. По свидетельству античных авторов, митраизм был перенят после победы над киликийскими пиратами, которых Гней Помпей частично расселил в опустевших городах Киликии, а остальных в качестве рабов отправил в Рим. Некоторые из них после своего освобождения остались в Италии [12, Pomp., 24]. Культ Митры попадает на благоприятную почву происходивших политических изменений и духовных исканий в римской обществе.

Также религиозную сферу Рима в значительной степени затрагивает эллинизация, подвергая своему влиянию различные культуры. Гелиос, не особо популярный в греческом мире, и Аполлон передали свои функции другим богам, в частности, Sol и Митре. В Риме распространяется уже эллинизированный культ, прошедший трансформацию в Малой Азии и имевший лишь отдаленное отношение к иранскому Митре [8]. А ведь Митра – это справедливость, воплощенная в солярном культе. Именно тенденция сближения Митры и солнца, вероятно, отраженная в мифе о примирении [8; 9, с. 81], стала тем фактором, который будет иметь огромное значение в культе императора Августа Sol Invictus Imperii Romani.

Безусловно, в конце эпохи Республики и особенно начала принципата происходила именно эволюция культа Sol, при всем том, что на него оказывали свое воздействие эллинизм, культ Митры, непосредственно греческая религия и функционально-атрибутивная составляющая культуры Гелиоса и Аполлона. На культе Sol переносились функции и атрибуты,

он стал важной частью императорского культа. Дело в том, что императоры, начиная с Октавиана Августа, при формировании императорского культа старались не поколебать консервативные устои римского мировоззрения, наоборот, их целью было сделать религию способной объединить империю.

Для новой системы управления культ Sol являлся существенной опорой, дающей возможность провести параллели с культом предков. В то же время солярный культ отражал положение императора [14, с. 21] – близость и одновременно недостижимость, дарующее и одновременно карающее, единственное в своем роде, но на которое и глаз поднять невозможно – ослепит своим величием.

Не успев обрести целостность, римская религия уже не удовлетворяла духовнымисканиям населения в условиях кризиса республиканского правления и становления новой системы – принципата [10, с. 112]. Многочисленные восточные кULTы стали заполнять духовную лакуну, возникшую в этот период, и постепенно адаптироваться в римском пантеоне [14, с. 21]. Происходило слияние римских и восточных кULTов, смешение атрибутов и функций богов, которые подчас переносились на какого-либо одного бога, и все чаще этот бог связывался с солнцем. Такое положение вещей открывало все больший простор для монотеистических тенденций.

Римское религиозное мировоззрение переосмысливает образ и кULT Sol. Правитель обретает ореол неразрывной связи с богами, выступая как *Divus*, олицетворенный с солнцем, как божество, которое, в свою очередь, является воплощением справедливости, постоянства и заключает в себе разум существующего мира [1, с. 383]. Именно в этом качестве Sol становится частью пропаганды власти Юлиев–Клавдиеv, а императоры изображаются в лучевых коронах. Персонифицированная вечность – *Aeternitas*, появляется в монетных легендах императоров, образуя между «вечным городом» – *Roma Aeterna* – и правителем неразрывную связь. Как отмечает М.Г. Абрамзон, легенда *AETERNITATI AVG* на монетах Нерона как раз и связывала идею Вечности с Солнцем, пропагандируя наступление «золотого века» [Там же, с. 382], а Веспасиан делает лозунг Вечности частью императорского культа [Там же, с. 406]. Культ Sol продолжает пропагандироваться на монетах, ассоциируясь с благополучием и изобилием счастливой эпохи правящего императора, а уже Адриан и Антонин Пий распространяют его на все государство с легендой *AETERNITAS IMPERII* [Там же, с. 343], стремясь показать постоянство правления и стабильность государства.

К началу III в. духовный кризис в римском обществе стал более ощущимым. Низшие слои не принимали сложные философские взгляды,

а верхушку общества не удовлетворяла «народная религия» [10, с. 112]. В это время заметно усиление позиций христианства, несмотря на преследование со стороны официальных властей, но для Империи в целом необходима была идеология, которая устроила бы все слои общества и смогла бы вновь его объединить. Неудивительно, что императорский кульпт, взвеличивавший место и роль императора, связывая его правление с божественными силами, олицетворял безмерную и повсеместную власть императора именно в образе Sol.

Этот период определяет особую роль культа Sol, сформировавшего восприятие личности императора, который, подобно восточным царям, олицетворялся с Солнцем. Солнце разгоняет тьму, которая неизбежно ассоциируется со злом, его невозможно победить, – эта идея и легла в основу формирующегося представления о непобедимости императора. Sol получает эпитет *Invictus* [17, S. 17], что сближало его с Митрой, который также имел тесную связь с Солнцем, отраженную в соответствующей мифологии [11, с. 205]. Необходимо учитывать, что в Авесте Митра – ни солнце, ни луна, а его сближение с Солнцем и становление в качестве солярного божества происходило именно в римском митраизме. Чем более осложнялась внутренняя ситуация в Римской империи, тем популярнее становился кульпт защитника – Митры. Постепенно неразрывная связь Митры с Солнцем преобразовалась в отождествление двух божеств [14, с. 21], и в результате появился Sol Invictus, уже не абстрагированный, а заключенный в образ и функции конкретного божества.

Отождествляя себя с Солнцем, императоры III в. находили обоснование принимаемым ими титулам, возвышавших их от *Divus* до *Deus*. Взяв себе титул *Invictus*, который, по мнению Диона Хризостома [21, II, 5], может носить только божество, император намеренно подчеркивает свое неоспоримое положение в Империи. Все чаще властители Рима полагаются на харизму, которая даруется им Солнцем, а значит, именно от них нисходит постоянство, благополучие и изобилие, распространяющееся на все государство.

На формирование культа Sol Invictus оказывали влияние различные философские течения, в частности, неоплатонизма [14, с. 21]. Макробий воспринимает Солнце как образ единого бога [28, I. 17, 2–3], который правит всем миром и заботится о людях, даря им все необходимые для жизни блага, внушая добродетель и являясь гарантом справедливости, в чем, безусловно, прослеживаются монотеистические тенденции и влияние восточных культов.

Как регулярная легенда Sol Invictus появляется на монетах Септимия Севера [27, р. 470, 479]. Его реформы существенно подорвали основы принципата и способствовали укреплению единоличной власти

императора, обусловили необходимость трансформации императорского культа. Император стал именоваться *Dominus* и *Invictus*. Примечательно, что культ Sol, несмотря на увеличение роли восточных культов благодаря происходившей из Эмессы Юлии Домне, не подвергнулся сильному влиянию восточных культов [15, с. 288].

Однако, безусловно, следует принять тот факт, что в каком бы направлении не шла эволюция культа и образа Sol, испытывал ли он значительное влияние восточных культов или вновь становился ближе к римскому культу Sol Indiges, нельзя отождествлять кульп Sol эпохи Республики и эпохи Империи.

Несмотря на провал религиозной реформы Элагабала, Sol не исчезает с монет императоров, а лучевая корона по-прежнему остается неизменным атрибутом даже в эпоху проявления сепаратизма. У Филиппа Араба в его религиозной политике, отраженной на монетах, особое место занимал светоносный Аполлон, Юпитер Хранитель (*Conservator*) и конечно же легенды, связанные с Вечностью [1, с. 433–434]. В монетных легендах Валериана и Галлиена заметна трансформация культа Sol, тесно связанная с окончательным разрушением принципата как системы управления и закладыванием основ домината [15, с. 252–253]. Поэтому появление титула *Dominus noster* [1, с. 438] стало следствием религиозной политики императоров этого периода, использовавших все больше восточных аспектов солярных культов для укрепления своего положения и утверждения незыблемости своего правления. Так, Галлиен, найдя достаточно устойчивую опору в солярном культе, вернулся к тому, на что не решился Октавиан Август, хоть и был провозглашен фараоном и являлся олицетворением бога Амона-Ра [Там же, с. 301]. Он стал позиционировать себя как ипостась Sol, а лучевая корона, венчающая его голову, становится неотъемлемым атрибутом. Галлиен делает Sol своим хранителем и спутником, PACATOR ORBIS на медальонах [24, р. 410], выступает с атрибутами Sol [31, Gallien., 308], Sol помещен на реверсе монет с легендой AETERNITATI AVGG [Там же, 373, 629–630], ORIENS AVG [Там же, 113–114], а на монете с легендой IOVI CONSERVATORI Галлиен вообще выступает олицетворенным Sol, венчанный лучевой короной, он принимает из рук Юпитера земной шар [Там же, 440], на реверсе монет с легендой ORIENS AVG [Там же, 445, 494–495] император принимает венок из рук Sol.

Античные авторы указывают, что Галлиен посыпал волосы золотым порошком, а его одежда была из пурпурса, золота и драгоценных камней. Кроме того, он пожелал воздвигнуть себе колосса из золота в образе Sol на квадриге [4, XXIII, 16, 4; XVIII, 1–5]. Почтание Sol можно обнаружить и среди других императоров этого периода, даже

первый галльский император Постум использовал иконографию божества в легенде ORIENS AVG [31, Postum., 316], и бюст Sol в легенде PACATOR ORBIS [Там же, 317].

Однако проблема заключалась в том, что ни один из императоров при всем желании и понимании необходимости религиозных преобразований и создания единой идеологии в Империи так и не решился отойти от уже проверенного императорского культа, лишь расставляя нужные акценты. Благодаря этому функции одних божеств передавались более отвечающему требованиям времени Sol, а усиление власти императора обосновывалось харизмой, обеспечивающей благополучие, добродетель императора, дарующей ему победы. Такая сущность власти была воспринята у восточных правителей, в частности, у Сасанидов. Однако, несмотря на кажущуюся завершенность трансформации культа Sol, теоретической основы и целостного атрибутивного комплекса все еще не существовало.

Приход к власти императора Аврелиана обозначил новый и весьма значимый этап для культа Sol. Этот император как никто другой осознал необходимость преобразований. Римская империя в условиях фактического разрушения нуждалась в новых точках опоры. После победы над германцами и явного конфликта с сенатом, Аврелиан должен был предпринять такие шаги, которые бы утвердили окончательное превосходство власти императора и создали необходимое для всей Империи идеологическое единство.

По вопросу времени обращения императора Аврелиана к культу Sol в современной историографии существуют разногласия. Одни считают, что Аврелиан изначально задумывался о реформе, а на его выбор повлияла именно связь с домом Аврелиев [18, S. 18]; другие, напротив, уверены, что у Аврелиана вообще не было планов по религиозному реформированию, однако завоевание Пальмиры и близкое знакомство с эмесским солярным культом в его чистом виде натолкнули императора на эту мысль [1, с. 428]. Безусловно, огромное влияние на решение Аврелиана могли оказывать и иные факторы, например, явная разобщенность римлян, сильное влияние сената, с которым так и не удалось найти общего согласия, необходимость удерживать под контролем армию. Поэтому более разумным кажется, что Аврелиан все же планировал идеологические изменения, а события в Пальмире лишь точнее определили направление этой реформы.

Согласно сведениям античных авторов, в битве под Эдессой император ощутил содействие и помочь некой божественной сущности, а уже после захвата города в храме местного солярного божества и обнаружил явившийся ему образ [4, XXVI, 25, 3]. Подобный сюжет очень

напоминает проработанную идеологию, некое оправдание того, почему Аврелиан единолично принимает решение о возвышении культа Непобедимого солнца.

При проведении реформы Аврелиан не желал или не решился поколебать основы традиционной римской религии. Как дамоклов меч, ориентальный Sol Элагабала нависал над императором, и подобный шаг грозил обострить отношения в обществе и еще больше настроить против Аврелиана сенат. Новая религия не должна была нарушать обычай консервативного Рима и ничем не напоминать римлянам безумства религиозной политики Элагабала.

Происходивший из семьи колонов, работавших на земле рода Аврелиев [23, IX, 13; 30, XXXV], император не мог опереться на обожествленных предшественников и использовать в качестве пропаганды непрерывность правления, гораздо больше он был обязан армии, которая возвела его на престол, что и отражено в монетных легендах. Однако культ Sol был единственным, способным отразить ожидания как общества, так и самого императора. В дополнение к изображениям и легендам на монетах, подчеркивающих власть императора и согласие с армией, появляется изображение Sol, часто в роли именно военного товарища, что вновь относит нас к культу Митры, имевшего не просто военные функции, но ставшего богом-покровителем и защитником Отечества [1, с. 282]. Земной шар и кнут указывают на мировое господство, а чаще всего превалирует легенда SOL INVICTVS, связанная с ORIENS AVG [31, Aurel., 61–63]. Справедливости ради стоит отметить, что Sol появляется на монетах Аврелиана именно после восстановления контроля над Востоком. Этот факт может свидетельствовать именно о том, что начало религиозной реформы связано с окончательным оформлением идеологии и приходится на время триумфальной победы Аврелиана, но таким образом замыслы этих идеологических изменений могут быть отнесены к более раннему сроку. В 273 г. изображение Sol становится основной легендой, а хранитель империи Юпитер отодвигается на второй план. В легендах CONSERVATORI AVG, SOLI CONSERVATORI таким хранителем Рима и власти выступает Sol [Там же, 383–384].

Вернуть доверие римлян к культу Sol Invictus для осуществления задуманной реформы было чрезвычайно сложно, и Аврелиану пришлось искать обоснования в корнях рода, к которому он принадлежал по усыновлению, в легенде о взятии Пальмиры и даже в истории посвящения собственной матери в жрицы бога Солнца. Бездоказательным является упомянутый у античных авторов факт о жреческом статусе матери Аврелиана, якобы посвященной культа Sol Invictus [4, XXVI, 4], но нельзя не учитывать, что Sol являлся покровителем рода Аврелиев,

а в культе Солнца просматривается огромная роль женщины-жрицы, как и в культе «Дунайского всадника». При раскопках были найдены вещи, приносимые в дар этому божеству, как правило, в центре изображалась женщина [11, с. 223], видимо, жрица Солнца, что, кстати, соответствует изображениям на монетах [31, Trajan., 575–576], окруженная по сторонам конными воинами. Над всем этим изображено Солнце, с короной в руках шествующее на колеснице. Независимо от того, была ли мать Аврелиана жрицей или нет, его раннее приобщение к культу Sol вполне вероятно, вот только по-прежнему остается неясным, под влиянием своей матери или родового культа.

Захват золотоносных рудников благодаря возвращению ранее восставших провинций под власть Рима, финансовая реформа и начало чеканки золотой монеты стало еще одним важным компонентом религиозной реформы. Золото теперь находилось под строгим контролем администрации императора, использование этого металла Аврелиан планировал ограничить и в частной жизни [4, XXVI, 46]. Чеканка столь ценной монеты зависела от воли императора и нужд государства, а сенат был полностью отстранен. Золото олицетворяло Солнце, которое ассоциировалось с императором, выступавшим в роли верховного жреца нового культа, и, вероятно, даже форма монеты играла в религиозной реформе свою роль. Таким образом, две крупные реформы оказались в тесной связи друг от друга. Отстранение сената от контроля за чеканкой монеты явилось еще одним шагом к установлению новой системы управления – домината.

Для религиозной реформы Аврелиан решил опереться на культ Sol Invictus и кult Митры, который был чрезвычайно популярен в среде военных, однако в чистом виде римские традиции почитания солнца были уже забыты. С другой стороны, кult Элагабала был подвергнут *damnatio memoriae* и возвращение к его обрядам еще больше бы настроило сенат против Аврелиана, а кult Митры являлся слишком закрытым и мистифицированным для принятия его низшими слоями. Думается, Аврелиан, взяв за основу кult солнца, занявший прочные позиции в императорском культе, объединил его с некоторыми традициями почитания из Эмессы, не оставив в них ничего, что могло бы напомнить о восточных обрядах. Sol оставался и в качестве родного божества – Sol Indiges, одновременно выступая в роли спутника (Comes) и защитника (Propugnator) императора [1, с. 435–436; 29, S. 17–18], при этом становился совершенно абстрактным божеством. В роли защитника всей Империи выступал сам Аврелиан. Тем не менее при прослеживающейся восточно-ориентированной основе вряд ли это мог быть сирийский кult в чистом виде [17, S. 17–18], ведь императорский кult

формировался под влиянием эллинистических черт, хотя Е.М. Штаерман и отрицала восточное влияние [15, с. 266]. Также, не желая оставить без идеологического контроля армию, Аврелиан, опираясь на солярную составляющую культа Митры, который в процессе ассимиляции с римским мировоззрением уже получил эпитет *Invictus* [9, с. 81], передал *Sol* функции защитника всего государства и императора, от Юпитера новый культ получил властные полномочия и высшую позицию в иерархии. На его монетах используется уже знакомый сюжет, когда Юпитер вручает императору земной шар [31, Aurel., 48], а образ *Sol* уже не нуждается в эпитете «Непобедимый» – в изображениях это божество выступает как триумфатор, в его руках лавровая ветвь и земной шар, а в ногах – связанные пленники, он попирает ногой врагов, поверженных на землю [Там же, 62, 64, 1356, 150–151, 255, 278, 365], хотя легенда *SOL INVICTVS* [Там же, 154, 308] все же остается частью пропаганды, кроме того, *Invictus* является частью титула Аврелиана [Там же, 301, 303]. Император в полной мере теперь являлся самим Солнцем, именно к нему на монетах протягивают руки поверженные враги, прося милости [Там же, 249]. Иерархия богов поменялась, и теперь уже не Юпитер, а Солнце является хранителем – *SOLI CONSERVATORI* [Там же, 353], именно *Sol* становится высшим божеством Империи [22, VIII 5143], хотя Юпитер по-прежнему используется в монетных легендах для поддержания баланса и сохранения римских традиций. Тем не менее, использование на аверсе монет изображения самого *Sol* с надписью *SOL DOMINVS IMPERI ROMANI* [31, Aurel., 319], указывает на не просто высший статус божества, но и введение общего для всей империи культа.

Хотя ряд исследователей утверждает, что в культе Аврелиана чрезвычайно трудно проследить культ Митры [15, с. 285; 29, S. 18], рельеф из Лувра, на котором Митра вручает рог *Sol* в лучевой короне (Fiano Romano relief. V461), многочисленные надписи (*Deo Invicto Mithrae, Soli invictae Mithre* и др.) [3, с. 28, 31, 37, 45.], а также монетные легенды, связанные с Вечностью [15, с. 269], позволяют проследить тенденцию слияния двух культов. После возвращения всех ранее отпавших восточных и западных территорий под юрисдикцию Рима император Аврелиан ввел официальный культа *Sol Invictus Imperii Romani*, учреждая бога солнца в качестве главного божества империи. Этот культа является своего рода композиционной религией, которая сочетает в себе синкетические тенденции этого периода, соединяя воедино римские и восточные элементы новой, универсальной веры для всей Империи [18, S. 22].

Следующими шагами Аврелиана было укрепление идеи превосходства императора и абсолютизация власти. Помимо обязательного

обозначения в качестве *Divus* (божественный), согласно надписям из Италии, Испании и Северной Африки, его провозглашение императором фактически приравнивалось к провозглашению богом. Аврелиан явился первым из императоров, кого официально почитали в качестве бога с титулом *Deo et Domino Nato* – рожденный богом и господином [31, V, 305–306]. Известно, что в сенате император Домициан произнес фразу, в которой именовал себя господином и богом, затем обращение «*Dominus*» взял себе Септимий Север, поэтому Аврелиан этим постоянным нововведением лишь подчеркнул окончательное крушение системы принципата.

Во время празднования большого триумфа император Аврелиан воспользовался празднеством, сделав первый шаг по созданию нового культа в Риме: установил специальные игры («*Primus agon solis ab Aureliano constitutes*») [20; 25, 305a-b] и торжественно заложил храм Sol [4, XXVI; 23, IX, 15]. Примечательно, что новое святилище было освящено 25 декабря 274 г. как *Invicti Natalis*. Богато украшенное снаружи и внутри здание храма («*genium populi Romani aureum in rostra posuit*») [19; 20, 279.4; 25, 305a-b], в котором были помещены трофеи из Пальмиры и изображения других римских богов, символизировало восстановление имперского единства, что неизмеримо повысило популярность императора.

Пышное празднество, длившееся несколько дней, сопровождало инагурацию, но нет никаких свидетельств о восточных оргиях, сопровождавших обычно празднества Элагабала. Наоборот, в источниках упоминаются раздачи хлеба, оливкового масла и соли, а также беспрецедентные по своему масштабу гонки на колесницах [4, XXVI, 25; 20; 30, XXXV, 6].

Однако по вопросу действительной даты празднования в современной историографии существуют разногласия, основанные на разрозненных данных позднеантичных источников. Доказывается, на основании календаря 354 г., что основные четырехдневные празднества Sol, установленные Аврелианом, приходились на 19–22 октября [26, р. 588]. Мы соглашаемся только с тем, что 25 октября праздновались *Dies Natalis*, а этот день не совсем соотносится с празднованием Sol. Однако Т. Моммзен достаточно убедительно доказал, что *Ludi* проходили 19–22 октября, а *Agon Solis* – 25 декабря, ведь еще с эпохи Республики такие празднества весьма различались, и понятно, что уже в IV в., в условиях возрастающего доминирования христианства, она могла быть не столь важна [2, с. 72; 26, р. 590].

Аврелиан добавил новую коллегию жрецов к существующим – *Pontifices dei Solis* [4, XXVI, 25, 3], которая встраивалась в римский

коллегиальный порядок. Должности в этой коллегии были предложены сенаторам [17, S. 18–19], что стало новой ступенью в *cursus honorum*, а в качестве *Pontifex Maximus* Аврелиан обретал власть над ней. Сам факт, что новые жрецы были набраны из лучших семей Рима, показывает широкое признание, которое получил новый культ, возможно, под давлением самого императора. Таким образом, Аврелиан, с одной стороны, примирил императорскую власть и сенат, а с другой – поставил сенаторов в полное подчинение себе, заложив еще один камень в фундамент формирующейся системы управления – домината. Император Аврелиан был первым, кто стал постоянно носить золотую диадему, символизирующую верховенство его власти [30, XXXV, 5].

После убийства императора Аврелиана культ *Sol Invictus Imperii Romani* сохраняется практически только в столице [17, S. 22]. Преемники императора Аврелиана Тацит и Флориан оставили символику культа без изменений. Однако на изображениях императора Флориана присутствует аура императорской харизмы, которая ему была дарована в том числе и *Sol* [1, с. 436]. Подобная трансформация ярко прослеживается на монетах Константина I. Некоторые важные новшества можно найти у Проба, для которого *Sol* выступает в качестве защитника и компаньона в легендах *SOL COMES PROBI AVGVSTI, CONSERVATOR AVG, SOLI INVICTO*, визуализируется на монетах в виде двойных портретов, а главное, Проб сделал эпитет *Invictus* частью своей титулатуры: *PROBVS INVICTI AVG* [31, Prob., 203–204, 309, 348, 596, 657]. Процветание культа можно отметить вплоть до правления Константина I, у которого солярный символизм достаточно широко используется. Политический расчет прослеживается и здесь. Диоклетиан при всем его стремлении сохранить традиционную римскую религию, тем не менее, вводит культ Митры в пантеон римских богов, в числе которых есть и *Sol*. Отец Константина Великого Констанций Хлор почитал солярный культ Аполлона [1, с. 470], *Sol* является спутником и сподвижником императора Константина *CAMES AVG, CONSTANTINV AVG* [31, Const. I, VI, 144, VII, 1], неизменно тесно связанный с военными успехами императора. Для императора Лициния *Sol* – спутник его побед *IMP LICINIVS PF AVG SOLI INVICTO COMITI* [31, Licin. I, 23].

Не может быть никаких сомнений в том, что *Sol* играл важную роль в официальной религии Константина еще до битвы на Мульвийском мосту. В качестве *Pontifex Maximus* он, безусловно, не мог оставить его без внимания. На его монетах божество, от которого исходят лучи или который венчает императора, выступает в качестве непобедимого спутника, соратника императора [31, VI, 886–895; VII, 94, 97, 101–102, 105].

По мнению некоторых исследователей, Sol Константина в большей степени связан с Аполлоном и в меньшей с культом Аврелиана [26, р. 610]. Причина этого кроется в том, что его отец Констанций Хлор, особо почитал Аполлона [1, с. 470], и именно Аполлон предстал перед его сыном в 310 г., предсказав долгое правление [26, р. 615]. Почитание Sol можно отметить на арке Константина, где помещено его изображение в лучевой короне, возможно, с земным шаром в левой руке и указующим жестом правой, что соответствует изображению Sol. Мало того, император восстановил из Колосса статую Sol, и это был образ именно этого божества, а не сына Максценция Ромула [Там же, р. 612]. На медальоне Константина I помещено сдвоенное изображение самого императора и Sol [33, pl. XVII, 11].

Проводя покровительственную политику в отношении христиан, Константин I не отменил императорский культ, мало того, позиционировал себя как сына бога солнца [1, с. 441; 2, с. 72].

Однако Sol не является центром всего у Константина, переход к новой системе управления проявился даже в том, что на арке акцент смещен на самого императора и его победы, но не на Sol [26, р. 615].

В то же время начинается процесс отождествления Sol и Иисуса, а знак, явившийся Константину I во сне (что весьма интересно перекликается с подобной ситуацией с императором Аврелианом), в действительности может являться солярным символом, изображение которого размещалось на щитах сопровождавших императора галльских легионов [6, с. 218]. Последующие императоры изображаются с аурой, солярными символами, одним из которых является крест, что, собственно, и является итогом существования культа Sol в Риме, который прошел долгую эволюцию и интегрировался в христианскую религию. Постепенно солярная символика замещается христианской. При этом есть изображения Христа в образе Sol с легендами SOL SALVTIS, SOL IVSTITIAE. Праздник Dies Natalis Solis Invicti превратился в Dies Natalis Christi Invicti [2, с. 72]. Это итог симбиоза и, как пишет Макробий, солнце – создатель света, оно стоит во главе мироздания и является демиургом всего вокруг нас и нас самих [28, I, 17, 2–3]. Ему вторит Амбродий: *Deus ergo Pater dicit: fiat sol; et Filius fecit solem. Dignum enim erat, ut solem mundi faceret Sol justitiae* [16, VI, 4, 1–2]. В этот период еще невозможно было добиться полного и безоговорочного принятия христианства, поэтому пока, по выражению А.В. Амфитеатрова, человек мог de facto оставаться в каком-то смысле язычником, «лишь бы de jure он считался и сам считал бы себя христианином: фактическое христианство, силою привычки и просвещения, придет позже» [2, с. 72]. И только начинается основная веха торжествующего христианства, однако

многие споры будут касаться в какой-то мере и солнца, в том числе в молитвах, совершающихся на восходе и заходе солнца, первый день недели в раннехристианских общих назывался *Dies Solis*, а главное, свет для христиан олицетворяет именно Христос, которого восхваляют, как освободившего мир от тьмы [2, с. 72].

Таким образом, бога *Sol*, покровительствовавшего императорам Рима, не следует недооценивать. Как символ вечности и нового начала он является важным инструментом для консолидации власти и ее пропаганды. И хотя подлинно римской веры в воззвании культа *Sol* не следует игнорировать, за фигурой бога солнца, безусловно, находилась политическая власть. Императоры Аврелиан и Константин Великий изначально копировали традиции своих предшественников, прежде чем получили политическую возможность для проведения религиозной реформы, которая аккумулировалась в культе солнца.

Однако каждый император воспринимал этот культ в том ракурсе и масштабе, который был ему необходим. Так, Аврелиан опирался на армию, для которого в культе появляется Митра, а *Sol* становится защитником, переняв его функции. Все же более точное вычленение отдельных атрибутов, функций культа *Sol Invictus Imperii Romani* представляется невозможным, т.к. достоверно неизвестно, от каких культов он получил те или иные атрибуты.

Политической чуткостью со стороны императора Аврелиана было создание из смеси религиозных убеждений новый кульп, являвшийся абстрактным духовным и политическим символом. Тем самым Аврелиан заложил фундамент для религиозного единства Империи, мало того, воззвание *Sol* до высшего божества ясно свидетельствует о генотеизме, открывшем дорогу для дальнейших реформ и монотеизма. «Шедевром», по мнению М.Г. Абрамзона [1, с. 470], религиозной политики Константина I стало успешное отождествление Солнца и Христа. Культ *Sol Invictus* оставался в римском мировоззрении и идеологии вплоть до краха язычества при Феодосии Великом, и только в V–VI вв. стал постепенно исчезать под напором христианства [17, S. 22]. В эпоху Средневековья в солнце и луне видели соотношение папской власти и власти короля [5, с. 17], а само солнце продолжало играть весьма важную роль в формировании образа власти и символизме короны [5, с. 104].

Библиографический список / References

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. [Abramzon M.G. Monety kak sredstvo propagandy ofitsialnoy politiki Rimskoy imperii [Propaganda and Roman Imperial coin types]. Moscow, 1995.]

2. Амфитеатров А. В. Старое в новом. СПб., 1907. [Amfiteatrov A.V. Staroye v novom [Old in the new]. St. Petersburg, 1907.]
3. Бурлинова А.Ю. Культ Митры в Балкано-Дунайских провинциях Римской империи. М., 1998. [Burlinova A.Yu. Kult Mityr v Balkano-Dunayskikh provintsiyakh Rimskoy imperii [The cult of Mithras in the Balkan-Danube provinces of the Roman Empire]. Moscow, 1998.]
4. Властилины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С.Н. Кондратьева. М., 1992. [Vlasteliny Rima. Biografii rimskikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana [Scriptores Historiae Augustae]. S.N. Condratiev (transl. from Latin). Moscow, 1992.]
5. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. [Vlast i obraz: ocherki potestarnoy imagologii [Power and image: Essays of artisanal imagology]. M.A. Boytsov, F.B. Uspenskiy (eds.). St. Petersburg, 2010.]
6. Донина А. У истоков христианства. М., 1989. [Donina A. U istokov khristianstva [At the origins of Christianity]. Moscow, 1989.]
7. Егоров А.Б. Культ личности и культ государства в религиозном почитании императоров I в. н.э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 3. СПб., 2004. [Yegorov A.B. Cult of personality and cult of the state in religious veneration of emperors of the 1st AD. Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. E.D. Frolov (ed.). Vol. 3. St. Petersburg, 2004.]
8. Зуевский Р. Римский митраизм // SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. 2009. № 3. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/91462/1/Zuevsky.pdf> (дата обращения: 19.10.2018). [Zuevskiy R. Roman cult of Mithras. SCRIPTORIUM: History of the ancient world and the Middle Ages. 2009. No. 3. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/91462/1/Zuevsky.pdf> (In Russ.).]
9. Иванов П.В. SOL INVICTUS (Элагабал). Рим в поисках общеимперской идеологии // IV Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История. Тамбов, 1999. С. 81. [Ivanov P.V. SOL INVICTUS (Elagabal). Rome in search of imperial ideology. IV Derzhavinskiye chteniya. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Istorija, teoriya i sotsiologiya kultury. Pravo. Ekonomika. Istorija. Tambov, 1999. P. 81.]
10. Корелин М.С. Падение античного мировоззрения. Культурный кризис в Римской империи. СПб., 2005. [Korelin M.S. Padenie antichnogo mirovozzreniya. Kulturnyy krizis v Rimskoy imperii [The fall of the ancient worldview. Cultural crisis in the Roman Empire]. St. Petersburg, 2005.]
11. Культура древнего Рима / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1985. Т. II. [Kultura drevnego Rima [Culture of Ancient Rome]. E.S. Golubtsova (ed.). Moscow, 1985. Vol. II.]
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе / Пер. с греч. В.А. Алексеева. М., 2008. [Plutarch. Sravnitelnye zhizneopisaniiya. Polnoe izdanie v odnom tome [Parallel Lives. Full edition in one volume]. V.A. Alekseev (transl. from ancient Greek). Moscow, 2008.]
13. Фюстель де Куланж Н.Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2010. [Fustel de Coulanges N.D. Drevniy gorod. Religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima

- [Ancient City. Religion, laws, institutions of Greece and Rome]. L.A. Igorevskiy (transl.). Moscow, 2010.]
14. Шентцов М.Е. Культ Митры в Риме III в. и религиозная реформа императора Аврелиана: Автореф. канд. ист. наук. Белгород, 2013. [Shentsov M.Ye. Kult Mitry v Rime III v. i religioznaya reforma imperatora Avreliana [The Cult of Mitra in Rome III AD and the religious reform of Emperor Aurelian]. PhD theses. Belgorod, 2013.]
 15. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. [Shtaerman E.M. Sotsialnye osnovy religii Drevnego Rima [The social foundations of the religion of ancient Rome]. Moscow, 1987.]
 16. Ambrosius Hexameron libri Sex. Documenta catholica omnia. URL: http://documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0339-0397_Ambrosius_Hexameron_Libri_Sex_LT.pdf.html (date of access: 03.03.2019).
 17. Bischoff N. Der Kult des Sol und Sol Invictus. Entwicklung und Funktion des Kultes bis Kaiser Aurelian. Ruhr-Universität Bochum, 2006.
 18. Burghardt J. Deus Sol Invictus. Der Sonnengott im Spiegel des römischen Herrscherkultes. Open publ. GmbH, 2015.
 19. The Chronography of 354 AD. Part 6: The calendar of Philocalus. *Inscriptiones Latinae Antiquissimae*. Berlin, 1893. Pp. 256–278. URL: http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/chronography_of_354_06_calendar.htm (date of access: 03.03.2019).
 20. The Chronography of 354 AD. Part 16: Chronicle of the City of Rome. *MGH Chronica Minora I*. Berlin, 1892. Pp. 143–148. URL: http://www.tertullian.org/fathers/chronography_of_354_16_chronicle_of_the_city_of_rome.htm (date of access: 03.03.2019).
 21. Chrysostomus Dio. Oration. N.Y. Publ. Library, 1844. URL: <https://archive.org/details/dionischrysosto00diogoog> (date of access: 03.03.2019).
 22. Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1893–1936.
 23. Eutropius. Breviarium ab Urbe condita. F. Ruehl (ed.). Lipsia, 1901.
 24. Guarducci M. Sol invictus augustus, Rendiconti della Pont. Accademia Romana dei archeologia. 3rd ser. 1957/59. Vol. 30/31. Pp. 161–473.
 25. Hieronimus. Chronicon. Hucusque historiam scribit Eusebius Pamphili Martyris contubernalis, cui nos ista subjecimus. J.-P. Migne (ed.), R. Khazarzar (post.). URL: <http://patrologia-lib.ru/patrolog/hieronym/chronic.htm> (date of access: 03.03.2019).
 26. Hijmans S.E. Sol: The sun in the art and religions of Rome. [S.l.], 2009.
 27. Hoey A.S. Official policy towards oriental cults in the roman army. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1939. Vol. 70. Pp. 456–481.
 28. Macrobius Ambrosius Theodosius. Saturnalia. I. Willis (ed.). Leipzig, 1994.
 29. Pfeiffer M. Sol Invictus. Die Ausbreitung Orientalischer Religionen im römischen Kaiserreich. Universität Leipzig, 2004.
 30. Pseudo-Aurelius V. EpitomeCaesaribus. URL: <http://thelatinlibrary.com/victor.caes2.html> (date of access: 03.03.2019).
 31. The Roman Imperial Coinage. In 6 vol. P. Webb, H. Mattingly, E. Sydeman (eds.). London, 1968.
 32. Tertullianus Q. Septimius Florens. Despectaculis. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/tertullian/tertullian.spect.shtml> (date of access: 03.03.2019).
 33. Toynbee J.M.C. Roman Medallions. American Numismatic Society, 1944.

Статья поступила в редакцию 29.11.2019, принятa к публикации 23.04.2020
The article was received on 29.11.2019, accepted for publication 23.04.2020

Сведения об авторе / About the author

Куликова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Yulia V. Kulikova – PhD in History; Associate Professor at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: glanam_yul@mail.ru

А.Е. Виноградов

Независимый исследователь,
119313 г. Москва, Российская Федерация

К локализации народа Rhos Бертинских анналов

Сообщение Бертинских анналов 839 г. о послах хакана Rhos многократно анализировалось, однако исследователи не пришли к окончательному выводу о местонахождении ставки этого правителя. Тезис о шведском происхождении самих Rhos появился в результате упрощенного взгляда на историю циркумбалтийского пространства, где скандинавы были лишь одним из элементов сложного межэтнического процесса. Письменные и археологические источники, а также данные топонимики указывают на то, что народ Rhos может быть локализован за пределами материковой Швеции – на островах Балтии и в Восточной Прибалтике.

Ключевые слова: Бертинские анналы, франки, Rhos, хакан, скандинавы, Адам Бременский, Сааремаа

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Виноградов А.Е. К локализации народа Rhos Бертинских анналов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 28–39.
DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-28-39

A.E. Vinogradov

Independent researcher,
Moscow, 119313, Russian Federation

On the localization of the people of Rhos of the Bertine Annals

The message of the Annales Bertiniani of 839 about the ambassadors of the Khakan Rhos was repeatedly analyzed, but researchers did not come to a conclusion about the location of this ruler's headquarters. Rhos emerged from a simplistic view of the history of the Circumbaltic space, where the Scandinavians were just one element of a complex interethnic process. Written and archaeological sources, as well as toponymy data, indicate that the Rhos people may be localized outside mainland Sweden – on the Baltic islands and the Eastern Baltic.

Key words: Annales Bertiniani, Franks, Rhos, Khakan, Scandinavians, Saaremaa, Adam of Bremen

FOR CITATION: Vinogradov A.E. On the localization of the people of Rhos of the Bertine Annals. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 28–39. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-28-39

Одним из важнейших свидетельств о ранней Руси является сообщение Бертиńskих анналов, посвященное приему в 839 г. императором франков Людовиком I Благочестивым послов византийского императора Феофила. С послами были люди, именовавшие себя Rhos и утверждавшие, что их владыка *Chaganus* (*Chacanus*) направлял их в Константинополь «ради дружбы» с Феофилом. Однако обратный путь им был отрезан врагами, поэтому они вынуждены были возвращаться кружным путем через германские земли. Заподозрив в «послах Chaganus'a» шпионов, Людовик выяснил, что упомянутые *Rhos* были из народа свеонов [*gentis esse Sueonorum*]. В письме Феофилу франкский владыка сообщал, что, если дальнейшее расследование покажет их добрые намерения, им будет дана охрана для безопасного возвращения на родину [33, р. 19].

Это свидетельство зачастую воспринимается как безусловное доказательство норманнской теории происхождения Руси: «первые “русы”,

отмеченные в истории, оказались шведами» [35, р. 30], «принадлежали к шведскому народу» [53, р. 42]. Соответственно, сообщение франкского анналиста стимулировало поиск норманнских корней этих *Rhos/Русь*.

Сначала А.А. Куник, а вслед за ним В. Томсен предположили, что *Rhos/Русь* представляет собой славянлизированное название шведов в финских языках – *Ruotsi* (*Rôts* и т.д.), исходной формой для которой, в свою очередь, послужило скандинавское *roPs* «грести» и якобы связанный с этим термином хороним *Roslagen* в Средней Швеции [42, S. 92–92, 163–167; 56, S. 97–106]. Хотя и сам Куник отказался от этой гипотезы, а Томсен признал слабость «прямой генетической связи» *Roslagen > Ruotsi* [56, S. 100], до сих пор эта версия в тех или иных вариантах является преобладающей [4, с. 4; 9, с. 285; 18, с. 148; 39, р. 28–30].

В свою очередь, термин *Chaganus*, возможно, употреблялся в титулатуре севера, следы чего некоторые исследователи видят в письме Людовика II, внука упомянутого Людовика I Благочестивого, византийскому императору Василию I, где подчеркивается, что у франков «хаганом именуется глава авар, а не хазар или норманнов» [11, с. 115]. Что воспринимается как намек на то, что хазары и некие «норманны» сами себя высоким титулом пытались величать. По мнению А.В. Назаренко, «норманны» в данном случае соответствуют этониму *Rhos* греческих и западных источников [20, с. 16–17].

Несомненно, рассказ Берлинских анналов в основе своей верно отражал этнополитические реалии IX в. Этноним, близкий *Rhos* (*Ruzzi*) в это время известен другим западным авторам [19, с. 53–55]. Властитель русов (с не очень определенной локацией) «хакан» известен восточным источникам [1, с. 366]. Вероятно и то, что указанная *Rhos* имела связь с позднейшей Киевской Русью, титул правителя которой в форме «каган» зафиксирован и в «Слове о законе и благодати» Иллариона [21, с. 106], и в граффите XI в. на стене Софии Киевской [5, с. 218].

Вместе с тем, изложенная версия о «свеонах» – шведах – Руси содержит немало противоречий с известными фактами. В Скандинавии отсутствовал титул «хакан». Северные саги не знают о визитах скандинавов в Константинополь ранее начала XI в. [43, р. 255]. Единственный термин, близкий *Rhos* в Скандинавии, обозначающий жителя области *Roslagen*, не мог появиться ранее XIII–XIV вв. [16, с. 16]. Исследователи полагают странной версию В. Томсена о том, что послы «хагана» называли себя перед византийским императором «гребцами», причем на чужом (финском) языке [26, с. 145–146]. Другие важные источники по истории ранней Руси, например, Саксон Грамматик, характеризуют балтийскую «Русь» (*Ruthenii, Rusci*) не профессионально или социально, а этнически (*gentis*) [52, р. 40]. *Ruzzi* Баварского географа локализуются

где-то в одном ряду с *Bruzi* (пруссами), *Caziri* [19, с. 53–54], хазарами или акацирами Иордана (лесными скотоводами, соседями эстов) [7, с. 67]. В комментарии XI в. все эти племена явно отделены от «свевов» [19, с. 54].

Термин *Nortmannos*, как и *Rhos*, связанный с титулом «хакан», хотя и часто средневековыми авторами употреблялся в применении к скандинавам, однако не был строго их синонимом. У Фолькуина Лоббского в применении к событиям конца IX в. этот термин носит скорее размытый характер, являясь синонимом *Nortalbincos* [37, с. 61], «живущих к северу от Эльбы», что, по крайней мере, в разъяснении по поводу последнего термина у Адама Бременского, исключает скандинавов [32, S. 226]. В начале XVIII в., обозревая источники по норманнскому вопросу, Й.Н. Херт пришел к выводу, что под норманнами в них зачастую подразумевались не только «свеоны», но и вандалы и вообще все северные народы (*nations Borealis omnes*) [41, р. 84]. Такую же точку зрения отстаивают исследователи и в наши дни: термин *Nortmanni* первые века его появления в истории употреблялся франкскими летописцами для обозначения разношерстных морских дружин, он носил «географический, а не расовый» характер [50, р. 28–52].

Территория же и этносы «севера», с которыми могут быть связаны *Nortmanni* и *Rhos*, были франкам знакомы лишь выборочно. Материковую Скандинавию вплоть до Бирки, с которой в VIII в. отмечается растущие торговые контакты империи [47, р. 1, 8], они, видимо, представляли неплохо, но никаких *Rhos* там не знали. Однако восточной Скандинавии и прилегающими островами, по всей видимости, Свеония не ограничивалась. Еще Тацит в I в. н.э. писал, что *Suionii* обитают посреди Балтийского моря – Океана (*ipso in Oceano*), рядом с племенем, находившимся под управлением женщины [55, р. 80–81], что, возможно, отразилось на сведениях Адама Бременского, растягивавшего Свеонию от территории древних свевов (обитавших в начале нашей эры на севере Германии) вплоть до *Края женщин* (*terra feminorum*) [32, р. 250–251] непосредственно (*proxima*) близ Эстланда (в данном случае – современной Эстонии) [Там же, р. 245].

Даже расстояния основных точек Балтийского региона франкам были практически незнакомы. Современник Людовика Эйнхард предполагал, что Балтика простирается не более чем на 100 тыс. шагов (менее 150 км). Очевидно, именно такие географические представления стали причиной того, что Людовик был готов отправить вместе с росами в рискованное путешествие по удаленным уголкам «Свеонии» императорскую охрану.

На «восточном берегу» моря, по сведениям Эйнхарда, проживали лишь поморские славяне, эсты (*Aistii*) и неназванные другие народы

[36, р. 13]. Исходя из контекста и других описаний первой половины I тыс. н.э., на самом деле это южный берег не далее Немана, а реальный восточный – это те территории с островами, которые франкский писатель считал принадлежащим свеонам и данам (исходя из локации датских островов IX в. лишь на юге моря [17, с. 25, 34]) – фактически одним свеонам. Исходя из более поздних сведений, можно заключить, что «островом» могли считаться и Курланд (Курляндия), и современная материковая Эстония [32, р. 244]. Показательно, что еще один современник Людовика Ансгарию полагал перед своим визитом в Свеонию, что она «почти вся состоит из островов» [48, р. 711].

У Адама Бременского и его источников *Sueonia* обозначала и шведские области Свеаланд и Ёталанд, и прилегающие территории, населенные финскими племенами, а термин *Sueones*, хотя и допускал иногда сугубо узкую свейско-ётскую семантику, но в целом распространялся и на соседние племена [22, с. 170]. Когда же хронист хотел точно обозначить собственно шведов, свеев, он использовал термин *Suedi* [Там же, с. 171].

Неопределенность границ Свеонии подчеркивает указание Адама на то, что, по рассказам, от нее можно было добраться по суше «до самой Греции» [32, S. 242], что, очевидно, исключало Скандинавию как исходный пункт путешествия с учетом огромного крюка через Финляндию и того, что даже из Дании на юг предпочитали добираться морским и речным путем на кораблях [Там же, S. 242, 244]. О неопределенности уже самого термина Свеония говорит и свидетельство Вульфстана второй половины IX в., зафиксированное принадлежность ряда западнобалтийских островов, включая Готланд, к *Sweon (Sweoland)* [17, с. 2–21, 26]. Но это не означало государственного, да и близкого этнического единства этих островов с материковой Швецией. Собственно, готландский источник «Сага о гутах» утверждает, что обитатели острова успешно отбивали все шведские нападения на Готланд, «пока он был языческим» (т.е. минимум до конца X в.) [23, с. 307]. С. Чернер также отмечает, что Готланд был полностью независим от материковой Швеции до X или даже XI вв. [30].

Таким образом, термины Свеония/свеоны могли употребляться хронистами в достаточно широком аспекте, означая территории и народы, входившие в некое культурное пространство, как в случае с Готландом, или находившиеся в зависимости от шведов, как Курляндия. Такой подход мог объясняться огромным влиянием, которое оказывало на средневековых географов античное наследие, где первейшим признаком народа являлся культурный фактор (обычаи), а также занимаемая

им территория, в классической традиции записанная за определенным, пусть и оставившим эти места народом: скифами, сарматами и др.

Определенные основания записать в «Свеонию» Восточную Прибалтику были. О походах туда конунгов Ингвара и его сына Энунда рассказывала «Инглинга-сага» [27, с. 28–29]. Согласно «Саге о Хёрвер», конунг Ивар Широкие Объятия уже захватил, вместе с другими территориями на востоке, Курланд и Эйстланд [51, р. 59]. Согласно «Гута-саге», выходцы с Готланда перед переселением в Восточную Европу некоторое время обитали на о. Дагё (Хийумаа) [23, с. 307].

Архологические источники свидетельствуют о тесных контактах между Готландом и Эзелем (Сааремаа), население обоих островов роднила даже социальная организация, отличавшаяся от аналогов в материевой Швеции [54, р. 330]. Еще основатели эстонской археологической школы в XIX в. считали культуру с каменными оградками Эстляндии, Лифляндии и северной Латвии конца римского периода «готской» – в значительной мере из-за сходства ее с памятниками низовьев Вислы [34, р. 17]. Прибрежная Эстония поддерживала контакты как с Готландом, так и с восточной Швецией [57, р. 321]. Отмечая скандинавское влияние на восточных и северо-восточных берегах Балтики еще с бронзового века, М. Мяги отмечает, что оно стало «необыкновенно интенсивным» в Эстонии с V по VII вв. н.э., археологические находки этого периода имеют прямые параллели с готландскими [45, р. 17, 32]. Она полагает, что итогом этого влияния стала «общая культурная сфера» всего побережья северной части Восточной Балтии от Курляндии до Финского залива со смешением скандинавских и местных элементов, сфера, которая заметно отличалась от культуры внутренней части региона [46].

Есть и основания считать, что именно с этой широкой «Свеонией» связан этоним и хороним *Rhos/Pyc*.

Расчеты и данные эксперимента показывают, что, исходя из указанного Адамом Бременским расстояния от Бирки до «Руси» [32, S. 249], по крайней мере, часть «Руси» могла находиться в районе Моондзундского архипелага, западного или северо-западного (Колывань) побережья Эстонии [29, с. 19–32], предполагая путь в идеальных погодных условиях – в пределах Финского залива (т.к. путь до Ладоги составлял 8–11 дней) [25, с. 114–115].

А.П. Сапунов не без удивления увидел в источниках, что Сааремаа (как и области ливов и лепттов) в начале истории Ливонского ордена считался находящимся под властью русов (*Ruysschen*) и даже предположил ошибку (дескать, речь шла не об Эзеле, о материевой земле селов)

[24, с. 82]. Однако о древней локации «русов» на западе Эстонии писал еще Саксон Грамматик, описывая полулегендарные войны датского короля Фрото и *Ruthenii (Rusci)* за их город *Rotala* [52, р. 40] (этот город отождествляется с современным Хаапсалу [49, р. 63]). Показательны сами параллельные названия Сааремаа в описаниях XVII в. – Русел, Рюсеро [3, с. 20–21; 6, с. 17]. Именно Сааремаа некоторые исследователи сопоставляли с резиденцией «хакан-рус» [13, с. 291–292]. Археологи указывают на существование укрепленных поселений на Сааремаа, а богатый могильник на западе острова, в Пайю, по мнению М.М. Казанского, «отражает существование здесь какого-то центра власти» [8, с. 62].

Теоретически можно локализовать *Rhos* и южнее, в районе Самбии и Понеманья, где в некоторых немецких и северных источниках отмечались гидро- и топонимы с основой на *Rus* [12, с. 9; 28, с. 331–332], и который не избежал скандинавского влияния [15, с. 133–137], но все же эта область слишком вплотную соприкасалась с пределами, известными западноевропейцам IX в. (Эйнхард, Вульфстан).

Локализация *Rhos* в Восточной Прибалтике отвечает и геополитическим реалиям IX в. Сааремаа – один из ключевых пунктов торгового янтарного трансъевропейского пути раннего средневековья [14, с. 150]. С этого острова контролируется вход в Рижский залив и устье Западной Двины, что немаловажно, поскольку последняя имела, во всяком случае, к началу X в., важную роль в торговом сообщении с югом [57, р. 218], что соответствует и легендарной традиции, в частности, рассказу «Гута-саги» о миграции в Грекланд (Грецию) по Двине.

Наконец, сообщение ал-Идриси оочных набегах русов (что предполагает их близкое расположение) на город Джинт(и)яр [10, с. 142–143] также позволяют уточнить их локализацию. Недельный путь на восток или юг от «эстланского» Калури (Колывани?) до этого города, указание на спасающую его жителей от русов труднодоступную гору, сам топоним, сопоставляемый с балтским названием янтаря [15, с. 134] говорят о его расположении в юго-восточной Балтике (где нет, собственно, гор, но есть прибрежные высокие крутые обрывы). Расстояние от южной оконечности Сааремаа, например, до обрыва Юркалне на западе Латвии немногим более 120 км, что позволяло быстро преодолеть это расстояние.

Таким образом, видимо, не случайно В. Томсен допускал, что *Rhos* происходили не из материковой Швеции, а из некоего шведского племени, переселившегося в Восточную Прибалтику [56, S. 144]. Есть основания считать, что *Rhos* располагались в западной Эстонии, и они

могли содержать скандинавский, в первую очередь, готландский элемент. Правда, эта доля весьма условна, т.к. во-первых, население самого раннесредневекового Готланда было многонациональным [14, с. 149] и население западной Эстонии, по-видимому, тоже. (В.И. Кулаков предполагает, что опорные пункты «восточного торгового пути», включая Сааремаа, контролировались интернациональными, в т.ч. с балтским элементом, дружинами [Там же, с. 150].)

Во-вторых, никаких признаков языкового доминирования скандинавов, во всяком случае, ныне известных, среди *Rhos/Rutheni/Pyc* не отмечено.

По мнению М. Мяги, трудно поверить, чтобы никто из окружения Людовика в 839 г. не опознал в *Rhos* «шведов» сразу, если бы они говорили между собой на шведском. Скорее, их идентификация как «свеонов» произошла на основании неких их культурных черт, аксессуаров или же их рассказа о местоположении своей родины, определенной франками как Свеония [44, р. 197]. Исследовательница полагает, что языком этих *Rhos* был какой-то особый скандинавский диалект, но и это допущение не поддерживается фактами. Антропонимы правителей русов-рутенов в версии Саксона Грамматика (*Olimarus, Tranno*) не выходят за рамки древнего общегерманского именослова, или даже ближе к антропонимику континентальных германцев (*Alemar, Throannus* [38, S. 65, 199]), еще одно имя *Vespasius* – латинское. Имя «рутенского» города или области *Rotala (Rotalia)*, тоже, возможно, связано со средневековой латынью, где основа *rotal* означала закругленный предмет или сооружение [36, р. 834–835]. Это соотносится с данными о миграции на Балтику из бывших римских дунайских провинций и о латинском генезисе самого этнотермина *Pyc/Rutheni* [2, с. 125–157].

Уже отмечалось, что, исходя из тональности и контекста сообщения анналов, *Rhos* появились около 839 г. впервые, но, между тем, греки как-то поняли речь представителей этого незнакомого им народа [31, с. 158]. Поняли ее затем и франки, хотя вряд ли они имели дело с дипломатами-полиглотами. В контексте вышесказанного, этим языком был не скандинавский или его диалект, а наречие, более знакомое в постимской Европе.

Таким образом, результаты анализа имеющихся источников позволяют предположить местонахождение центра власти упомянутых в Берлинских анналах *Rhos* в Восточной Прибалтике. Что касается характеристики послов хакана как «свеонов», то она не может быть однозначно интерпретирована в пользу их скандинавской принадлежности. Термин «свеоны» в указанное время отражал сложность этнической картины региона.

Библиографический список / References

- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. [Artamonov M.I. Istorya khazar [The history of the Khazars]. Leningrad, 1962.]
- Виноградов А.Е. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. М., 2018. [Vinogradov A.E. V poiskakh nachalnoj Rusi. Latinskij sled v russkom etnogeneze [In search of initial Russia. Latin trace in Russian ethnogenesis]. Moscow, 2018.]
- Витсен Н. Путешествие в Московию 1664–1665. Дневники / Пер. В.Г. Трисман. СПб., 1996. [Witsen N. Puteshestvie v Moskoviyu 1664–1665. Dnevniki [Moscovische reese: 1664–1665. Journaal en aantekeningen]. V.G. Trisman (transl.). St. Petersburg, 1996.]
- Войтович Л.В. Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (II) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып. 1. С. 3–11. [Voitovich L.V. Vikings in Central and Eastern Europe: The riddles of Ladoga and Plisneska (II). *Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. 2012. Iss. 1. Pp. 3–11. (In Russ.)]
- Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской: по материалам граффити XI–XVII вв. Киев, 1976. [Vysockij S.A. Srednevekoye nadpisi Sofii Kievskoj: po materialam graffiti XI–XVII vv. [Medieval inscriptions of Sophia of Kiev: Based on graffiti materials of the 11th–17th centuries]. Kiev, 1976.]
- Дневник Андерса Траны. 1655–1656 / Сост. Г.М. Коваленко; Пер. А.М. Галиновой. Великий Новгород, 2007. [Dnevnik Andersa Trany. 1655–1656 [Diary of Anders Trana]. G.M. Kovalenko (ed.); A.M. Galinova (transl.). Velikij Novgorod, 2007.]
- Йордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. [Jordanes. O proiskhozhdenii i deyaniyah getov [Getica]. St. Petersburg, 1997.]
- Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010. № 4. С. 17–127. [Kazanskij M.M. Scandinavian fur trade and the “Eastern Way” in the era of the migration of peoples. *Stratum plus*. 2010. No. 4. Pp. 17–127. (In Russ.)]
- Клейн Л.С. «Русь» в системе этнонимов как ключ к происхождению термина // Stratum plus. 2014. № 6. С. 283–286. [Klejn L.S. «Rus» in the system of ethnonyms as a key to the origin of the term. *Stratum plus*. 2014. No. 6. Pp. 283–286. (In Russ.)]
- Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 1999. [Konovalova I.G. Al-Idrisi o stranah i narodah Vostochnoj Evropy [Al-Idrisi on the countries and peoples of Eastern Europe]. Moscow, 1999.]
- Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10 / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2001. С. 108–135. [Konovalova I.G. On possible sources of borrowing the title “kagan” in Ancient Russia. *Slavyane i ih sosedzi*. B.N. Florya (ed.). Moscow, 2001. Pp. 108–135. (In Russ.)]
- Костомаров Н.И. Начало Руси. СПб., 1860. [Kostomarov N.I. Nachalo Rusi [The beginning of Rus']. St. Petersburg, 1860].
- Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003. [Kuzmin A.G. Nachalo Rusi [The beginning of Rus']. Moscow, 2003.]

14. Кулаков В.И. Балтийский вариант движения викингов // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 148–151. [Kulakov V.I. Baltic version of the Viking movement. *Stratum plus*. 1999. No. 5. Pp. 148–151. (In Russ.)]
15. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 года. М., 2003. [Kulakov V.I. *Istoriya Prussii do 1283 goda* [History of Prussia until 1283.] Moscow, 2003.]
16. Максимович К.А. Происхождение этнонима *Русь* в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // КАНИΣKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М., 2006. С. 14–56. [Maksimovich K.A. The origin of the ethnonym *Rus'* in the light of historical linguistics and ancient written sources. *KANIΣKION. Yubilejnyj sbornik v chest 60-letiya prof. I.S. Chichurova*. Moscow, 2006. Pp. 14–56. (In Russ.)]
17. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. [Matuzova V.I. Anglijskie srednevekovyye istochniki IX–XIII vv. [English medieval sources IX–XIII centuries]. Moscow, 1979.]
18. Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011. [Melnikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya [Ancient Russia and Scandinavia]. Moscow, 2011.]
19. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. [Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah [Ancient Russia on international routes]. Moscow, 2001.]
20. Назаренко А.В. Русь IX в: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 12–35. [Nazarenko A.V. Russia IX century: Review of written sources. *Rus' v IX-X vekah. Arheologicheskaya panorama*. N.A. Makarov (ed.). Moscow; Vologda, 2012. Pp. 12–35. (In Russ.)]
21. О законе, данном через Моисея, и о благодати и истине, явленных Иисусом Христом // Златоструй. Древняя Русь X–XIII веков / Под ред. А.Г. Кузьмина, А.Ю. Карпова. М., 1990. С. 106–121. [About the law given through Moses, and about grace and truth revealed by Jesus Christ. *Zlatostruj. Drevnyaya Rus' X–XIII vekov*. A.G. Kuzmin, A.Y. Karpov (eds.). Moscow, 1990. Pp. 106–121. (In Russ.)]
22. Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008. [Rybakov V.V. Hronika Adama Bremenskogo i pervye hristianskie missionery v Skandinavii [Chronicle of Adam of Bremen and the first Christian missionaries in Scandinavia]. Moscow, 2008.]
23. Сага о гутах / Пер. и примеч. С.Д. Ковалевского // Средние века. Вып. 38. М., 1975. С. 307–311. [Gutasaga. Trans. by S.D. Kovalevsky. *Srednie veka*. Vol. 38. Moscow, 1975. Pp. 307–311. (In Russ.)]
24. Сапунов А.П. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтике в XIII столетии (рец.) // Отчет о 38-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1898. С. 79–132. [Sapunov A.P. The end of the original Russian rule in the Baltics in the XIII century. *Otchet o 38-m prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova*. St. Petersburg, 1898. Pp. 79–132. (In Russ.)]
25. Сорокин П.Е. К вопросу о сообщении Новгорода с Балтийским регионом в средневековье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1993. Вып. 7. С. 110–115. [Sorokin P.E. On the question of Novgorod's communication with the Baltic region in the middle ages. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya*. 1993. Vol. 7. Pp. 110–115. (In Russ.)]

26. Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). Тезисы // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 119–147. [Stang H. The Naming of Russia. (Heruls version). Thesis. *Stratum plus*. 1999. № 5. Pp. 119–147. (In Russ.)]
27. Стурлусон С. Круг земной / Пер. А.А. Гуревича, Ю.К. Кузьменко, И.М. Стеблина-Каменского, О.А. Смирницкой. М., 1980. [Sturluson S. Krug zemnoj [Heimskringla]. A.A. Gurevich, Yu.K. Kuzmenko, I.M. Steblin-Kamenskiy, O.A. Smirnitskaya (transl. into Russian). Moscow, 1980. (In Russ.)]
28. Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. [Uspenskij F.B. Skandinavy. Varyagi. Rus' Istoriko-filologicheskie ocherki [Scandinavians. Varangians. Rus: Historical and Philological Essays]. Moscow, 2002.]
29. Федотова П.И. Русские корни Эстонии. Где находился «Острогард Руси Адама Бременского»? // Свободная мысль. 2019. № 4 (1676). С. 19–32. [Fedotova P.I. Russian roots of Estonia. Where was the “Ostergard Russ Adam of Bremen”? *Svobodnaya mysl*. 2019. No. 4 (1676). Pp. 19–32. (In Russ.)]
30. Чернер С. Происхождение и развитие государственной системы на острове Готланд // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001. С. 26–43. [Cherner S. Origin and development of the state system on the island of Gotland. *Drevnejsheie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 1999. Moscow, 2001. Pp. 26–43. (In Russ.)]
31. Шинаков Е.А. Три первых упоминания русов (росов) конца 30 – начала 40 гг. IX в. в международном аспекте // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 158–165. [Shinakov E.A. Three first mentions of Russ (Ros) of the end of 30 – beginning of 40 years IX century in the international aspect. *The Bryansk State University Herald*. 2014. No. 2. Pp. 158–165. (In Russ.)]
32. Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte. Hannover; Leipzig, 1917.
33. Annales Bertiniani auctore Prudentio. Rec. G. Waitz. Hannoverae, Impensis bibliopolii Hahniani, 1883.
34. Archaeological Research in Estonia 1865–2005 (Estonian Archaeology, I). Tartu, 2006.
35. Chekin L.S. Geography, Eschatology & Religious Conversions in the 9th century. *Religion and the Conceptual Boundary in the Central and Eastern Europe*. T. Bremer (ed.). Palgrave MacMillan, 2008. Pp. 16–39.
36. Einhardi Vita Karoli Magni. Hannoverae, Lipsiae, Impensis bibliopolii Hahniani, 1905.
37. Folcuini gesta abbatum Lobiensium. *Monumenta Germaniae historica. Scriptores*. G.H. Pertz (ed.). Hannoverae: Hahn, MDCCXL. S. 52–74.
38. Förstemann E. Die Altdeutsches Namenbuch. Personennamen. Nordchausen, Förstemann, 1856.
39. Franklin S., Shepard J. The Emergence of Russia 750–1200. London; N.-Y., 2014.
40. Heinrich der Letten. Origines Livonae sacrae et civilis. Riga, 1897.
41. Hert J.N. Commentationum atque opuscolorum. T. III. Francofurti ad Moenum. Zunnerian & J.A. Jung, 1713.
42. Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates. St. Petersburg, 1844. Vol. 1.

43. Laxdæla saga / Transl. by M.A.C. Press. London, J.M. Dent, 1899.
44. Mägi M. In Austrvegr: The role of the Eastern Baltic in Viking Age communication. Leiden, 2018.
45. Mägi M. Societies East and West of the Baltic Sea: Prehistoric culture contacts revisited. *Identity formation and diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond. Communicators and Communication.* J. Callmer, I. Gustin, M. Boklund (eds.). Leiden; Boston, 2017. Pp. 17–47.
46. Mägi M. The Origin of Rus' and the question of Balto-Finnic role in this process // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2016. С. 231–257. [Mägi M. The Origin of Rus' and the question of Balto-Finnic role in this process. *Drevnejschie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2014.* T.N. Dzhakson (ed.). Moscow, 2016. Pp. 231–257.]
47. Melleno D. Before they were Vikings: Scandinavia and the Franks up to the death of Louis the Pious. University of Berkeley, 2014.
48. Monumenta Germaniae historica. Т. II. Hannoverae, Impensis bibliopolii Hahniani, 1829.
49. Muceniecks A. *Saxo Grammaticus: Hierocratical Conceptions and Danisch Hegemony in the Thirteenth Century.* Arc Humanities Press, 2017.
50. Power D. Norman identity and the identity of Normands. *The Normans and the “Norman Edge”: People, polities and identity on the frontiers of Medieval Europe.* London; N.-Y., 2019. Pp. 28–52.
51. Saga Heiðrekssonungs. Transl. by Ch. Tolkien. London, 1960.
52. Saxonis Grammatici Gesta danorum. Strassburg, 1886.
53. Shepard J. The Rhos guests of Louis the Pious: Whence and wherefore? *Early Medieval Europe.* 1995. No. 4 (1). Pp. 41–60.
54. Tamm M., Kaljundi L., Jensen C.S. Crusading and Chronicle Writing on the Medieval Baltic Frontier. London; N.-Y., 2016.
55. Tasitus' Germania. E. Schwyzer (ed.). Halle, 1902.
56. Thomsen W. Der Ursprung des Russischen Staates. Gotha, 1879.
57. Tvauri A. The Migration Period, Pre-Viking Age and Viking-Age in Estonia. Tartu, 2012.

Статья поступила в редакцию 13.01.2020, принята к публикации 21.04.2020

The article was received on 13.01.2020, accepted for publication 21.04.2020

Сведения об авторе / About the author

Виноградов Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук; независимый исследователь, г. Москва

Alexey E. Vinogradov – PhD in History, independent researcher, Moscow

E-mail: alwynor@mail.ru

И.М. Эрлихсон

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
390000 г. Рязань, Российская Федерация

Образ разбойника с большой дороги на страницах Ньюгейтского календаря

В статье автор обращается к проблеме репрезентации преступления в английской публицистике XVIII в., акцентируя внимание на уникальном историческом источнике – «Ньюгейтском календаре». Формат и структура «Ньюгейтского календаря» – справочник о заключенных Ньюгейтской тюрьмы, содержащий биографические данные арестантов и описание способов совершения преступлений. Автор реконструирует биографии преступников, промышлявших разбоем на большой дороге, и пытается определить степень влияния психологических и социально-экономических причин, выступавших в качестве мотива преступления. Мы полагаем, что образ разбойника с большой дороги является важным структурным элементом криминального романтизма. Анализ биографий показывает, что значительная доля преступлений подобного рода была одновременно инициирована как жаждой наживы, так и чисто амбициозными соображениями. Мы также приходим к заключению, что стремление попасть в высшие эшелоны преступного мира, обусловленное восприятием англичанами образа грабителя с большой дороги в романтическом ключе, вне зависимости от принадлежности к социальной страте, приводило к применению высшей меры наказания.

Ключевые слова: Англия, XVIII век, преступность, разбой, «Ньюгейтский календарь»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Эрлихсон И.М. Образ разбойника с большой дороги на страницах Ньюгейтского календаря // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 40–53. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-40-53

I.M. Erlikhson

Yesenin Ryazan State University,
Ryazan, 390000, Russian Federation

The image of a highwayman on the Newgate Calendar pages

In the article the author investigates the problem of crime representation in English journalism of the 18th century, focusing on a unique historical source – the Newgate Calendar. The format and structure of the Newgate Calendar is a guide to Newgate Prison inmates, containing biographical information about the prisoners and a description of their crimes. The biographies of highwaymen are reconstructed, and the degree of social and psychological motives is determined. We believe that the image of a highway robber is an important structural element of criminal romanticism. An analysis of biographies shows that a significant proportion of crimes of this kind were simultaneously initiated by both greed for profit and purely ambitious considerations. The author comes to the conclusion that the desire to get into the upper echelons of the criminal world, due to the British perception of the image of a highwayman in a romantic way, regardless of belonging to a social stratum, led to the use of capital punishment.

Key words: England, 18th century, crime, highway robbery, "Newgate calendar"

FOR CITATION: Erlikhson I.M. The image of a highwayman on the Newgate Calendar pages. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 40–53.
(In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-40-53

В XVIII в. Англия столкнулась с прогрессирующим ростом преступности, который панически пугал просвещенную общественность. Дороги кишили шайками разбойников, останавливавшими почтовые кареты и расправлявшимися с пассажирами при любом намеке на сопротивление. И в предместьях больших городов, и на центральных улицах проходили грозила опасность быть ограбленными и убитыми. «Утонченные формы порока, которыми наслаждалась аристократическая элита эпохи Реставрации, в последующие десятилетия проникли во все классы общества, превратившись в уличный разбой и циничный разврат...

в числе воров и грабителей сплошь и рядом попадались состоятельные люди из среды буржуазии, фермеры, купцы и даже юристы» [1]. Автор анонимного трактата «Виселица – недостаточное наказание для убийц, грабителей с большой дороги и взломщиков» (1701 г.) именовал преступников позором нации и сравнивал их с ядовитыми гадюками и теми мифическими существами, от которых избавлял Грецию великий Геракл [10, р. 17].

Несомненно, беспрецедентная криминализация английского общества была тесно связана с социально-экономическими процессами, которые на протяжении XVIII в. трансформировали, а порой окончательно ломалиrudименты старой патриархальной структуры. «Финансово и социально незащищенные слои населения стали еще более уязвимыми, в особенности тогда, когда призывы к христианскому милосердию, актуальные в средневековье, превратились в пустой звук, а возможности частной и государственной благотворительности были несоизмеримы с масштабами безработицы и пауперизации населения» [8, с. 266]. Продолжающееся обезземеливание крестьянства (наследственных копиогольдеров), внедрение технических усовершенствований в промышленности, демографический подъем, рост цен и налогов на предметы потребления¹, – все это приводило к тому, что люди в нижней страте населения едва сводили концы с концами и оказывались на грани отчаяния.

Бурный рост преступности и отсутствие инновационных методов борьбы с криминальной пассионарностью помогают частично осмыслить логику властей, которые, за неимением альтернативы существующей системе наказаний, придерживались экстенсивного пути. Это дало основание отечественному юристу-криминологу И.Я. Фойницкому определить Англию как «классическую страну применения смертной казни», по праву занимавшую первое место в Европе Нового времени по числу преступлений, за которые полагалась высшая мера, как в простой, так и в квалифицированных формах, включавших четвертование, колесование, кипячение в котле, заливание горла металлом и пр. [7, с. 134–135].

Преступление стало одним из факторов, создававших социокультурную реальность, которая отражалась в письменных источниках: материалах судебных заседаний, периодических изданиях, дневниках, записках путешественников, автобиографиях, произведениях художественной

¹ Например, в правление Георга III (1760–1820) были повышены налоги на пиво, сидр, стекло, свечи, льняные и хлопчатобумажные ткани; на квартирную плату и топливо уходило 56 шиллингов в месяц, рацион сельских и городских рабочих состоял из хлеба, дешевого сыра, овсянки, редко – сала или бекона.

литературы. В зарубежной историографии проблема преступности в Англии в XVIII в. и ее репрезентация в средствах массовой информации детально освещены в коллективных монографиях, исследованиях Э. Снелл, П. Кинга, Т. Хитчкока, Р. Шумахера, П. Лайнбо, Ф. Макклина, Дж. Спраггса, Г. Дарстона [9; 11–16]. Особо выделим монографию Р. Уорда, в которой представлена аналитическая панорама самых разнообразных жанров печатной криминальной литературы (столичные газеты, публицистика, гравюры, материалы судебных заседаний Олд-Бейли, исповеди преступников, записанные капелланами Ньюгейта, «Ньюгейтский календарь») [21].

Корпус подобных текстов довольно обширен, поэтому в рамках данной статьи мы сосредоточим фокус нашего исследования на «Ньюгейтском календаре». В отечественной науке эта уникальная, не имеющая аналогов коллекция биографий преступников привлекает внимание преимущественно филологов как предтеча «ньюгейтского романа» и английской детективной литературы, что нашло отражение в диссертационном исследовании и статьях И.А. Матвеенко [5]. Дж. Уилсон рассматривал «Календарь» исключительно в контексте происхождения криминологии и отмечал, что эта область познания начиналась с литературных и этических рассказов о преступлениях и преступниках, написанных не учеными, а работниками криминальной юстиции: тюремщиками и юристами [6].

Первая коллекция подобных записей под названием «Тайбернский календарь, или Кровавый реестр злоумышленников» был издан в 1705 г. Г. Суиндэлом. В 1719 г. выходит «История жизней и преступных деяний самых печально известных разбойников, взломщиков и мошенников обоего пола, произведенных в Лондоне, Вестминстере и других частях Великобритании за последние сто лет» капитана А. Смита, а спустя год – «Хроника Тайберна, или Злодейство во всех его ипостасях». Трехтомное издание под названием «Ньюгейтский календарь, или Кровавый реестр негодяев, содержащий: подлинный и косвенный рассказ о жизни и деяниях, также предсмертные речи самых печально известных злоумышленников обоих полов, приговоренных к смертной казни в Великобритании и Ирландии за государственную измену, убийство, пиратство, воровство, фальшивомонетчество... где показан переход от порока к добродетели и приведены полезные размышления о несчастных, ставших жертвами национального законодательства» вышло в свет в 1774–1778 гг. В XVIII в. «Календарь» переиздавался еще дважды, в XIX в. – шесть, в XX в. – одиннадцать раз с вариациями в названии и содержании. Каждая новая коллекция либо пополнялась, либо сокращалась в зависимости от предпочтений публики и замысла

редакторов, поэтому единого издания, включающего все криминальные биографии, не существует. В данном исследовании нами будут привлечены преимущественно первые два тома из коллекции «Ньюгейтский Календарь», изданные под редакцией Э. Нэппа и А. Болдуина [17; 18], а также «Полный Ньюгейтский календарь» под редакцией Дж.Л. Райнера и Г.Т. Крука [19], фактически воспроизведенный в последнем на сегодняшний день издании «Календаря» [20].

Мы распределили мужские биографии, представленные в первых двух томах издания Э. Нэппа и охватывающие период с 1700 по 1775 гг., по видам преступлений (табл. 1). Естественно, полученные данные не претендуют на роль статистического источника, показывающего точную картину, масштабы и характер преступности, но все же опосредованно отражают динамику и социально-психологическую подоплеку криминальной активности англичан в изучаемый период.

Таблица 1

**Виды преступлений (по мужским биографиям),
представленные в первых двух томах
«Ньюгейтского Календаря» издания Э. Нэппа
(1700–1775 гг.)**

Виды преступлений	Количество
Убийства:	117 (36,5%)
• семейно-бытовые	39
• непредумышленные	3
• дуэли	4
• детоубийства	1
• иные мотивы	70
Экономические преступления	39 (12,1%)
Разбой на большой дороге	34 (10,5%)
Политические преступления	33 (10,3%)
Разбой	31 (9,5%)
Кражи со взломом	22 (6,8%)
Прочее (воровство лошадей, пиратство, поджоги, изнасилования, скупка краденого, лжесвидетельство, незаконное возвращение из ссылки, содомия, похищение и продажа людей, членовредительство, супружеская измена)	35 (14,3%)
Всего преступлений (мужские биографии)	320 (100%)

Разбой на большой дороге в «Календаре» занимает третье место в общем объеме мужских преступлений (см. табл. 1). Рядовые англичане нередко оказывались жертвами преступников, которые обращались с ними с бесчеловечностью и отсутствием почтения к возрасту, полу и социальному статусу. «Эти отчаянные головорезы препятствуют развитию торговли и коммерции, сокращают количество как деловых встреч, так и дружеских визитов. Они грабят дерзко, уверенно, упиваясь своей безнаказанностью, так, как будто делали бы это на законных основаниях... они ранят и калечат, оставляют людей раздетыми на холоде, что нередко приводит к переохлаждению и смерти», – сетовал анонимный автор упомянутого выше трактата «Виселица – недостаточное наказание для убийц...» [10, р. 11].

Мы проанализировали самые показательные из представленных биографий, чтобы проследить определенный алгоритм в смене жизненных обстоятельств и охарактеризовать статус и личностные качества тех, кто избрал именно эту преступную «специализацию».

В реестре «разбойников с большой дороги» выделяется история Тома Роуланда, так и не преуспевшего в кладке кирпичей, которому он обучался в течение нескольких лет. Леность и склонность к праздности привели его в дурную компанию. Он начал преступную карьеру с кражи лошади из конюшен герцога Бофора в Глостершире. В течение восемнадцати лет ему удавалось совершать беспрецедентные по дерзости ограбления и уходить безнаказанным, во многом благодаря тому, что он переодевался в женское платье. Однажды он украл кружева стоимостью 20 фунтов, был схвачен и помещен в тюрьму. Том явил собой классический пример нераскаявшегося преступника: уже после вынесения приговора он зверски избил женщину, нанесшую ему визит, и, по выражению автора, «упивался своим своими грехами» [20, р. 310], пока его не повесили в Тайберне 24 октября 1699 г.

Джек Аддисон за двадцать три года совершил 56 ограблений, последнее из которых стало для него роковым. Покушение на имущество французского посланника герцога Дюомона привело его сначала в Ньюгейт, затем в Олд-Бейли и, наконец, в Тайберн, где он был повешен 2 марта 1711 г. Джек – классический грабитель с большой дороги, чьи «подвиги» с легкой руки автора «Календаря» оказались овеяны авантюристо-благородным флером, плохо вязавшимся с реальной биографией «героя». Он родился в Ламбете, некоторое время служил на флоте, а после демобилизации в качестве источника существования выбрал ремесло мясника. Честный труд пришелся ему не по душе, что усугубило общение с дурными женщинами, в частности, с некоей Кэти Спид, под влиянием которой он свернулся на «кривую дорожку» и совершил целую серию

дерзких ограблений. В «Календаре» описываются четыре преступных эпизода, каждый из которых, по-видимому, призван раскрыть грани индивидуальности Джека. Некоему пастору он предложил сыграть в грамматическую игру, обещав преподобному вернуть пять гиней, если тот определит, какой частью речи является слово «золото». Тот без колебаний назвал существительное (*noun substantive*), исходя из того, что его можно предварить артиклем *the* или *a*. «Нет, – ответил Джек, – Ваше преподобие скверный филолог, ибо Ваше золото – существительное с оттенком прилагательного (*noun adjective*), так Вы не можете его ни видеть, ни слышать, ни осязать, ни постичь каким-либо иным образом»² [20, p. 409]. Оставив несчастного сокрушаться над своей ошибкой, Джек вернулся к своим нечестивым деяниям, среди которых числится ограбление на дороге между Хаммерсмитом и Кенсингтоном мистера Палмера, трактирщика, державшего питейное заведение на Друри-лейн. Он забрал у него серебряные часы и 18 шиллингов, а на просьбу вернуть хотя бы малую долю наличности, дабы покрыть дорожные расходы, ответил следующее: «Если бы ты был честным ремесленником, я бы выполнил твою просьбу, но я не дам тебе ни фартинга, т.к. люди твоей профессии едят, пьют и даже мыслят за счет других» [Там же]. Вершиной же остроумия «благородного» разбойника стал диалог с безымянным адвокатом (барристером) из Линкольнс-Инн. Последний, лишившись золотых часов, серебряной табакерки и двух гиней, обещал поступить с Джеком с исключительной суровостью, когда тот предстанет перед законом. «Я презираю всех английских юристов, которые способны лишь цитировать пророчества Мерлина в своих речах, а заодно закон, бессильный решить Лукианов древний спор между Тау и Сигмой»³. Возможно, скромный мясник почерпнул познания в области филологии и античной философии во время службы на флоте, где корабельный священник должен был читать матросам Библию и беседовать с ними на разные «нравственные» темы. Но очевидно, что его «подвиги» все же оказались сильно приукрашены автором «Календаря», придавшим им флер изысканности и оттенок ненависти к представителям определенных профессиональных когорт.

² Игра слов, заключающаяся в противопоставлении грамматического значения слова и философского понятия. *Noun substantive* – термин для обозначения имени существительного. Термин *adjective* смешает акцент на то, что деньги, тем более украденные, это абстрактное понятие, качество, которое нельзя ощутить. Следовательно, жертва не увидит своих денег в любом случае.

³ Тау – буква τ (T) греческого алфавита; Сигма – буква σ (Σ) – главные персонажи сочинения «Суд гласных» Лукиана из Самосаты. В сатирической судебной тяжбе между буквами решаются лингвистические вопросы [3, с. 5–9].

В подобном же свете представлена биография «влюбленного разбойника» Джека Овета. Он был родом из Ноттингема, в юности постигал ремесло башмачника, но, «отличаясь дерзким и нахальным нравом, оказался вовлеченым в дурную компанию и предпочел честному, но скучному труду образ жизни джентльмена с “большой дороги”» [20, р. 394]. Приобретя лошадь, нож и пистолеты, Джек отправился в Лондон, где он и впервые преступил закон, ограбив некоего джентльмена на 20 фунтов. Тот опрометчиво заявил, что только внезапность нападения заставила его расстаться со своими деньгами. Ответ Джека заслуживает быть процитированным полностью: «Сэр, я рискнул жизнью, совершив ограбление, но если Вы настолько тщеславны, полагая себя лучше меня, то я рискну еще раз. Вот Ваши деньги, и пусть они достанутся тому, кто одержит победу в состязании». Дуэль стала последней для незадачливого джентльмена: Джек заколол его рапирой, после чего завладел означенной суммой и отправился на поиски новых приключений, которые не заставили себя долго ждать. В Борчестере он остановил экипаж с несколькими молодыми леди, ограбив всех без исключения. Одной же пассажирке, отличавшейся необыкновенной красотой, он адресовал речь следующего содержания: «Мадам, не красните и не опускайте ваши прекрасные глаза, покорившие и смягчившие мое сердце так, что я не тот человек, которым был раньше. Считайте то, что я забрал у Вас, одолженным на время, и, если Вы сообщите мне адрес, по которому я могу выслать Ваши деньги (двадцать гиней), я, как человек чести, возмешу Вашу потерю в ближайшее время» [Там же]. Спустя неделю Джек направил своей визави письмо, где рассыпался в утонченных комплиментах, призывая ее отиться власти Венеры и Купидона и уверяя, что он встал на путь исправления и готов начать новую жизнь. Роковой ошибкой для Джека, в итоге приведшей его на виселицу, стало то, что он указал место, куда следовало доставить ответное письмо. Ответ юной леди был переполнен благородным негодованием, вызванным предложением стать женой, а вскоре и соломенной вдовой того, кто зарабатывает на жизнь, отбирая последнее у честных людей: «Я не настолько очарована Вами, чтобы сочетаться браком под сенью виселицы с негодяем, чьи любезные улыбки, слова и поступки не что иное как ручейки разнудзанных страстей, образующих море смертных грехов» [20, р. 395]. Леди не ограничилась высокопарной отповедью и сообщила адрес Джека мировому судье, после чего констебли препроводили его в Лестерскую тюрьму. Во время пребывания там Джек не выказывал ни малейших признаков раскаяния за убийства и грабежи. Это обстоятельство вкупе с многочисленными свидетельствами против него предопределило приговор: в возрасте тридцати двух лет он был казнен 5 мая 1708 г.

К концу XVIII в. разбойники с большой дороги настолько затерроризировали путешественников, что вызывали равно страх и ненависть англичан вне зависимости от социального статуса и профессиональной принадлежности. «Мы полагаем, что самое лучшее наказание для тех, кто промышляет грабежом, наводя страх на мирных путников, – это заставить их трудиться на дорогах с закованными в кандалы ногами. Зрелище этих несчастных несомненно заставит безрассудного юношу задуматься перед тем, как отобрать кошелек и спустить его содержимое на экстравагантные излишества», – такое суровое предложение, подкрепленное соответствующей иллюстрацией, содержится в предисловии к Календарю 1780 г. [20, р. 16].

Распространенность этого вида преступления объяснялась еще и тем, что в иерархии преступного мира разбойники с большой дороги традиционно занимали самые высокие позиции и потому в наибольшей степени подверглись романтизации. Примечательно, что в издании Э. Нэппа представлены всего лишь несколько биографий разбойников-дженетльменов. «Титулы, древность рода и славная память предков безжалостно втаптываются в грязь их обладателями, чьи имена запечатлены криминальной хроникой» [17, р. 308]. Дело, в котором фигурантами выступали сэр Саймон Кларк и лейтенант Роберт Арнотт, слушалось на ассизе в Винчестере. В очерке «Журнала для джентльмена» (*The Gentlemen's Magazine*) от марта 1731 г. сообщалось, что на заседании присутствовало много представителей джентри. «Сэр Саймон произнес трогательную и патетичную речь, заставившую прослезиться всех присутствовавших. Шериф и высокое жюри, учитывая заслуги предков и печальные жизненные обстоятельства, приведшие молодого человека на большую дорогу, подали прошении о помиловании Его Величеству, которое тот счел нужным удовлетворить» [Там же, р. 309].

Не столь благосклонна была судьба к Томасу Батлеру, казненному в Тайберне 8 февраля 1720 г. в возрасте сорока двух лет по обвинению в ограблении сэра Юстаса Ишэма, которого он лишил золотых часов, шелковой пижамы, шести рубашек из голландского полотна. Эти предметы и стали главной уликой, когда Томас Батлер предстал перед судом Олд-Бейли в январе 1720 г. Сын ирландского якобита, после битвы на р. Бойн⁴ он вместе с отцом эмигрировал во Францию, затем в Голландию, после чего вернулся в Англию. Примечательно то, что некоторое время Батлер был связан с герцогом Ормондом⁵, работая на него

⁴ Битва на р. Бойн – сражение, состоявшееся 1 июля 1690 г. и решившее исход противостояния Якова II и Вильгельма Оранского после «Славной революции» 1688 г.

⁵ Джеймс Батлер, второй герцог Ормонд (1665–1745), в 1715 г. был обвинен в государственной измене и эмигрировал во Францию.

в качестве шпиона за 20 фунтов в год, но, потеряв расположение высокопоставленного покровителя, вынужден был искать другие источники дохода. Оказавшись в Англии, он нашел себе слугу и компаньона по имени Джек, вместе с которым они совершили ряд ограблений преимущественно в графствах Кент и Эссекс. Биограф Батлера подчеркивает, что он исповедовал католицизм и вел роскошный образ жизни. «Редкому разбойнику удавалось выглядеть столь элегантно: он предпочитал облачаться в черный бархат и кружева и пользовался аксессуарами, присущими джентльмену. Но закон призвал к его ответу на пике преступной карьеры. Так пусть те, кто вступил на скользкую дорожку, уяснят, что поступь правосудия неспешна, но неумолима, и чем более оно замедлится, тем страшнее будет возмездие», – таким назидательным резюме завершается повествование [17, р. 131].

Но, безусловно, самым знаменитым разбойником-джентльменом XVIII в., чья впечатляющая биография разместилась на одиннадцати страницах, был Джеймс Маклейн, который вместе со своим напарником – ирландским аптекарем Уильямом Планкетом – совершили более двадцати ограблений. Потомок знатного, но обедневшего северошотландского рода, игрок, покоритель женских сердец, утонченный гедонист, с наслаждением вкушающий весь спектр жизненных удовольствий, он обладал безупречными манерами, которые открыли ему дорогу в великосветские салоны, а заодно снискали славу «вежливого разбойника». Среди его «подвигов»: ограбление знаменитого писателя, младшего сына премьер-министра Роберта Уолпола – Горация Уолпла, а также шотландского пэра герцога Эглинтона и историка Томаса Робинсона. «Образ героя криминального романтизма – это социальный антипод романтического. В криминальном романтизме отражается возвышенное, уважительное, трогательное, сострадательное отношение творцов произведений и реципиентов к преступной деятельности и ее субъектам, происходит их героизация, идеализация, воспевание, прославление и возвеличивание» [2, с. 10]. Налицо парадокс: биография Маклейна, изобилующая специфическими подробностями относительно его привычек и характера, излагается с явной симпатией к его антигуманным по существу деяниям. Приводятся письма Маклейна, где он демонстрирует мастерское владение стилем, причем адресованы эти письма тем, кого он грабил, как например, Горацию Уолполу. В то же время значительная часть повествования посвящена его духовному перерождению, которому способствовал его духовник преподобный Аллен: «Во время первого визита доктор Аллен застал несчастного в муках, вызванных не столько бедственным положением, сколько осознанием вины. Он сказал, что христианские истины настолько укоренены

благочестивым воспитанием, что даже многочисленные злодеяния не могли поколебать их» [18, р. 90].

Нравоучительных сентенций в биографии так много, что они должны были бы перевесить восхищение лихими авантюрами «героя», но нужный эффект едва ли оказывается достигнутым. Маклейна повесили 3 октября 1750 г., но его образ, далекий от оригинала, воплощался в литературных произведениях, театральных подмостках, а в XX в. – в кино. В 1999 г. на экраны вышел фильм английского режиссера Дж.Р. Скотта «Планкетт и Маклейн». «Действие происходит в Лондоне в 1748 г. и основано на похождениях реальных персонажей – разбойника Уилла Планкетта и капитана Джеймса Маклейна, не от хорошей жизни образовавших преступное сообщество, именуемое в простонародье “шайкой”. У Планкетта есть богатый криминальный опыт, у Маклейна – связи в высшем обществе. Используя проверенный метод Робин Гуда, они прячутся в лесу и грабят проезжающие кареты богачей» [4, с. 13].

Каково происхождение «джентльменов с большой дороги»? Ф. Макфлинн полагал, что почти без исключения большинство разбойников некогда обладали довольно высоким социальным статусом, потеряв его из-за пристрастия к азартным играм; либо были талантливыми честолюбцами, не желающими зарабатывать на жизнь тяжелым физическим трудом. «Материалы судебных дел фиксируют более высокий образовательный уровень разбойников по сравнению с другими преступниками... Эти люди попали в ловушку классической дилеммы несоответствия жизненных ожиданий и финансовых источников для поддержания имиджа джентльмена и образа жизни, к которому они привыкли или стремились. Так случилось с Томасом Барквиртом. Он прекрасно владел латынью, греческим, французским, итальянским, и прожил бы жизнь ученого, если бы у него был стабильный доход. Его карьера разбойника продлилась ровно час, а заработал он двадцать шиллингов. Его повесили в декабре 1739 года» [14, с. 59].

Но как показывают проанализированные нами истории, преуспевшие в этом ремесле преимущественно были людьми скромного происхождения, посредством эпатажного поведения стремившимися закрепить за собой реноме благородного джентльмена. По мнению В.Я. Катина, «криминальный романтизм представляет собой специфический феномен, истоки которого уходят в историческое прошлое культуры страны и вписываются в общий контекст романтического направления развития европейской культуры, но который имеет в качестве образца героя асоциальной (криминальной) направленности» [2, с. 8]. Генезис мифологии о «добрести» и «бессстрашии» английских разбойников стал

предметом исследования Джиллиан Спраггс, обосновывающей тезис о чисто английском «культе грабителя с большой дороги» [15]. Анализ старинных баллад, художественной литературы, анекдотов, криминальных биографий дает ответы на вопросы, существовал ли у английских «джентльменов удачи» кодекс чести, каким образом формировалась традиция романтизации «подвигов» вооруженных грабителей в седле. Английские разбойники (точнее говоря, их романтизированные биографии) были предметом национальной гордости, а мифологизированное ограбление на большой дороге обладало огромной притягательной силой. Здесь прослеживался неуловимый оттенок аристократизма: молодой джентльмен без гроша в кармане демонстрировал мужество, которое он унаследовал от своих предков. Что касается простолюдинов, для них это был способ вырваться из рамок социальной иерархии, став «крышцем дороги», «калифом на час».

Литературная мода на криминальные истории оказалась долговременной и устойчивой: «Календарь» переиздавался в течение всего XIX в. «Библия преступного мира» стала бестселлером, который можно было встретить на книжной полке рядовой английской семьи. Истории, изложенные на страницах «Ньюгейтского Календаря», выполняли назидательную функцию, напоминая о неизбежности наказания и обязательном раскаянии преступника. Некоторые исследователи предполагают, что преобладающий морализаторский тон каждого повествования, точное описание последних слов и поступков осужденных, выражение покаяния или его отсутствие с высокой степенью вероятности указывают на причастность к авторству тюремных священников. Биографии преступников были шаблонно-ходульными, в содержательном плане представляя последовательно изложенный набор структурных элементов: жизнь, детали преступлений, признание, раскаяние и приведение приговора в исполнение. Сочетание дидактических расуждений и нарративных отрывков, собственно, и составляли композиционную структуру каждой биографии в пропорции, отвечающей таким критериям, как провокативность материала, неординарность личности преступника и степень несоответствия его поведения общепринятым социальным нормам.

Библиографический список / References

1. Каменский А.В. Даниэль Дефо. Его жизнь и литературная деятельность: биографический очерк. М., 2014. [Kamensky A.V. Daniel Defo. Ego zhizn i literaturnaya deyatelnost: biograficheskij ocherk [Daniel Defoe. His life and literary activity: A biographical sketch]. Moscow, 2014.]

2. Катин В.Я. Криминальный романтизм как явление культуры современной России: Автограф. дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2007. [Katin V. Ya. Kriminalnyj romantizm kak yavlenie kultury sovremennoj [Criminal crime romanticism as a phenomenon in modern Russian culture]. PhD theses. Saratov, 2007.]
3. Лукиан Самосатский. Суд гласных // Лукиан Самосатский. Сочинения. СПб., 2001. С. 5–9. [Lucian of Samosata. The Consonants at Law. *Lucian of Samosata. Sochineniya.* St. Petersburg, 2001. Pp. 5–9.]
4. Маслова Л. Джентльмены с большой дороги // Коммерсантъ. 2000. № 26. 17 февраля. С. 13. [Maslova L. Highway Gentlemen. *Kommersant.* 2000. No. 26. February 17. Pp. 13. (In Russ.)].
5. Матвеенко И.А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг. Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. [Matveenko I.A. Vospriyatiye anglijskogo socialno-kriminalnogo romana v russkoj literaturre 1830–1900-h gg. [Perception of the English socio-criminal novel in Russian literature of the 1830–1900s]. Dr. Hab. Dis. Tomsk, 2014.]
6. Уилсон Дж. Слово «криминология»: филологическое исследование и определение // Актуальные проблемы экономики и права. Т. 10. 2016. № 3. С. 227–250. [Wilson J.R. The word criminology: A philology and a definition. *The Criminology, Criminal Justice, Law & Society.* 2015. Vol. 16. No. 3. Pp. 61–82.]
7. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб, 1889. [Foynitsky I.Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem [The doctrine of punishment in connection with prison science]. St. Petersburg, 1889.]
8. Эрлихсон И.М. Генезис идей социальной утопии в английской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. [Erlikhson I.M. Genezis idej socialnoj utopija v anglijskoj obshchestvennoj mysli vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII vv. [Genesis of the ideas of social utopia in English public thought in the second half of the 17th – early 18th centuries]. Dr. Hab. Dis. Moscow, 2009.]
9. Durston G. Whores and highwaymen: Crime and justice in the eighteenth-century metropolis. L., 2012.
10. Hanging not punishment enough (1701), reprinted in by B. Montagu, Esq. L., 1819.
11. Hitchcock T., Shoemaker R. London lives. Poverty, crime and making of modern city, 1690–1800. Cambridge, 2015.
12. King P. Newspaper reporting and attitudes to crime and justice in late-eighteenth and early-nineteenth-century London. *Continuity and Change.* 2007. No. 22 (1). Pp. 73–112.
13. Linebough P. The London hanged: Crime and civil society in the 18th century. N.-Y., 2006.
14. McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989.
15. Spraggs G. Outlaws and highwaymen: The cult of the robber in England from the middle ages to the nineteenth century. Pimlico, 2001.
16. Snell E. Perceptions of violent crime in eighteenth-century England: A study of discourses of homicide, aggravated larceny and sexual assault in the eighteenth-century newspaper. PhD thesis. University of Kent, 2004.

17. The Newgate calendar comprising interesting memoirs of the most notorious characters who have been convicted of outrages on the laws of England since the commencement of the eighteenth century; with occasional anecdotes and observations, speeches, confessions, and last exclamations of sufferers. A. Knapp, W. Baldwin (eds.). Vol. 1. L., 1824.
18. The Newgate calendar comprising interesting memoirs of the most notorious characters who have been convicted of outrages on the laws of England since the commencement of the eighteenth century; with occasional anecdotes and observations, speeches, confessions, and last exclamations of sufferers. A. Knapp, W. Baldwin (eds.). Vol. 2. L., 1825.
19. The complete Newgate calendar. J.L. Rayner, G.T. Crook (eds.). In 5 vols. L., 1926.
20. The Newgate calendar. D. ÓDanachair (ed.), pub. by the Ex-classics project. Vol. 1. 2009.
21. Ward R.M. Print, culture, crime and justice in 18th century. L., 2014.

Статья поступила в редакцию 13.02.2020, принятa к публикации 28.04.2020

The article was received on 13.02.2020, accepted for publication 28.04.2020

Сведения об авторе / About the author

Эрлихсон Ирина Мариковна – доктор исторических наук; профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Irina M. Erlihson – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of World History and International Relations, Yesenin Ryazan State University

E-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru

И.Г. Жиряков

Московский государственный областной университет,
105005 г. Мытищи, Московская обл., Российская Федерация

Зарождение западноевропейской экономической интеграции и создание СЭВ: общее и отличительное

В статье рассматривается история зарождения западноевропейской экономической интеграции и восточноевропейской «социалистической интеграции» во второй половине 1940-х гг. Изучение этой истории предопределяется необходимостью научного переосмысливания устоявшихся представлений о важнейших исторических процессах, а также современной потребностью извлекать положительный опыт из прошлого с помощью исторического анализа. Настоящее исследование, основанное на работах различной политической ориентации, с привлечением опубликованных и архивных документов, является одной из первых попыток выяснения не только отличительного, но и общего в истории институционального строительства двух экономических интеграционных моделей.

Ключевые слова: интеграция, институционализация, капиталистическая интеграция, социалистическая интеграция, страны «народной демократии», Совет Экономической Взаимопомощи, СЭВ, Организация европейского экономического сотрудничества, ОЕЭС, Европейское объединение угля и стали, ЕОУС, Европейское Экономическое Сообщество, ЕЭС, Евросоюз

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Жиряков И.Г. Зарождение западноевропейской экономической интеграции и создание СЭВ: общее и отличительное // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 54–68. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-54-68

I.G. Zhiryakov

Moscow Region State University,
Mytischi, Moscow region, 105005, Russian Federation

The birth of Western European economic integration and the creation of COMECON: General and distinctive

The article examines the history of the origin of Western European economic integration and Eastern European "socialist integration" in the second half of the 1940s of the twentieth century. The study of this history is determined by the need for scientific reinterpretation of established ideas about the most important historical processes, as well as the modern need to extract positive experience from the past through historical analysis. This work, based on the publications of various political orientations, with the involvement of published and archival documents, is one of the first attempts to clarify not only the distinctive, but also common in the history of institutional construction of two economic integration models.

Key words: integration, institutionalization, capitalist integration, socialist integration, countries of "people's democracy", COMECON, OEEC, European Coal and Steel Community, ECSC, UES, European Union

FOR CITATION: Zhiryakov I.G. The birth of Western European economic integration and the creation of COMECON: General and distinctive. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 54–68. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-54-68

После окончания второй мировой войны в Западной Европе становится все более популярной идея политического и экономического единения в силу однородности и однотипности экономических и общественно-политических систем западноевропейских стран [2, с. 18]; стала отчетливо проявляться тенденция к их экономическому объединению, названному позднее интеграцией [10, с. 12–25].

Что касается стран Восточной Европы, находившихся в зоне советских геополитических интересов, то их модель экономического взаимодействия будет складываться по ходу развития экономической ситуации.

Так или иначе, созданные «капиталистическая» и «социалистическая» экономические интеграционные модели существовали на протяжении десятилетий, соперничая и сотрудничая друг с другом. «Социалистическая интеграция» канула в Лету почти 30 лет тому назад – в июне 1991 г., когда члены Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) приняли решение о роспуске своей организации.

Западноевропейская экономическая интеграция, приведшая к созданию Европейского Союза, несмотря на ряд серьезных кризисных проблем, продолжает и сегодня, в целом, результативно функционировать.

Исходя из целесообразности научного переосмыслиния тех или иных важнейших исторических процессов, общественной и политической потребности с помощью исторического анализа извлекать положительный опыт из прошлого, есть необходимость вернуться к истории зарождения западноевропейской экономической интеграции и «социалистической интеграции».

При этом оставим в стороне политические, идеологические, геостратегические и т.п. интересы Запада и Востока в развернувшихся интеграционных процессах на фоне «холодной войны». В данном случае для нас важно рассмотреть, в каких реальных условиях зарождались капиталистическая и социалистическая интеграции и на каких принципах они строились. Представляет научную ценность, на наш взгляд, попытка выяснения общего и отличительного в истории институционального строительства этих двух разных моделей.

Причины и обстоятельства рождения «капиталистической» и «социалистической» интеграционных моделей довольно полно описаны в научной литературе. Но эти описания сводятся, в основном, к выявлению «закономерностей», «объективных факторов» и т.п.

И все же, остается конкретный вопрос: с чего началось? Думается, что интеграционные процессы на Западе, а уж, тем более, на Востоке Европы, являются следствием не только теоретических размышлений, а, прежде всего, результатом простого осознанного понимания того, что: во-первых, самостоятельно, обособленно восстановить разрушенное войной хозяйство и развивать свои национальные экономики, невозможно; во-вторых, без внешней помощи (хотя бы в первые годы), исходящей от стран с громадным ресурсным потенциалом, не обойтись. Так и определилась ориентация западноевропейских стран на США; стран Восточной Европы – на СССР.

Нельзя при этом забывать и о субъективном факторе – жгучем стремлении быстрее ликвидировать разрушительные экономические последствия войны и прийти к жизни, не обремененной финансово-материальными проблемами.

Война принесла всем европейским народам небывалые до того экономические потери. В распоряжении исследователей есть большой пласт зарубежных и отечественных документов, говорящих об этих потерях. Война нанесла серьезный ущерб Великобритании; она потеряла около 25% ее национального богатства. Но значительно хуже сложилось положение в послевоенной экономике в других странах Европы – во Франции, Италии, Нидерландах. В Западной Германии, если взять объем промышленного производства за 100% в 1936 г., после которого уже происходит быстрая милитаризация, а, значит, ускорение развития экономики, то в 1946 г. этот объем сократился до 33% [15, с. 137]. Катастрофическая ситуация складывалась и в восточноевропейских странах. В Румынии, например, к началу 1947 г. объем промышленной продукции составлял 48% промышленного производства от уровня последнего предвоенного 1938 г. Промышленное производство в Болгарии после войны составляло 64% довоенных показателей [11, с. 54]. Польша и Венгрия лишились за годы войны 40% национального продукта; промышленное производство Чехословакии едва достигало 50% предвоенного уровня [31, р. 6–7].

Западноевропейские страны и «народно-демократические» страны Восточной Европы прошли несколько важных и, подчеркнем, схожих ступеней на пути восстановления экономики и формирования своих интеграционных структур.

Первая из них – представление США и СССР своим будущим союзникам экономической помощи в виде жизненно важных товаров и продуктов, сырья, оказание финансовой поддержки путем представления займов, кредитов.

После войны США продолжали некоторое время оказывать помощь по программе ленд-лиза ряду европейских стран. К примеру, 5 июля 1946 г. между США и Великобританией было подписано соглашение о получении англичанами займа, сумма которого была равна 4,4 млрд дол. США. В соглашении отмечалось, что Великобритания должна будет вернуть 650 млн дол. как возмещение по ленд-лизу. Тем не менее, Великобритании досталось 3,75 млрд дол. [4].

СССР тоже оказывал финансовую поддержку восточноевропейским странам. Чехословакии, к примеру, он предоставил в декабре 1948 г. кредит на сумму 132,5 млн руб. в золоте и свободной валюте [16, с. 159]. Всего же страны «народной демократии» получили от СССР в период 1945–1952 гг. долгосрочных кредитов на сумму около 15 млрд руб. [12, с. 554]; по нынешнему курсу примерно 3 млрд дол. США. В первые послевоенные годы Советский Союз, несмотря на свое тяжелейшее положение с продовольствием и товарами первой необходимости,

оказывал посильную помощь народам восточноевропейских стран, благодаря которой в немалой степени постепенно налаживалась нормальная жизнь.

Вторая ступень – заключение торгово-экономических соглашений США с некоторыми странами Западной Европы, а СССР – соглашений с восточноевропейскими странами «народной демократии».

По подписанным соглашениям Советский Союз, как свидетельствуют многочисленные опубликованные документы, поставлял своим партнерам, в основном, сырье, оборудование, продовольственные товары.

Что касается США, то здесь непременно следует упомянуть план Маршалла. 5 июня 1947 г. в Гарвардском университете госсекретарь США Джордж Маршалл произнес свою речь длительностью в 10 минут. Эта короткая речь, по мнению конгрессмена США Констанс А. Морелла, «изменила мир раз и навсегда» [26, р. 5]. Маршалл говорил и призывал к тому, что именно Америка должна сделать все возможное, чтобы восстановить Европу, которая была полностью опустошена в ходе второй мировой войны [Там же, р. 16].

В свою очередь, лидеры европейских стран заявляли о том, что «непременным условием восстановления» их стран и всей Европы «должна явиться помощь США» [14, л. 1–20].

Идеи, заложенные в речи Маршалла, превратились в «План Маршалла», а точнее, в «Программу восстановления Европы» – комплекс экономических и финансовых мер поддержки стран Западной Европы. Но значимость этого документа не только в конкретной помощи: в Программе восстановления указывалось на необходимость стимулирования «роста международной торговли участвующих стран друг с другом и с другими странами путем принятия соответствующих мер, включая снижение барьеров, препятствующих торговле» [26, р. 16]. Таким образом, впервые речь шла об интеграционном взаимодействии западноевропейских стран.

На Парижской конференции, состоявшейся в июле 1947 г., 16 европейских стран, выразивших желание получить американскую помощь, создали Комитет европейского экономического сотрудничества (КЕЭС). Сначала основная цель этого комитета заключалась в координации усилий стран-участниц Программы восстановления. Но с течением времени деятельность КЕЭС становилась шире и богаче; она способствовала уничтожению валютных и таможенных барьеров в Европе, развитию европейской инфраструктуры, координации торгово-экономических связей стран, участвовавших в нем.

За деятельность КЕЭС внимательно следили в Министерстве иностранных дел СССР; там переводились доклады КЕЭС, из которых

советское государственно-партийное руководство черпало информацию об усилиях западноевропейских стран по реализации Программы экономического восстановления [14, л. 1–20].

Третья ступень – подписание двусторонних и многосторонних договоров и соглашений между странами в Западной Европе, а также между странами «народной демократии», в которых содержались положения об экономическом сотрудничестве.

В марте 1947 г. между Великобританией и Францией был подписан Дюнкеркский пакт о союзе и взаимопомощи сроком на 50 лет. В этом военно-политическом договоре они брали на себя также и обязательства «осуществлять постоянные консультации по всем экономическим вопросам в целях увеличения процветания и обеспечения экономической безопасности обеих стран (ст. 4)» [25].

Через год, в марте 1948 г., появляется Брюссельский пакт, куда вошли Великобритания, Бельгия, Люксембург, Нидерланды и Франция [7, с. 243–244]. Страны-участницы пакта, кроме обязательств по коллективной самообороне, выражали решимость сотрудничать в экономических вопросах [27].

В апреле 1949 г. создается НАТО; среди 12 стран-участниц североатлантического договора было 10 европейских стран. Опять же, помимо венных статей, в договоре содержалась ст. 2, где стороны заявили о «стремлении устраниить конфликты в своей экономической международной политике и поощрять экономическое сотрудничество» [28].

Что касается СССР, то им были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Болгарией, Венгрией, Польшей, Чехословакией и Румынией; почти одновременно подписывались аналогичные договоры между самими восточноевропейскими странами. Во всех этих договорах стороны обязывались развивать и укреплять двусторонние экономические связи.

В 1947 г. был создан польско-чехословацкий Совет экономического сотрудничества (СЭС), который своей деятельностью показывал пример другим странам «народной демократии» в координации действий, проведении совместных мероприятий по использованию энергетического хозяйства, транспорта, трудовых ресурсов, капитальныхложений и т.п. [3, с. 182].

Четвертая ступень – создание интеграционных структур, их институционализация. В Западной Европе этот процесс растянулся на несколько десятилетий. И дело здесь не в организационных проблемах; долгий путь был предопределен сложностью реализации задач по созданию, как принято писать у экономистов, «четырех свобод» – передвижения товаров, услуг, капиталов, людей.

В 1948 г. создается «Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), в задачу которой входило «развитие экономического сотрудничества между странами-участницами путем либерализации торговли, снятия валютных и тарифных барьеров и создания системы многосторонних расчетов» [29].

В 1950 г. был образован Единый платежный союз (ЕПС), который способствовал конвертируемости европейских валют, установлению обменных курсов, отражающих реальность экономической ситуации в каждой стране [30]. Функционирование ЕПС было нацелено, в частности, на то, чтобы его участники уходили от политики жесткого протекционизма, направляясь к либерализации торговли [22, с. 85].

18 апреля 1951 г. после непростых переговоров Франция, ФРГ, Италия Бельгия, Нидерланды и Люксембург подписали Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) [8, с. 23–26]. По единодушному утверждению западных и российских исследователей, занимающихся изучением истории западноевропейской экономической интеграции, ЕОУС стал первым интеграционным объединением, в котором государства-участники добровольно и осознанно передали часть своих экономических функций наднациональному органу.

Что касается создания Советским Союзом и странами «народной демократии» своей интеграционной структуры, то здесь процесс развивался стремительно.

Во многих публикациях, относящихся, так или иначе, к рассматриваемой теме, можно найти безапелляционные утверждения о том, что страны Центральной и Восточной Европы, «оказавшись в сфере влияния СССР, вынуждены были пойти по пути так называемой социалистической интеграции» [18].

Влиятельная либеральная часть в отечественном историческом сообществе предлагает, и довольно агрессивно, свою схему изучения взаимоотношений СССР с восточноевропейскими странами, в основе которой лежит тезис о навязывании сталинским руководством народам Восточной Европы однотипных социалистических режимов. В такой трактовке, как пишет российский историк О.Н. Широков, получается, что «формирование СЭВ представляет собой внеэкономический акт прямого насилия, навязывания его участникам советского понимания “экономического сотрудничества”» [20, с. 67].

Однако существуют документы, говорящие совершенно о другом – об инициативе восточноевропейских стран в создании «экономического блока» [5, с. 946]. Этот термин впервые использовал В. Лука, члена Политбюро Румынской рабочей партии, министр финансов Румынии [6, с. 174].

Российский исследователь Л.Я. Гибианский в своей работе «Форсирование советской блоковой политики», изданной в 2003 г., объясняет эти предложения восточноевропейских коммунистических лидеров «политико-идеологическими ориентирами», а также экономической заинтересованностью. Но тут же утверждает, что «даже независимо от того, откуда исходило стремление к созданию СЭВ», присутствовала «собственная заинтересованность советского руководства в образовании подобной структуры» [6, с. 175].

Безусловно, присутствовало, но можно ли в этой связи безапелляционно утверждать о навязывании Советским Союзом идеи создания «советского экономического блока»?

5–8 января 1949 г. в Москве делегации СССР, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии провели экономическое совещание. Протоколы этого совещания говорят о свободном характере обсуждения всех острых проблем экономического состояния восточноевропейских стран и путей развития экономической взаимопомощи.

На первом заседании, 5 января 1949 г., представитель советской делегации В.М. Молотов внес от имени правительства СССР и Румынии проект предложений «О тесном экономическом сотрудничестве СССР и стран народной демократии» [14, л. 3–4]. Кстати, этот документ был своевременно разослан всем будущим участникам до начала конференции [5, с. 944–946]. Затем началось обсуждение документа и внесение предложений; оно проходило в течение четырех дней – до 8 января включительно.

Протоколы совещания показывают, как вырабатывались принципы социалистической экономической интеграции: равноправие, уважение суверенитета и национальных интересов, взаимопомощь, взаимная выгода.

Насыщенными и амбициозными были планы участников совещания по развитию многостороннего экономического сотрудничества. Одной из главных его целей, по их мнению, должно было стать проведение индустриализации и развития тяжелой промышленности [14, л. 21]. На этом ожидали делал акцент руководитель болгарской делегации В. Коларов, председатель правительства Болгарии [Там же, л. 48].

Х. Минц, член Политбюро ЦК Польской рабочей партии, председатель Государственного совета по планированию, говорил о необходимости специализации производства каждой страны и взаимной кооперации, которая даст «наилучшее использование природных ресурсов, существующего потенциала, рабочей силы и кадров, а также наиболее эффективное использование капитальных затрат» [Там же, л. 21]. Он выступал за внедрение новейших достижений в области техники и организации производства, передачу технического опыта [Там же].

Р. Сланский, лидер чехословацких коммунистов, руководитель делегации Чехословакии, предлагал разработать конкретные мероприятия по устраниению конкуренции, согласованию цен и совместным действиям на рынках капиталистических стран, формах обмена информацией о внешних рынках и солидарной деятельности в международных экономических организациях [14, л. 36].

На совещании говорилось о необходимости устранить несоответствия в валютных курсах всех стран, установив «твердую базу для вычисления реальной стоимости валюты каждой страны» [Там же, л. 54]. Э. Герё, член политбюро ЦК Венгерской партии трудящихся, министр финансов Венгрии, от имени своей делегации предложил учредить клиринговый центр в Москве и рекомендовал использовать в качестве расчетного базиса золотой рубль [Там же, л. 43].

Все участники совещания выразили свою заинтересованность в дополнительных источниках получения сырья, энергетических ресурсов, промышленного оборудования, финансовой, технико-технологической, кадровой помощи, продовольствия, наконец. На совещании подчеркивалась необходимость перехода от двусторонних отношений к многостороннему экономическому сотрудничеству с созданием соответствующего органа координации [Там же, л. 20].

Спустя несколько дней после завершения совещания, 18 января 1949 г., был подписан протокол о создании Совета Экономической Взаимопомощи. Позднее будет принят Устав, где подчеркивалось: «1. Совет Экономической Взаимопомощи имеет целью содействовать, путем объединения и координации усилий стран – членов Совета, планомерному развитию народного хозяйства, ускорению экономического и технического прогресса в этих странах, повышению уровня индустриализации стран с менее развитой промышленностью, непрерывному росту производительности труда и неуклонному подъему благосостояния народов стран – членов Совета. 2. Совет Экономической Взаимопомощи основан на началах суверенного равенства всех стран – членов Совета. 3. Экономическое и научно-техническое сотрудничество стран – членов Совета осуществляется в соответствии с принципами полного равноправия, уважения суверенитета и национальных интересов, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи» [19, с. 3–18].

Новая структура не случайно называлась Советом Экономической Взаимопомощи. Принцип взаимопомощи стал основополагающим принципом всей системы хозяйственных взаимосвязей стран – членов СЭВ [1, с. 188–189].

«Термины “помощь”, “взаимопомощь”, “братский союз”, “содружество социалистических наций”, характерные для определения процессов

в странах СЭВ, – пишет О.Н. Широков, – отражают не риторические фигуры, а реальный континуум понятийного ряда, сочетающий моральные, политические, идеологические и экономические принципы» [21, с. 65].

И лишь только некоторые нынешние российские историки и беспринципно меняющие свои взгляды политики, вроде В.В. Жириновского, заявляют о том, что СЭВ якобы «был попыткой купить дружбу» с восточноевропейскими странами, что он представлял собой «клуб заемщиков у Советского Союза», что КПСС «направляла деньги на поддержание коммунистических партий по всему миру, опиралась на абсолютно надуманный постулат о “дружбе народов”» [9].

В завершение, выявляя общее в становлении западноевропейской экономической интеграции и «социалистической интеграции», хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, западноевропейские страны и «народно-демократические» страны Восточной Европы прошли, как уже отмечалось, несколько схожих ступеней на пути восстановления экономики и формирования своих интеграционных структур, от идеи экономического объединения до институциализации.

Во-вторых, и в том, и в другом случае были сходными главные целевые установки – обеспечение высокого развития экономики, ускорение научно-технического процесса.

В-третьих, управление и деятельность в СЭВ и в позднее созданном Европейском Экономическом Сообществе (ЕЭС) основывались на равноправных и коллективных принципах. Этот вывод применительно к СЭВ может вызвать возражения; ведь сложился стереотип о «советском диктате» в этой организации. На самом деле, опубликованные документы, новые архивные данные показывают, как пишет А.А. Попов, что строго иерархичных отношений, построенных на безусловном лидерстве СССР, в СЭВ не было, что «многие важные инициативы в сфере экономической кооперации», исходили не от СССР, а от других стран «восточного блока» [13, с. 105].

В-четвертых, наличие внутренних противоречий, тормозивших интеграционные процессы; эти противоречия были обусловлены национальными особенностями и собственными интересами объединившихся стран.

Безусловно, между СЭВ и ЕЭС существовал (да и не мог не существовать) ряд принципиальных отличий. Самое значимое из них, конечно, – это абсолютно разные базовые экономические ценности (формы собственности), предопределявшие конкретные способы и методы функционирования интеграционной модели – капиталистической или социалистической.

Существенными были различия в определении приоритетных направлений. В деятельности ЕЭС приоритет заключался в создании общего рынка, функционирование которого должно было привести к повышению уровня экономического развития и уровня жизни всех вписавшихся в этот рынок людей. В СЭВ приоритет был отдан, прежде всего, планированию развитию народного хозяйства, росту производительности труда, повышению уровня индустриализации стран с менее развитой промышленностью, постепенному сближению и выравниванию экономического положения стран-участниц. Среди приоритетных направлений – обмен экономическим опытом, расширение возможностей по предоставлению и получению помощи, взаимопомощи, подъем благосостояния народов.

В процесс западноевропейской экономической интеграции были включены страны с приблизительно одинаковым и достаточно высоким уровнем развития. Восточноевропейские страны как участницы создания социалистической модели экономической интеграции представляли собой после войны экономически слаборазвитые государства. По мнению американского исследователя Адама Цвасса, Болгария и Румыния принадлежали к группе аграрных стран Европы, Польша и Венгрия – к аграрно-промышленным странам. И лишь Чехословакию он относил к «числу индустриальных стран по довоенным стандартам» [31, р. 6–7].

СЭВ, в отличие от ЕЭС, не имел наднациональных структур; СЭВ будет представлять собой, прежде всего, межправительственную экономическую организацию, а ЕЭС воплощал в себе региональное сотрудничество, осуществляемое через наднациональную институционализацию.

СЭВ с самого начала объявил о том, что будет открытой организацией [23]. Но упомянутый историк Гибианский утверждает, что СЭВ якобы «учреждался как замкнутая экономическая структура “лагеря”, подчиненная политическим блоковым целям» [6, с. 176]. Это утверждение никак нельзя признать справедливым; конечно, СЭВ не мог быть абсолютно открытой экономической организацией, поскольку объединял страны с плановой экономикой. Но в СЭВ на правах наблюдателя присутствовали не только афро-азиатские страны, шедшие по пути т.н. «социалистической ориентации», но и Финляндия, Мексика – страны, как известно, далекие от социализма. Статус «наблюдателя» позволял им участвовать в экономических проектах СЭВ.

По мнению некоторых политически не ангажированных зарубежных исследователей, СЭВ представлял более широкие возможности, чем Римский договор для сотрудничества со странами, не входящими в его состав; страны – члены СЭВ не настаивали на том, чтобы государства,

которые могут войти в его состав, разделяли их «идеалы», что подчеркивается в договоре ЕЭС [24, р. 1].

СЭВ, несмотря на ряд серьезнейших проблем в своей деятельности, которые и привели к его самороспуску, оставил свой заметный положительный след в экономической истории СССР и восточноевропейских стран. Вызывает недоумение, что этот объективный вывод абсолютно не принимают нынешние власти в странах Восточной Европы. Достаточно привести в качестве примера заявление болгарского МИД, сделанное в сентябре 2019 г., о том, что советская армия принесла в страну «деформированную экономику» [17].

На самом деле, за короткий срок восточноевропейские социалистические страны превратились в промышленно-развитые государства. Деятельность СЭВ и помощь СССР восточноевропейским партнерам создали тот базис, который позволяет восточноевропейской экономике существовать и сегодня.

Восточноевропейские участники СЭВ получили также положительный опыт деятельности в различных формах международных интеграционных связей, аналоги которых присутствовали и в западноевропейской интеграции. Были сформированы, наконец, институциональные структуры, подготовлены специалисты, хорошо разбирающиеся в интеграционных процессах, что поможет потом восточноевропейским странам «обустраиваться» в Евросоюзе.

Библиографический список / References

1. Андросова Т.В. Становление экономического сотрудничества социалистических стран в рамках СЭВ (1949–1962 гг.): Дис. канд. экон. наук. М., 1984. [Androsova T.V. Stanovlenie ekonomicheskogo sotrudnichestva sotsialisticheskikh stran v ramkakh SEV (1949–1962 gg.) [Formation of economic cooperation of socialist countries within the Council for Mutual Economic Assistance (1949–1962)]. PhD diss. Moscow, 1984.]
2. Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. М., 1983. [Baranovsky V.G. Politicheskaya integratsiya v Zapadnoy Evrope [Political integration in Western Europe]. Moscow, 1983.]
3. Барковский А.Н. СЭВ: исторический опыт интеграции плановых экономик // Россия и современный мир. 2009. № 3. С. 181–186. [Barkovsky A.N. Council for Mutual Economic Assistance: Historical experience of integration of planned economies. *Rossiya i sovremenneyj mir*. 2009. No. 3. Pp. 181–186. (In Russ.)]
4. Бутенина Н.В. Ленд-Лиз: сделка века. М., 2004. URL: <https://proflib.net/ctenie/84649/natalya-butenina-lend-liz-sdelka-veka-37.php> (дата обращения: 30.11.2019). [Butenina N.V. Lend-Liz: sdelka veka [Lend-lease: Deal of the century]. Moscow, 2004. URL: <https://proflib.net/ctenie/84649/natalya-butenina-lend-liz-sdelka-veka-37.php>]

5. Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. / Отв. ред. Г.П. Мурашко. Т. 1: 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. [Vostochnaya Evropa v dokumentakh rossiyskikh arkhivov, 1944–1953 gg. [Eastern Europe in the documents of the Russian archives, 1944–1953]. G.P. Murashko (ed.). Vol. 1: 1944–1948. Moscow; Novosibirsk, 1997.]
6. Гибианский Л.Я. Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 137–186. [Gibiansky L.Ya. Forcing the Soviet bloc policy. *Kholodnaya voyna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva.* N.I. Egorova, A.O. Chubarian (eds.). Moscow, 2003. Pp. 137–186. (In Russ.)]
7. Дипломатический словарь. В 3-х т. Т. 1 / Гл. ред. А.А. Громуко, И.Н. Земсков, В.М. Хвостов. М., 1971. [Diplomaticheskiy slovar' [Diplomatic dictionary]. In 3 vols. Vol. 1. A.A. Gromyko, I.N. Zemskov, V.M. Khvostov (eds.). Moscow, 1971.]
8. Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) // Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Документы Европейского Союза. Т. 1. Договоры, учреждающие европейские сообщества. М., 1994. С. 23–26. [Treaty establishing the European Coal and Steel Community (ECSC). *Europeyskiy Soyuz: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Dokumenty Europeyskogo Soyuza.* Vol. 1. Treaties establishing the European communities. Moscow, 1994. Pp. 23–26. (In Russ.)]
9. Жириновский о СЭВ. URL: <http://argumenti.ru/society/2018/01/560925> (дата обращения: 20.11.2019). [Zhirinovskiy o SEV [Zhirinovsky about COMECON]. URL: <http://argumenti.ru/society/2018/01/560925>. (In Russ.)]
10. Жиряков И.Г., Макаренков М.В. Австрия и европейская экономическая интеграция в контексте отношений Запад–Восток. М., 2016. [Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V. Avstriya i evropeyskaya ekonomicheskaya integratsiya v kontekste otnosheniy Zapad–Vostok [Austria and European economic integration in the context of West–East relations]. Moscow, 2016.]
11. История внешней политики СССР 1917–1980. В 2 т. Изд. 5-е, перераб. и дополн. / Под ред. А.А. Громуко, Б.Н. Пономарева. Т. 2. 1945–1985. М., 1986. [Istoriya vneshej politiki SSSR 1917–1980 [History of foreign policy of the USSR 1917–1980]. In 2 vols. Ed. 5th, revised and expanded. A.A. Gromyko, B.N. Ponomarev (eds.). Vol. 2. 1945–1985. Moscow, 1986.]
12. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973. [Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, 1973.]
13. Попов А.А. Из истории Совета Экономической Взаимопомощи: проекты долевого участия в сырьевом секторе (1950–1960-е годы) // Новый исторический Вестник. 2018. № 1 (55). С. 105–119. [Popov A.A. From the history of the Council for Mutual Economic Assistance: Projects of equity participation in the commodity sector (1950s–1960s). *New Historical Bulletin.* 2018. No. 1 (55). Pp. 105–119. (In Russ.)]
14. Протоколы экономического совещания представителей правительств Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии 5–8 января 1949 г. // Российский государственный архив социально-политических историй. Ф. 82 (Б.М. Молотов). Оп. 2. Д. 1072. Л. 1–54. [Protokoly ekonomicheskogo soveshchaniya predstaviteley pravitelstv Bolgarii, Vengrii, Polshi, Rumynii, SSSR, Chekhoslovakii 5–8 yanvarya 1949 g. [Minutes

- of the economic meeting of representatives of the governments of Bulgaria, Hungary, Poland, Romania, the USSR, and Czechoslovakia on January 5–8, 1949]. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 82 (V.M. Molotov). Inventory 2. Case 1072. Sheets 1–54.]
15. Родионова Т.Н. Экономическое положение Германии после Второй мировой войны и реформы Л. Эрхарда // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2003. № 7. С. 134–141. [Rodionova T.N. Economic situation in Germany after the Second World War and the reforms of L. Erhard. *Nauchno-tehnicheskiy vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki*. 2003. No. 7. Pp. 134–141. (In Russ.)]
 16. Советско-чехословацкие отношения 1945–1960 гг. Документы и материалы. М., 1972. [Sovetsko-chekhoslovatskie otosheniya 1945–1960 gg. Dokumenty i materialy [Soviet-Czechoslovak relations 1945–1960. Documents and materials]. Moscow, 1972.]
 17. Съобщение на МВнР относно събитие, организирано от Посолството на Руската федерация. URL: <https://www.mfa.bg/bg/news/22725> (дата обращения: 12.04.2020) [Saobshchenie na MVnR otnosno sabicie, organizirano ot Posolstvoto na Ruskata federaciya [Statement by the Ministry of Foreign Affairs of Bulgaria on the event organized by the Embassy of the Russian Federation]. URL: <https://www.mfa.bg/bg/news/22725>]
 18. СЭВа больше нет // Коммерсантъ Власть. 1991. № 2 (52). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/265740> (дата обращения: 30.11.2019). [COMECON is no more. *Kommersant Vlast*. 1991. No. 2 (52). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/265740>]
 19. Устав Совета Экономической Взаимопомощи // Основные документы Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1968. С. 3–18. [Charter of the Council of Mutual Economic Assistance // Basic documents of the Council for Mutual Economic Assistance. Moscow, 1968. Pp. 3–18. (In Russ.)]
 20. Широков О.Н. К вопросу о степени изученности проблемы деятельности СЭВ в отечественной историографии // Вестник Чувашского университета. 2006. № 7. С. 60–67. [Shirokov O.N. On the question of the degree of study of the problem of COMECON activity in the national historiography. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2006. No. 7. Pp. 60–67. (In Russ.)]
 21. Широков О.Н. Цели и функции СЭВ в начальный период развития // Вестник Чувашского университета. 2006. № 3. С. 64–70. [Shirokov O.N. Goals and functions of CMEA in the initial period of development. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. 2006. No. 3. Pp. 64–70. (In Russ.)]
 22. 1000 терминов рыночной экономики. М., 1993. [1000 terminov rynochnoy ekonomiki [1000 terms of market economy]. Moscow, 1993.]
 23. К созданию Совета Экономической Взаимопомощи // Правда. 1949. 25 января. С. 2. [Towards the creation of the Council for Mutual Economic Assistance. *Pravda*. 1949. January 25. P. 2. (In Russ.)]
 24. Adamovic L. Regional economic integration on Europe and European security. [Theses of report at the] Conference on economic cooperation and interdependence as an element of European security, March 14–15. 1975. Belgrad, 1975.
 25. Treaty of alliance and mutual assistance between his majesty in respect of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the President of the French Republic (Signed at Dunkirk, on 4 March 1947). *Treaty Series*.

Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. New York, 1947. Pp. 189–194.

26. The Marshall Plan: Lessons learned for the 21st century. 1947–2007. E. Sorel, P.C. Padoan (eds.). OECD, 2008.
27. The Brussels Treaty. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17072.htm? (date of access: 9.03.2020).
28. The North Atlantic Treaty. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/history_pdf/20161122_E1-founding-treaty-original-tre.pdf (date of access: 9.03.2020).
29. Organization for European Economic Cooperation (OEEC). URL: <https://www.encyclopedia.com/history/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/organisation-european-economic-cooperation-oeec> (date of access: 9.03.2020).
30. The European Payments Union. URL: <https://www.cvce.eu/en/education/unit-content/-/unit/02bb76df-d066-4c08-a58a-d4686a3e68ff/ab473e40-d7d8-419b-b507-ac6d7a7ffe76> (date of access: 9.03.2020).
31. Zwass A. The Council of Mutual Economic Assistance: The thorny path from political to economic integration. N.-Y., 1989.

Статья поступила в редакцию 30.03.2020, принятa к публикации 25.06.2020

The article was received on 30.03.2020, accepted for publication 25.06.2020

Об авторе / About the author

Жириков Иван Георгиевич – доктор исторических наук; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Историко-филологического института, Московский государственный областной университет

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern, Contemporary History, and Methodology of the Historical and Philological Institute, Moscow Region State University

E-mail: ivan1948@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-69-84

Д.И. Горшков

Государственный историко-литературный музей-заповедник
А.С. Пушкина,
143050 п. Большие Вязёмы, Одинцовский район,
Московская область, Российская Федерация

Проблемы идентификации и прочтения портрета велита 2-го полка шволежеров-лансьеров Императорской гвардии Эмиля Сервана

В статье на основе документальных свидетельств и архивных документов проведена идентификация миниатюрного портрета велита 2-го полка шволежеров-лансьеров Императорской Гвардии, хранящегося в собрании института «Anne S.K. Brown Military Collection» и проходящего в каталоге как автопортрет Александра-Жана Дюбуа [Dubois]. Художник Александр-Жан Дюбуа, служивший в полку Красных лансьеров, является автором целого ряда портретов, в том числе известного миниатюрного портрета графини де Берри [de Berry]. В результате исследования матрикулярных регистров всех фурьеров велитов-лансьеров за 1810–1815 гг. из собрания Service Historique de la Défense была доказана ошибочность версии о принадлежности данной работы кисти Дюбуа. На основе сравнительного анализа антропологических данных, содержащихся в матрикулярах, было установлено имя изображенного на портрете, – фурьер велитов-лансьеров Эмиль Серван [Servant]. В статье также уделено внимание рассмотрению униформы велитов, включая отдельные детали, и отмечены ее отличия от униформы лансьеров.

© Горшков Д.И., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Великая армия, французская армия, шволежеры-лансьеры, Императорская гвардия, Александр-Жан Дюбуа-Драонэ, Эмиль Серван, иконография, матрикулярные регистры

Благодарности. Автор выражает признательность и благодарность своим коллегам, помогавшим в поиске иконографии, – Рональду Павли [Ronald Pawly] (бывшему главному редактору журнала «Солдаты Наполеона» [Soldats Napoléoniens], Франция), Петеру Харрингтону [Peter Harrington] (куратору института «Anne S.K. Brown Military Collection»), Од Гобе [Aude Gobet] (руководителю службы исследований и документов Отдела живописи Музея Лувра, Франция).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Горшков Д.И. Проблемы идентификации и прочтения портрета велита 2-го полка шволежеров-лансьеров Императорской гвардии Эмиля Сервана // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 69–84. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-69-84

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-69-84

D.I. Gorshkov

State Historical and Literary Museum-Reserve of A.S. Pushkin,
Bolshiye Vyazyomy, Odintsovsky District, 143050,
Moscow Region, Russian Federation

Problems with identification of the portrait of velite of the 2nd Regiment of Chevauleger-lancers of the Imperial Guard Emile Servant

The article is based on eye-witness accounts and archival documents and is aimed to identify miniature portrait of velite of the 2nd Regiment of Chevauleger-lancers of the Imperial Guard. It is preserved in Anne S.K. Brown Military Collection Institute and was identified as self-portrait of Alexandre-Jean Dubois. The painter Alexandre Jean Dubois served in the regiment of Red lancers and was the author of a series of portraits, including the famous miniature portrait of countess de Berry. As a result of research of personal registers of all farrier-velites of lancers for 1810–1815 period in Service Historique de la Défense collection we proved that the identification of this miniature as Dubois work was false. With the help of anthropological data

from personal registers we discovered the name of a person from the portrait. It is farrier-elite Emile Servant. We paid special attention to velite's uniform with all its details and special details which differed it from lancers' uniform.

Key words: Grande Armée, French Army, 2e régiment de chevau-légers lanciers de la Garde Impériale, Jean-Alexandre Dubois-Drahonet, Émile Servant, iconography, register (matricule)

Acknowledgments. The author expresses his gratitude to Ronald Pawly, ancien rédacteur en chef de Soldats Napoléoniens, Peter Harrington, Curator – Anne S.K. Brown Military Collection, Aude Gobet, chef du Service Service d'Étude et de Documentation – Département des Peintures, Musée du Louvre.

FOR CITATION: Gorshkov D.I. Problems with identification of the portrait of velite of the 2nd Regiment of Chevauleger-lanciers of the Imperial Guard Emile Servant. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 69–84. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-69-84

Неверное прочтение источников часто приводит к многочисленным ошибкам и неточностям, заставляя исследователя вновь и вновь обращаться к нему и искать новые пути решения возникшей проблемы. Подобная ситуация характерна для иконографии, а также для портретной живописи эпохи Первой империи.

Яркий пример последнего постулата – миниатюрный портрет (гуашь, кость, размер без рамки – 6 × 6 см, с рамкой – 21 × 18 см) велита¹ 2-го полка шволежеров-лансьеров² Императорской гвардии (рис. 1). С 1962 г. он хранится в собрании института “Anne S.K. Brown Military Collection” (Провиденс, шт. Род-Айленд, США) и с 1990-х гг. значится в каталоге как портрет Александра-Жана Дюбуа [30, р. 83; 31, р. 322].

Начиная с первой работы бельгийского исследователя Рональда Павли (1998), посвященной истории 2-го полка шволежеров-лансьеров, данная миниатюра ошибочно идентифицируется как автопортрет фурье³ Красных лансьеров Александра-Жана Дюбуа [Там же]. В силу ряда причин, рассмотренных ниже, подобное утверждение не выдерживает никакой критики.

¹ Велиты – в Императорской гвардии в 1804–1813 гг. «солдаты особых подразделений ряда гвардии полков; набирались из зажиточных слоев населения, зачислялись в гвардию рядовыми, после прохождения спец. подготовки производились в офицеры армейских полков» [1, с. 112].

² Шволежеры-лансьеры – вид легкой кавалерии [1, с. 794].

³ Фурьер (фр. *fourrier* – ‘ тот, кто кормит’) – в ряде европейских армий нижний чин унтер-офицерского звания, исполнявший должность ротного и эскадронного квартирьера.

Рис. 1. Французская школа. Миниатюрный портрет фурьера велитов 2-го (голландского) полка шволежеров-лансьеров Императорской гвардии Эмиля Сервана. 1813 г.

Гуашь, кость, размер без рамки – 6 × 6 см, с рамкой – 21 × 18 см.
“Anne S.K. Brown Military Collection” (Провиденс, шт. Род-Айленд, США)

Начнем с того, что нам известна лишь одна поздняя работа Дюбуа в жанре миниатюрного портрета. Это портрет Марии-Каролины, принцессы Бурбон-Сицилийской, герцогини де Берри (1798–1870) работы 1829 г. [8, p. 5 (16); 35, p. 215 (Pl. 182, fig. 340)]. Безусловно, учитывая высокое качество исполнения портрета герцогини де Берри, его крайне затруднительно сравнивать с обсуждаемым здесь портретом великого – средней, лишенной индивидуальности миниатюрой. К тому же приходится исходить из разных периодов создания этих портретов: 1812–1814 гг. и 1829 г. соответственно.

К тому же анализ станковых произведений данного художника 1812–1813 гг., его зарисовок того же времени и прочих произведений не позволяет нам говорить о Дюбуа как об авторе миниатюры, поскольку к 1812 г. его можно было считать вполне сложившимся профессиональным художником. Недаром 1 ноября 1812 г. в Музее Наполеона в Париже он уже будет выставлять свои работы: «Портрет женщины» (№ 320) и «Портрет молодого человека» (№ 321) [16, р. 34; 22, р. 10].

Анализ документов, связанных с военной карьерой А.-Ж. Дюбуа в рядах 2-го полка, и прежде всего всех вариантов его матрикулярных регистров⁴, также не подтверждает утверждавшуюся версию [3, S. 618; 4, р. 24–25 (80–81); 9, р. 122; 12; 15; 23, р. 200–201; 24, р. 204, 310; 32, р. 66–75; 33, р. 40; 39, р. 50].

Итак, Дюбуа [Dubois] (Александр, Жан), велит (№ 298), родился 31 декабря 1790 г. в Париже (Сена), сын Клода-Жака Дюбуа, торговца, и Анжелик-Виктуар Дюбуа, урожденной Галле [Gallet]. Основываясь на акте о его рождении, можно утверждать, что в его матрикулярных регистрах допущена ошибка, поскольку в акте стоит другая дата – 23 декабря 1790 г., улица Сэн-ОНорэ № 378 (нумерация того периода. – Д.Г.), приход церкви Сэн-Жермэн-л’Осеруа. Таинство крещения состоялось на следующий день – 24 декабря 1790 г.⁵ Что же касается антропологических данных, то в его регистре значится следующее: Рост: 1 м 76 см. Лицо: овальное. Лоб: обычный. Глаза: голубые. Нос: обычный. Рот: средний. Подбородок: круглый. Волосы и брови: блондин.

Мальчиком Дюбуа был отдан в Королевскую академию живописи и скульптуры в Париже, где сначала был прикреплен к мастерской Симона Жюльена [Julien] (1735–1800), а впоследствии, видимо, 5 февраля XII г. Республики (25 мая 1804 г.) определен учеником к Жану-Батисту Ренью [Regnault] (1754–1829). С 1812 г. молодой художник стал выставляться на парижских салонах, а в 1813 г. выпустился из Академии.

25 февраля 1813 г. Александр Дюбуа, проживавший тогда в Париже на улице Святой Маргариты, № 41 [16, р. 34], вступил волонтером в полк Красных лансьеров и был направлен лансьером-велитом

⁴ «Матрикулярный регистр... был базовым документом администрации частей. Он отвечал на многочисленные запросы: прежде всего, позволял выявить реальную численность личного состава и бороться с дезертирством, а также давал возможность обеспечить права солдат и их семей. Регистры предоставляли как гражданскую, так и военную информацию по каждому входившему в батальон, в полк, потом в полубригаду человеку, т.е. о солдате и унтер-офицере» [5, р. 25].

⁵ Подчеркнем, что часто в многочисленных работах, включая и документы из собрания Отдела исследований и документации (секция живописи) музея Лувр (Париж, Франция), указана неверная дата рождения Александра Дюбуа, не соответствующая ни матрикулярному регистру, ни записи в акте о его рождении, – 1791 г.

в 10-ю роту; 28 февраля 1813 г. переведен с чином бригадира в 9-ю роту; 1 марта 1813 г. определен вахмистром в 20-ю роту; 1 июня 1814 г. переведен с тем же чином (вахмистр) в 3-ю роту, а 2 августа 1814 г. Дюбуа, находясь в отпуске после болезни, был исключен из полковых списков по причине долгого отсутствия. Спустя несколько месяцев, 15 марта 1815 г., он вернулся в полк, преобразованный по королевскому ордонансу от 21 июня 1814 г. в Королевский корпус лансьеров Франции, и 30 марта был определен в него сверхштатным вахмистром под № 730; 1 апреля 1815 г. Дюбуа изъявил желание войти в новый, преобразованный полк; вошел под № 200 в состав нового полка шволежеров-лансьеров Императорской гвардии, образованного по декрету от 8 апреля 1815 г.; уволен с военной службы 21 апреля 1815 г.

19 ноября 1817 г. Дюбуа женился на девице Элизабет-Корнели Драонэ [Drahonet], дочери покойного Пьера Драонэ и Франсуаз Драонэ, урожденной Турнэ [Tourgnay]. Именно после 1817 г. Дюбуа стал подписываться как Дюбуа-Драонэ, присоединив таким образом к своему имени девичью фамилию своей жены. Традиционно Александра-Жана Дюбуа даже в специализированных работах ошибочно обозначают как родственника командующего майора (позже генерал-майора) во 2-м полку шволежеров-лансьеров Императорской гвардии Шарля-Мари-Жозефа Дю Буа (или Дюбуа) де Ферьера (1772–1829) [7, р. 151], что, безусловно, в корне неверно. Между тем во избежание повторения этой ошибки, мы по возможности далее будем давать двойную, хотя и более позднюю, фамилию художника, разделяя таким образом разных исторических персонажей – командующего майора и велита. Опуская этапы жизни Дюбуа-Драонэ периода 2-й Реставрации и начала Июльской монархии, скажем лишь, что он скончался 30 августа 1834 г., в 2 часа утра в своем доме на улице Морепа, № 39 в Версале и был погребен на версальском кладбище Нотр-Дам, улица Миссонэр (Миссионеров).

Возвращаясь к идентифицируемому портрету, отметим, что на нем действительно изображен фурьер велитов 2-го полка шволежеров-лансьеров Императорской гвардии, о чем говорит нашивка на его левом плече. Особо подчеркнем, что в кавалерии Императорской гвардии, в отличие от армейской кавалерии, не существовало чина фурьер-бригадира [10; 11; 19; 26, р. 132–133; 29; 37, р. 20–23], несмотря на ряд ошибочных положений в литературе подобной тематики, особенно научно-популярного толка [21, р. 47]. Основываясь на приведенных выше данных из матрикулярных регистров Дюбуа-Драонэ, можно заключить, что фурьером художник никогда не был, тогда как изображенный на правом плече аксельбант явно свидетельствует о том, что перед нами фурьер, поскольку изначально при организации полка и вооружении

его пиками фурьерам пика не полагалась; аналогичная ситуация сложилась и в 1-м (польском) полку шволежеров-лансьеров. Напомним, что с появлением пики в рядах сначала польских шволежеров после кампании 1809 г., а потом и Красных лансьеров аксельбант стал крепиться на левом плече. Что же касается бригадиров, то до 1813 г. все они поголовно вооружались пиками, и только в начале 1813 г., после поражения французской армии в России, пика останется лишь у бригадиров, входивших в состав первых рядов каждой роты. А Дюбуа-Драонэ, несший службу именно в первых рядах, как раз имел на вооружении пику [38, р. 14–16].

В связи с этим было принято решение полностью проверить матрикулярные списки фурьеров велитов-лансьеров за весь период существования 2-го полка, с 1810 по 1815 г. В данном случае мы основывались на антропологических данных изображенного на картине человека, и прежде всего цвете его глаз: серые или голубые (конечно же, учитывались утрата красочного слоя миниатюры и возможное изменение цвета под действием ультрафиолета). Благодаря данному ограничению осталось шесть кандидатов, сравнительный анализ антропологических данных которых показал, что единственным человеком, кто полностью подходит на эту роль, может быть только фурьер велитов-лансьеров Эмиль Серван [Servant]. Выяснилось, что фурьер Шарль (Карл) Дупхоф (или на французский манер Дюфофф) [Duphoff] имел большой нос и заостренный подбородок [39, р. 63], у фурьеров Эрнста Фредерика Теофиля Шрёдера [Schroeder] и Илэра Доннеса [Donnès] были полные лица и приплюснутые носы [Там же, р. 42, 50], а у бригадира Жозефа-Франсуа-Анжа Уссе [Housset] одной из отличительных черт являлся круглый подбородок с ямочкой [Там же, р. 40]. Фурьер же Клод-Франсуа Бидо [Bidaut] был не только обладателем длинного носа, круглого и вытянутого подбородка. В матрикулярных списках значится, что 5 апреля 1814 г. он стал кавалером ордена Почетного легиона, фурьерские же нашивки были им получены 28 мая 1813 г. при переводе в 4-ю роту [Там же, р. 51]. Антропологические же данные упомянутого выше Сервана, между тем, полностью соответствовали чертам рассматриваемого портрета [Там же, р. 37].

Серван (Эмиль), велит (№ 220), родился 23 декабря 1794 г. (3 нивоза III г. Республики) в Сен-Мэксан (Дё-Севр), сын покойного Шарля Сервана и Мари-Эстер Серван, урожденной Кэйо [Cayault]. Рост: 1 м 80 см. Лицо: овальное. Лоб: круглый. Глаза: серые. Нос: обычный. Рот: средний. Подбородок: круглый. Волосы и брови: темно-русые. Поступил на службу во 2-й полк шволежеров-лансьеров Императорской гвардии 10 декабря 1812 г. (9-я рота 5-й эскадрон); определен фурьером

в 10-ю роту 3 марта 1813 г.; 24 апреля 1813 г. перешел во 2-ю роту; скончался 11 августа 1813 г.

Новое обращение к представленному здесь изобразительному материалу и его анализ, с одной стороны, позволили определить подлинного человека прошлого, а с другой – уточнили военную карьеру видного французского художника эпохи 2-й Реставрации Дюбуа-Драонэ. Кроме того, верное прочтение миниатюрного портрета Сервана и сравнение его со всей известной иконографией дает возможность скорректировать устоявшиеся представления об униформе велитов Красных лансыеров в период их существования [7, р. 141 (5), 151; 27, р. 448–449; 34, р. 335 (19), 338].

Основные отличия униформы велитов от лансыеров 2-го полка заключались в следующих деталях. Велиты носили желто-синие аксельбанты, а их унтер-офицеры – сине-золотые. Соотношение синих и золотых шнурков, составлявших аксельбант, менялось в зависимости от чина: у фурьеров и вахмистров – 1/3 золотых к 2/3 синих шнурков; у старших вахмистров – 2/3 золотых к 1/3 синих шнурков.

Не менее важно отметить, что, судя по анализируемому портрету (см. рис. 1) и портрету майора Дюбуа работы Дюбуа-Драонэ (рис. 2), поля эполет также различались: у лансыеров они желтые, у велитов – синие. При этом, опираясь на данные изобразительные источники, можно говорить, что с середины 1813 г. унтер-офицеры (фурьеры, вахмистры и старшие вахмистры) Красных лансыеров, а не только их велиты, в отличие от унтер-офицеров 1-го польского полка, не имели так называемой смешанной желто-золотой бахромы на эполетах [28]. Таким образом, сама бахрома эполет, верхний их валик и галун, идущий по краю поля эполет, были полностью золотыми. Если же все-таки бахрома и была смешанной, то, видимо, только у бригадиров 2-го полка. Правда, последнее предположение нам представляется менее вероятным.

Рис. 2. Александр-Жан Дюбуа-Драонэ (1790–1834). Портрет командующего майора (позже генерал-майор) во 2-м полку шволежеров-лансыеров Императорской гвардии Шарля-Мари-Жозефа Дю Буа, или Дюбуа де Ферьэр (1772–1829), в полной парадной форме, на фоне отступления из России в 1812 г. Дата написания: июнь 1813 г. или январь–март 1814 г. Х., м., 2,52 × 1,74 м. Дар вдовы графа Альбера дю Буа. Фонд van der Burch, Укрепленный феодальный замок Экосинн-Лялэн (Бельгия) – Fondation van der Burch, Château-Fort, Ecaussinnes-Lalaing

© photo Peter Maes, Ronald Pawly

Также можно утверждать, что в 1813–1814 гг. унтер-офицерский корпус (фурьеры, вахмистры и старшие вахмистры) во всем голландском полку носил шапки офицерского образца, но, в отличие от офицеров, с общевойсковыми кокардами. В этой связи неудивительно, что и Дюбуа-Драонэ, и Эмиль Серван представлены в шапках с золотыми этишкетами⁶ и белыми сultanами, тогда как шапки простых велитов украшались, во-первых, желто-синим этишкетом и такого же цвета шнурком, идущим по углам и верху самой шапки, а во-вторых, имели черные сultanы с белым верхом. Данная информация позволяет также более точно идентифицировать шапку из собрания музея Ампера (Салон-де-Прованс, депо (филиал) Музея Армии, Париж, Франция), которая полностью соответствует данному описанию, за исключением золотого галуна по верху кожаного околыша [6, р. 126 (1)]. Эта особенность дает возможность отнести шапку к образцам, использовавшимся бригадирами велитов Красных лансыеров. И, наконец, последняя отличительная деталь униформы велитов – черная небеленая экипировка (портупея, перевязь лядунки и панталер) и, по всей видимости, темляк сабли. Традиционно в историографии, начиная с работы Бюкуа, их экипировку описывают как белую [7, р. 141 (5), 151]. Данное ошибочное положение сформировалось под влиянием некритического отношения к портрету майора Дюбуа работы Дюбуа-Драонэ, который в период и 1-й Реставрации, и «Ста дней» многократно переписывался, включая и экипировку самого Александра-Жана.

Обратимся к портрету Шарля-Мари-Жозефа Дю Буа (или Дюбуа де Ферьэр) (1772–1829). Авторская подпись (внизу, с правой стороны холста): *A. J. Dubois, S. = off. / dumême Rég.¹* («А.-Ж. Дюбуа, унтер-офицер в том же полку»). Также имеется надпись на латыни на боку лядунки лансыера, держащего под уздцы лошадь Дюбуа: *IPSE F. (ipse fecit)* («собственноручно исполнил»). На обороте холста имеется надпись, сделанная орешковыми чернилами, вероятнее всего, самим художником:

Le Baron Charles Marie Joseph DUBOIS, né le 22 Octobre 1772

<...> (не читается, т.к. текст расположен под перемычкой подрамника. – Д.Г.)

Au 2.ème Reg.^{ent} de Chevau-L[é]gers Lanciers dela Gar.^{de} Imp.

Ayant 25 ans de Service Actif sans Interruption

14 Campagnes et trois blessures

Promu au Grade supérieur au Champ de batai[lle]

A Castricum

⁶ Этишкет – украшение в виде плетеной шнуровой подвески на кивере или на строевой шапке [1, с. 877].

Ayant eu deux fr[è]res tués au Champ d'honneur

Peint

par Alex^{dre} = Jean DUBOIS, était protégé de

N. = aux Acad. Imp. à Paris, Elève de M. REGNAULT

Né le 25 X.^{bre} 1790, Ayant exercé la

peinture jusqu'à 23 Ans

Juin 1814 (в оригинале цифра 3 исправлена на 4. – Д.Г.)

(«[Портрет] Барона Шарля Мари Жозефа Дюбуа, родившегося 22 октября 1772 г. <...> во 2-м полку шволежеров-лансьеров Императорской гвардии, имеющего 25 лет действительной и беспрерывной военной службы, 14 кампаний и три ранения, получившего чин старшего офицера на поле сражения при Кастирюме и потерявшего на поле чести убитыми двух братьев, написан Александром-Жаном Дюбуа, по протекции N [определенным] в Императорские Академии в Париже учеником к г-ну Реньо, появившимся на свет 25 декабря 1790 г., практиковавшимся в живописи до 23 лет, июнь 1814 г.»).

Портрет был заказан Дюбуа де Ферьэром либо по случаю возведения его в титул барона Империи (26 ноября 1813 г.) и получения им жалованной грамоты дворянства 24 января 1814 г., либо в связи с награждением кавалерским крестом ордена Почетного легиона под № 34871 14 апреля 1813 г. [13]. В декабре 1814 – феврале 1815 г. (в источниках приведены разные даты награждения Дюбуа де Ферьэра орденом Святого Людовика) данный портрет был окончательно переписан. Также ранее были добавлены элементы, указывающие на чин генерал-майора, который был присвоен изображеному 24 ноября 1814 г. [14].

Итак, Дюбуа-Драонэ переписал мундир своего шефа и добавил шитье на лацканы, воротник, обшлага, а также вместо изображенного до этого галуна по верху околыша шапки художник показал генеральское шитье. Кроме того, на рассматриваемой фигуре появились звезды на эполетах, темляке, ракетках этишкета и на бляхе шапки.

В этот же период была записана и парадная офицерская португия Красных лансьеров, замененная золотым с синими полосками шарфом генерал-майора. Императорская символика на перевязи лядунки (орел и литер N) и на бляхе шапки (коронованная литер N) также были заменены королевским картушами, литерой L и коронованной королевской монограммой JL. К сожалению, приходится констатировать, что данный портрет требует серьезной научной реставрации. Видимо, по этой причине сейчас на шапке Дюбуа де Ферьэра можно видеть первоначальную трехцветную сине-красно-белую имперскую кокарду вместо королевской белой кокарды.

Подчеркнем, что перерабатывался и кавалерский крест ордена Почетного легиона, замененный на офицерский крест ордена (добавлена розетка на орденскую петлицу и записаны серебряные элементы на самом кресте: корона и шарики на концах лучей креста). Напомним также, что 24 октября 1814 г. Дюбуа де Ферьэр был награжден офицерским крестом ордена Почетного легиона. Вероятно также, что из-за трудностей при реорганизации элементов композиции Дюбуа-Драонэ не стал переписывать наградной ряд Дюбуа де Ферьэра в соответствии с новыми королевскими правилами, как и добавлять знак лилии, полученный его шефом 2 мая 1814 г. [20, р. 116 (92), 177]. В противном случае он должен был показать первым крест ордена Святого Людовика, потом шел бы знак лилии, за ним орден Почетного легиона и после орден Воссоединения, кавалером которого Дюбуа де Ферьэр стал 7 марта 1812 г. По королевскому ордонансу от 19 июля 1814 г. каждый, кто получил орден Воссоединения, официально имел право продолжать его носить, в отличие от орденов королевств Вестфалии и Испании [25, р. 209].

Любопытно, что Дюбуа де Ферьэр показан в перчатках с крагами и в черном галстуке, что позволяет определить вид его формы как полную зимнюю парадную. О головье лошади Дюбуа де Ферьэра полностью соответствует образцам, использовавшимся в 1-м польском полку шволежеров-лансьеров Императорской гвардии, что подтверждает рисунок периода Русской кампании 1812 г. рисовальщика при итальянском топографическом бюро 4-го армейского корпуса Альбрехта Адама [Adam] [2]. Что же касается фигуры, держащей за поводья лошадь Дюбуа де Ферьэра, то это сам автор полотна Александр-Жан Дюбуа-Драонэ, на что указывает надпись на латыни на боку его лядунки: *IPSE F. (ipse fecit)* («собственноручно исполнил») [32, р. 66–72].

Как указывалось выше, фигура Дюбуа-Драонэ также подверглась определенной трансформации. Во-первых, Дюбуа-Драонэ здесь показан не вахмистром велитов Красных лансьеров, а уже сверхштатным вахмистром лансьеров Королевского корпуса лансьеров Франции [9, р. 122]. На это указывает его переписанная экипировка. Так, вместо черной кожи, являвшейся отличительным знаком велитов, здесь мы видим традиционную белую перевязь лядунки и белую с такими же пасовыми ремешками портупею. Во-вторых, на налобнике шапки коронованная литерра *N* заменена на королевский картуш с тремя лилиями в центре. Также аксельбант на левом плече Дюбуа-Драонэ говорит нам о том, что портрет был написан все-таки в начале 1814 г., а белый султан, – что перед нами унтер-офицер.

Данный портрет был выставлен Александром-Жаном Дюбуа-Драонэ (улица Монтескье, № 8) 1 ноября 1814 г. в салоне, проходившем в Королевском музее искусств, вместе с другими его произведениями под

следующими номерами: 1406 – Полноростовой портрет г-на барона *** (Дюбуа. – Д.Г.), полковника королевских лансиеров [Portrait en pied de M. Le baron de *** Colonel des lanciers royaux]; 1407 – Также (полноростовой портрет. – Д.Г.) Мад[ам] баронессы *** (Дюбуа. – Д.Г.) с ее детьми [*Idem de Mad. La baronne de ****, avec ses enfants]; 1408 – Также (полноростовой (?) портрет. – Д.Г.) Г-на Н. (речь идет, вероятно, о Рене-Теофиле-Мари-Иасинте (Гиасинте) Лазенеке [*Laënnec*] (1781–1826). – Д.Г.), докт[ора] медицины [*Idem de M.H., doct. en médecine*]; 1409 – Также (полноростовой (?) портрет⁷. – Д.Г.) Г-на дивизионного генерала, графа Р. *** (речь идет о Шарле-Жозефе Рандоне де Мальбуассье, графе де Пюлли [*Randon de Malboissière, comte de Pully*] (1751–1832). – Д.Г.) [*Idem de M. Le général de division, comte de P. ****] [17, p. 137].

Таким образом, использование критериев антропологических и анатомических признаков, указанных в матрикулярных регистрах, позволило объективно оценить достоверность отображения признаков внешности изображенного лица. Новая идентификация миниатюрного портрета велита 2-го полка шволежеров-лансиеров Императорской Гвардии, хранящегося в собрании института «Anne S.K. Brown Military Collection», помимо обозначенных выше моментов, позволила заполнить определенные лакуны, связанные с реконструкцией коллективного портрета велитов 2-го полка шволежеров-лансиеров Императорской гвардии в 1811–1814 гг. Это же, в свою очередь, дает возможность в дальнейшем не только лучше ориентироваться в эволюции эмблематических форм милитарной среды, но смотреть более взвешенно на визуальные презентации власти в период апогея существования 1-й Империи, выводя исследователя на новый уровень, позволяющий ставить новые вопросы, связанные с нациостроительством и отражением данного процесса в униформе «человека воюющего». Эволюция вооруженных сил Французской империи, победы, одержанные в ходе наполеоновских войн, не могли не оставить свой след на военном обмундировании, что нашло отражение как в военном портрете, так и в портретной миниатюре.

⁷ Дело в том, что Аукционный дом Секвана в 2018 г. выставил на торги погрудный портрет генерала Пюлли работы Дюбуа-Драонэ [36, р. 5 (Lot. 32)]. Несмотря на отсутствие имени в каталоге данного аукциона, исходя из изображенных наград, мундира и его элементов, нами было установлено, что речь идет именно о Пюлли. Данный портрет, как и портрет майора Дюбуа, переписывался в 1815 г., и, по всей вероятности, именно он был выставлен в Салоне 1814 г. в Париже [18, р. 331–332]. Видимо, в каталогное описание вкрадлась ошибка, и данная картина была обозначена как полноростовой портрет. Но мы не исключаем, что существует и полноростовой портрет этого генерала. В этой связи здесь приводятся обе версии.

Библиографический список / References

1. Отечественная война 1812 года: Энциклопедия / Под ред. В.М. Безотосного. М., 2004. [Otechestvennaya voyna 1812 goda [Patriotic War of 1812 (French invasion of Russia)]. Encyclopedia. V.M. Bezotosnyy (ed.). Moscow, 2004.]
2. Adam Albrecht (1786–1862). Feldzug von 1809. Staatliche Graphische Sammlung München, Inv. Nr. 18782-072 Z; Bleistift; Blattmaß: 208 × 271 mm.
3. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart: unter Mitwirkung von 300 Fachgelehrten des in- und Auslandes. Begründet von U. Thieme und F. Becker. Bd. IX (Delaulne-Dubois). Leipzig, 1913.
4. Baard H.P. Catalogue des tableaux et dessins du Musée municipal Frans Hals à Haarlem. [s. l.], 1914.
5. Bertaud J.-P., Roucaud M. Registres matricules des sous-officiers et hommes de troupe des unités d'infanterie de ligne et d'infanterie légère de la Révolution, Répertoire de la sous-série 17 Y^c. Vincennes, 2009.
6. Bourgeot V. Les trésors de l'Empéri. L'armée de Napoléon. La collection Raoul et Jean Brunon. Préface du général Robert Bresse, directeur du Musée de l'Armée. Nouvelle édition. Annecy-le-Vieux, 2009.
7. Bucquoy E.-L. Les uniformes du Premier Empire. La Garde impériale / Réédité par le Lt.-Cl. L.-Y. Bucquoy et G. Devautour. T. II (Troupes à cheval). Paris, 1977.
8. Catalogue des miniatures par Cotes, Dubois-Drahonet, Dubourg... [et al.] appartenant à monsieur X, et dont la Vente aura lieu à Paris hôtel Drouot, sale N° 11, le mercredi 25 mars 1914 / [expert]: Mr Mannheim. Paris, 1914.
9. Corps royal de chevau-légers lanciers de France, ci-devant 2e régiment de chevau-légers lanciers delagarde impériale, 21 juin 1814–20 mars 1815 (matricules : 1 à 735). S.H.D./GR, Sous-série 20 Y^c 165.
10. Décret du 6 avril 1807 (copie). S.H.D./GR, Sous-série X^{ab} 41.
11. Décret du 13 septembre 1810 (copie). S.H.D./GR, Sous-série X^{ab} 42.
12. Dubois (1781–1794). Archives de Paris. Fichiers de l'état civil reconstitué du XVIe siècle à 1859 V3E/N 775.
13. (Dubois, Charles, Marie, Joseph). C.A.R.A.N. LH/269/58.
14. (Dubois, Charles, Marie, Joseph). S.H.D./GR, Sous-série 8 Y^d 1863.
15. (Dubois-Drahonet (Alexandre Jean), 1791–1834) in Musée du Louvre. Service d'Étude et de Documentation. Département des Peintures.
16. Explication des ouvrages de peinture et dessins, sculpture, architecture et gravure des artistes vivants, exposés au Musée Napoléon, le 1er novembre 1812. Paris, 1812.
17. Explication des Ouvrages de Peinture et Dessins, Sculpture, Architecture et Gravure des Artistes Vivants, Exposés au Musée Royal des Arts, le 1er Novembre 1814. Paris, 1815.
18. Fanet V. Le 1er Régiment des Gardes d'Honneur (suite). *Carnet de la Sabretache*. 1914. № 258 (Juin). 3ème Série.
19. Garde Impériale. 2ème Régiment de Chevau-Légers Lanciers. Organisation du Régiment, le 21 septembre 1810. S.H.D./GR, Sous-série X^{ab} 42.
20. Hofstetter B., Plantade P. Autissier et le portrait miniature romantique en Belgique [exposition, Galerie de la Kredietbank, du 19 février au 19 avril 1998]. Brussel, 1998.

21. Jouineau A. Officiers et soldats de la Garde impériale : 1804–1815. T. III (Les troupes à cheval, 1804–1815 : Mameluks, régiments de chevau-légers, gendarmerie d'élite). 2e partie. Paris, 2005.
22. Lacour P., Delpit J. Catalogue des tableaux, statues, etc., du musée de Bordeaux. Bordeaux, 1856.
23. La Nouvelle Athènes : haut lieu du Romantisme : [exposition, Paris, Mairie du 9e arrondissement, 18 octobre – 2 décembre 2001, Paris, Fondation Taylor, 7 décembre 2001 – 10 février 2002] / [organisée par l'] Action artistique de la Ville de Paris ; sous la dir. de Bruno Centorame... ; réalisée par Bruno Centorame, Valérie Chiche et Georgina Letourmy ; avec la collab. de Béatrice de Andia, Sandrine Arnold Folpini, Baudoïn de Baillet-Latour... [et al.]. Paris, 2001.
24. Lemoine-Bouchard N. Les peintres en miniature : actifs en France, 1650–1850. Paris : Amateur, 2008.
25. Liévyns A. Verdot J.-M. Begat P. Fastes de la légion-d'honneur : biographie de tous les décorés accompagnée de l'histoire législative et réglementaire de l'ordre. T. 4. Paris, 1845.
26. Margueron L.-J. Campagne de Russie. Vol. 1. Paris, [s.a.].
27. Martin Y. La Garde impériale et ses uniformes / illustrations de Henry Boisselier ; préface du général Michel Hanotaux. Paris, 2008.
28. Mundur Wielkiwachmistrzapołku Lekkokonnego polskiego gwardii cesarza Napoleona I, lata 1807–1814. Muzeum Wojska Polskiego w Warszawie, nrw inw. 24526x, 24524x, 52727.
29. Rapport fait au Ministre, le 11 octobre 1810. S.H.D./GR, Sous-série X^{ab} 42.
30. Pawly R. Les Lanciers Rouges. Erpe, 1998.
31. Pawly R. Les Lanciers Rouges de la Garde. Historique du 2e Régiment de Chevau-légers Lanciers de la Garde Impériale. Les frères de Stuers au service de Napoléon – № 2. Bruxelles, 2008.
32. Pawly R. Alexandre-Jean Dubois, peintre chez les Lanciers Rouges. *Revue Napoléon (RN) – Nouvelle Série*. 2016. № 23 (Décembre). P. 66–75.
33. Régiment de chevau-légers lanciers, créé par décret du 8 avril 1815 et formé de l'ex-corps royal des lanciers de France, 8 avril 1815 – 22 décembre 1815 (matricules : 1 à 1 608). S.H.D./GR, Sous-série 20 Y^c 166.
34. Rousselot L. L'armée française. Introduction Yves Martin. Paris, 2009.
35. Schidlof L.R. La miniature en Europe aux XVIe, XVIIe, XVIIIe et XIXe siècles. Graz, 1964.
36. Sequana, Maison de vente aux enchères. Paris-Rouen. Rouen, Samedi 17 novembre 2018 à 14 h 00. Livres-Papiers-Photos-Tableaux-Armes blanches-Armes à feu-Uniformes-Équipements-Figurines-Aviation. Experts : Danyela Petito. Rouen, 2018.
37. Supplément à la correspondance de Napoléon Ier : l'Empereur et la Pologne. Publié par Adam Skalkowski. Paris, 1908.
38. [V.] Le double armement des lanciers sous le premier Empire. *Carnet de la Sabretache*. 1893. № 1. P. 12–20.
39. Vélites placés à la suite du 2e régiment de chevau-légers lanciers de la Garde Impériale, 21 août 1811 – 29 mars 1814 (matricules : 1à 545). S.H.D./GR, Sous-série 20 Y^c 163.

Статья поступила в редакцию 25.11.2019, принятa к публикации 08.02.2020
The article was received on 25.11.2019, accepted for publication 08.02.2020

Об авторе / About the author

Горшков Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник, Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, п. Большие Вязёмы, Одинцовский район Московской обл.

Dmitriy I. Gorshkov – PhD in History; Senior Research Associate, State Historical and Literary Museum-Reserve of A.S. Pushkin, Bolshiye Vyazyomy, Odintsovsky District, Moscow Region

E-mail: le84e-regiment@mail.ru

Е.И. Шорников

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
119571 г. Москва, Российская Федерация

Проблемы изучения крестьянского движения 1902–1907 гг. в Российской империи в трудах отечественных и зарубежных исследователей

В статье рассмотрены основные исследования, посвященные крестьянскому вопросу, крестьянским выступлениям 1902–1907 гг. в Российской империи. Предложено выделить три основные сферы интересов исследователей, работы которых затрагивают крестьянские выступления: политическая, социальная и экономическая. Данный подход даст не только более адекватное представление об объекте исследования, но также позволит лучше понять контекст работ, посвященных крестьянскому движению, что избавляет исследователя от субъективизма.

Ключевые слова: крестьянская община, историография, революция, аграрный вопрос, этика выживания

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Шорников Е.И. Проблемы изучения крестьянского движения 1902–1907 гг. в Российской империи в трудах отечественных и зарубежных исследователей // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 85–99. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-85-99

E.I. Shornikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, 119571, Russian Federation

The problems of studying the peasant movement of 1902–1907 in the Russian empyre an the works of Russian and foreign researchers

The article considers the main research on the peasant question, peasant uprisings in 1902–1907 in the Russian Empire. It is proposed to identify 3 main areas of interest for researchers whose works are devoted to peasant movements: Political, social, and economic. This approach will not only give a more objective view of the object of research, but also allow a better understanding of the context of works on the peasant movement.

Key words: peasant community, historiography, revolution, agrarian question, survival ethics

FOR CITATION: Shornikov E.I. The problems of studying the peasant movement of 1902–1907 in the Russian empyre an the works of Russian and foreign researchers. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 85–99.
(In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-85-99

Исследования, посвященные крестьянскому вопросу, крестьянским выступлениям 1902–1907 гг. в Российской империи, весьма многочисленны, обладают богатым фактологическим материалом, но зачастую политически окрашены. Каждый исследователь, независимо от тематики своей работы, сталкивается с необходимостью систематизировать обширную историографию, оставленную коллегами.

Отечественные историки, общественные деятели и публицисты начали XX в., бывшие современниками тех событий, изучавшие крестьянское движение вследствие личной вовлеченности в данный конфликт, в центре своих интересов ставили аграрную проблему, видя в ней зачастую причину крестьянских беспорядков. А.В. Гордон, говоря

об аграрной науке, справедливо отметил, что ключевым моментом сосредоточения внимания исследователей является аграрный вопрос. Причем внимание исследователей было не «просто сосредоточено на земельном вопросе, а именно на разрешении этого “проклятого вопроса”» [9, с. 33].

Однако предметом научного интереса современники событий ставили выявление и/или искоренение причин, вызвавших данное движение, а не внешние проявления крестьянских выступлений. Как следствие остроты политической ситуации, политизированности общества, даже «конкретно социологические» исследования, как было замечено А.В. Гавриловым, «преображались в анализ роли и значения крестьянской общины для развития страны» [8, с. 225].

Ряд авторов, таких, например, как А.В. Чаянов, отмечали, что нельзя сводить аграрную проблему к земельному переделу, необходимо понимать, что аграрный вопрос включает в себя массу междисциплинарных научных проблем [42, с. 2]. Чаянов также сформулировал идею классификации семейного хозяйства крестьян как формы экономики некапиталистического типа.

Огромный вклад в изучение крестьянской общины был внесен представителями либеральных народников. В центре внимания их работ лежал земельный вопрос, разрешить который без исследования крестьянской общины не представлялось возможным. По существу, это аналогично вопросу философии: «Бытие определяет сознание или сознание определяет бытие?» Действующая экономическая и политическая ситуация порождает земельный вопрос или сам по себе сохранившийся архаичный общинный строй порождает земельный вопрос и кризисную ситуацию?

Также необходимо упомянуть такого представителя «народнического» направления, как Ф.А. Щербина. В своей работе «Русская земельная община» он делал акцент на принципах обычного права. Нормы обычного права, полученные народом эмпирическим путем, уже определяли экономические отношения, а также преобладающие формы землепользования. С точки зрения такого подхода, географические и климатические особенности были уже вторичны [46, с. 90].

А.А. Риттих, проведя анализ значения крестьянской общины для деревенской жизни, также пришел к выводу, что «традиции общинного земледелия сдерживали рост хозяйственной инициативы крестьян» [33, с. 50]. Риттих изучал нормы обычного права, им были рассмотрены материалы «Свода трудов местных комитетов» по 49 губерниям Европейской России. В ходе своего исследования ученый пришел к выводу о том, что «обычное право не приведено в порядок, чтобы оно могло

служить правовым руководством постоянных и одинаковых решений. Противореча во многом писаному праву, нормы обычного права часто противоречат друг другу» [34, с. 23]. Данный момент для нас очень важен. т.к. противоречие именно обычая, обычного права и официального права всегда является причинами конфликтов.

О конфликтах, возникающих на стыке естественного и официального права, писал К.Р. Качоровский, но, в отличие от Риттиха, он видел потенциал в обычном праве и даже призывал «учиться у народа таким свойствам его юридической практики, как отсутствие формализма, внимательное отношение к личности, стремление поступать по справедливости» [20, с. 44].

В.В. Тенишев в работе «Административное право русского крестьянства» изучил обширный пласт материалов этнографического бюро. Помимо естественного права, его труд содержит полезную информацию о роли сельского схода в решении социальных вопросов жизни деревни, а также об отношении селян к выборным лицам, властям и представителям волостной администрации [37].

Однако была и третья точка зрения. Так, Г.А. Евреинов пришел к выводу, что народных правовых обычаев вообще не существует [13, с. 60].

Высокий уровень политической сознательности, организованности крестьян в ходе выступлений был отмечен С.Н. Прокоповичем в труде «Аграрный кризис и мероприятия правительства» [31]. Прокопович отмечал высокую самоорганизацию крестьян и важную роль сельской общины в крестьянском движении.

А.С. Ермолов, являясь противником общинных порядков, изучая крестьянскую общину и неурожай, пришел к выводу об агрономической безграмотности крестьян. По его мнению, аграрный вопрос был связан с тем, что в условиях общины невозможно было провести интенсификацию аграрного производства. Однако Ермолов понимал невозможность повсеместного упразднения общины [14, с. 152].

И.В. Чернышов, используя материалы Вольного экономического общества (ВЭО), провел систематизацию полученной информации. В частности, анкеты ВЭО содержат большой фактологический материал, позволяющий оценить реакцию крестьян на реформу 9(22) ноября 1906 г.¹ [43]. Помимо этого, материалы данной работы дают информацию о порядках внутри общины и отношении крестьян к данным порядкам.

¹ Имеется в виду указ 9(22) ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения».

Б. Веселовский провел качественный анализ текущей ситуации и попытался выяснить причины крестьянских выступлений, а также формы, которые оно принимало. Его работа «Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России» рассматривает проблему крестьянских беспорядков комплексно. Среди краеугольных причин, вызвавших беспорядки, он видит крестьянскую реформу 1861 г. Автор отмечает резкое обнищание крестьян после отмены крепостного права. Причины беспорядков Веселовский видит в ошибочной внутренней политике государства. В частности, он отмечал важность достоверно подтвержденной информации. По мнению Веселовского, были сделаны неверные выводы о причинах беспорядков, в результате чего «роль третьих сил» была весьма преувеличена. Однако вариант с «подстрекателями» был самым оптимальным как для охранки, так и для крестьян, которые могли переложить ответственность на некие третьи силы, что позволяло общинникам позиционировать себя лояльными гражданами и одновременно с этим бунтовать против действующих законов [5]. Данный прием является характерной иллюстрацией «оружия слабых». Более подробно данная концепция будет позже описана в работе американского антрополога Дж. Скотта [49].

Не только Веселовский отмечал близорукость органов обеспечения правопорядка и властей. Как отмечал П. Маслов, «в этих районах не было никакой крестьянской организации. Никакой агитации и пропаганды, и движение вылилось в стихийные формы» [25, с. 15]. Причину же выступлений Маслов видит в тяжелых социальных и экономических условиях, в которых находилось крестьянство. Данные идеи были развиты в послереволюционный период.

В послереволюционный период работы по истории общины появились в 1920-е гг. Это были исследования «старой гвардии» ученых. Так, необходимо отметить труды Н.П. Макарова, и, в частности, «Крестьянское хозяйство и его интересы» [24]. Данный труд важен для исследования причин и хода беспорядков, т.к. в нем проведен глубокий анализ крестьянского хозяйства, отражены интересы крестьян. Анализ потребностей и условий труда необходим для анализа причин, повлекших беспорядки. Макаров был внуком крепостного крестьянина из Харьковской губернии и имел собственные представления об изучаемом вопросе.

Советская традиция рассматривала крестьянское движение с позиции теории классовой борьбы. В свете этого нельзя не упомянуть фундаментальный труд В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». 1920–1930-е гг. ряд исследователей обозначают как годы утверждения марксизма в его ленинско-сталинской версии как единственно верного исследовательского метода. Эти работы рассматривали правовые

стороны деятельности крестьянской общины, а также этапы эволюции общинного хозяйства. Богатый фактический материал содержит труд С.М. Дубровского, выполненный в «верном ленинском русле» [12].

Советскими учеными при решении ряда проблем истории общин как дореволюционного, так и послереволюционного времени были достигнуты значительные результаты, но широкий круг вопросов остался неизученным. Не была раскрыта структура «мирских» властей, роли обычного права и сельских сходов. Не проводился также качественный анализ специфики взаимоотношений общины и государственной власти. Научные исследования подвергались сильнейшему воздействию идеологии и рассматривались с позиции классовой борьбы.

Конечно, деление на дореволюционных исследователей и исследователей советского периода размыто и весьма условно. Примером служит Н.П. Огановский [29]. Его работы основаны на личном опыте работы в земском статистическом бюро. Он пришел к выводу о естественном происхождении общины. Крестьянская община обеспечивала более «справедливое», с крестьянской точки зрения, распределение земли. Также общинный строй обеспечивал крестьянам большую автономию и самостоятельность, т.к. правительство и помещики старались не вмешиваться в поземельные дела крестьян. Поземельные же дела крестьян регулировались обычным правом [30, с. 332].

Важная роль общинного строя в беспорядках была отмечена М.А. Рахматуллиным. Несмотря на то, что его исследование посвящено более раннему периоду, но роль общины в бунте и мотивация крестьян не изменились. «Бунт всегда представлял собой мирское действие. Бунтовал “мир” в полном составе, и главным объяснительным мотивом крестьян было: куда “мир”, туда и я, мне от “мира” нельзя» [32, с. 130].

Весьма важной являются работа Д.И. Люкшина, написанная по материалам Казанской губернии, «Вторая русская смута: крестьянское измерение» [23, с. 144]. Работа содержит богатый фактологический материал по крестьянским беспорядкам, также в ней проанализирована роль общины в данных конфликтах и ответные действия властей. Люкшин провел подробный анализ причин протестной деятельности и реакции населения на «Столыпинскую реформу».

Интерес представляют работы В.Б. Безгина, посвященные крестьянству Тамбовской губернии. Особенную ценность имеют его работы по изучению крестьянской повседневности и обычного права [2]. Также изучению землеустройства тамбовского крестьянства посвящены исследования С.А. Есикова. Обобщая имеющиеся исследования крестьянских хозяйств Тамбовской губернии начала XX в., С.А. Есиков сделал вывод, что крестьянская община не была иррациональной [15].

В 1969 г. на II сессии Научного совета по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР В.П. Данилов вынес на обсуждение проблемы типологии и стадий развития крестьянской общины [10]. Результатом дискуссий был отход от определения общины как поземельной организации, нацеленной на уравнение крестьянских наделов. Община была признана социальным институтом, охватывающим все стороны крестьянской жизни, а также органом местного самоуправления, сохраняющим принципы демократизма при включении в государственный аппарат. Таким образом, изучение крестьянской общины вышло на концептуально и фактологически новый уровень.

В 1960–1980-е гг. возник интерес к изучению аграрной политики царского правительства. В концепции «крестьянской революции 1902–1922 гг.» Данилов рассматривал аграрную революцию как непрерывный процесс, имеющий четко выраженную антикапиталистическую направленность и обусловленный индустриальной модернизацией [11, с. 4–23]. Л.Г. Сухотина охарактеризовала царскую аграрную политику как крепостническую, закрепившую общинные порядки [36, с. 72, 73]. В 1980-е гг. выходит труд В.В. Кабанова, посвященный крестьянской общине в революционную эпоху. В.В. Кабанов отмечал, что на начальном революционном периоде борьбы за свои права крестьянство активно использовало общинные структуры [18]. Тогда же, в 1980-е гг., в Советском Союзе издаются первые историографические работы по крестьяноведению.

В 1990-е гг. внимание ученых к проблеме крестьянской общины заметно возросло. Вопросы изучения общины включались в повестку дня научных конференций и теоретических семинаров.

Отдельный пласт работ, который необходимо рассмотреть, – работы В.Г. Тюкавкина [38, с. 35]. Он отмечал, что в советской историографии значительно преувеличено крестьянское движение против землеустройства [39, с. 296–297].

Что касается концепции общинного быта как стратегии выживания, то заслуживает внимания труд академика Л.В. Милова, рассматривавшего компенсационные механизмы выживания сельского сообщества [26]. О.Г. Буховец провел исследование социального поведения крестьянства в условиях социальных конфликтов [4].

Из работ последних лет выделяются труды О.Г. Вронского. Автор отмечает факты пьянства во время созыва сходов, засилье на них «горлопанов» и «мироедов», общественной апатии крестьян, искажении принципов деревенской взаимопомощи и т.п. [6, с. 48–65, 144]. Вронский в своих исследованиях делает вывод о том, что «община на рубеже XIX–XX веков была лишена ценностей, признанных базовыми всеми

цилизованными странами мира, включая, разумеется, и Россию – свободы и собственности» [7, с. 78].

В.В. Зверев, упоминая о настороженном отношении крестьян к богатству, указывает, что причина данной враждебности кроется в образе жизни, правильнее сказать, выживания крестьянства. Совместное выживание в трудных условиях выработало особую трудовую этику по принципу «от сохи не будешь богат, а будешь горбат» [16, с. 86]. Наличие же богатства подразумевало, как правило, нетрудовые доходы. Однако «подозрительное отношение к богатству» не является маркером, определяющим крестьянина как колLECTИВИСТА. Зверев отвергает миф о крестьянине-колLECTИВИСТЕ и стороннике социалистических изменений. Крестьянин является индивидуалистом, объединявшимся с другими крестьянами только под гнетом бед и необходимости поддержания мира в деревне.

Л.Т. Сенчакова проанализировала приговоры и наказы крестьянства периода первой русской революции и показала их политическое настроение и общественный взгляд на происходящие события того времени [35].

П.Н. Зырянов, рассматривая крестьянскую общину в ходе революционных событий, делает вывод, что причиной крестьянских выступлений служили различные экономические и политические факторы, такие, как малоземелье и эксплуатация крестьянства [17].

Важна, как со стороны наличия фактического и статистического материала, так и со стороны анализа событий, работа Б.Н. Миронова. Помимо богатства статистического материала, Миронов дал обстоятельный обзор состояния обычного права [27, с. 67–78]. А также отмечал информационные функции крестьянских выступлений, поясняя, что они служили своего рода «каналом для выражения... негативного отношения к официальной политике, которую народ ассоциировал не с государем, а с административным аппаратом» [28, с. 256]. Важно отметить, что таким образом он обозначает транзакционную функцию крестьянских выступлений.

Эволюция аграрного движения начала XX в. дана в книге В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина «Крестьянство России в период трех революций», где на анализе широкого круга источников авторы обрисовывают масштабы и формы крестьянского движения [39].

Н.М. Ушаков отметил в своих трудах изменения, произошедшие в характере крестьянских беспорядков в конце XIX – начале XX вв. Он подчеркивал, что крестьянское движение стало совершенно отчетливо приобретать качественно новые черты. Анализ приведенного материала позволил ему прийти к выводу, что произошел качественный

скакоч в крестьянских выступлениях. С обыкновенной борьбы за отрезки земли и спорные земли крестьяне перешли к самоорганизованной борьбе за изъятие помещичьих земель в пользу общинного владения [40, с. 142].

Заслуживает отдельного внимания работа М. Левина «Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи» [21], где проанализирована дореволюционная историография проблемы обычного права и показано значение народных правовых обычаяев в различных аспектах жизни русского крестьянства.

В.В. Бабашкин, рассматривая беспорядки, приведшие к длительной крестьянской революции², связывает их с преступным, с точки зрения крестьян, но легальным нарушением своих морально-экономических обязанностей государством и помещиками перед крестьянами [3, с. 99–110]. Таким образом, можно говорить все о том же торжестве неформального права (моральной экономики) над формальным, в результате чего, с точки зрения моральной экономики, произошло лишение государства и помещиков права на крупную земельную собственность и на распоряжение землей, несмотря на то, что формально государство и помещики располагали этими правами. Что касается «Столыпинской реформы», Бабашкин отмечает, что ожидания реформаторов расходились с практическим осуществлением, вследствие сопротивления общинников данной реформе в рамках применения «оружия слабых».

Западные историки не считали общинную систему земледелия препятствием на пути сельскохозяйственного развития. Э. Кингстон-Мэнн, Э. Уилбур, Х.-Д. Леве, С. Хок [19, с. 14], в частности, отмечали при этом радикальное отличие такого подхода от классических капиталистических принципов.

Аграрное движение в период Первой русской революции и в предреволюционный период подробно рассмотрено в работе Т. Шанина «Революция как момент истины» [44]. Автор, исследуя крестьянское движение начала XX в., делал основной акцент на сознании крестьянства, отмечая его значительную способность к самоорганизации в борьбе за свои интересы. Составив типологию проявления самосуда и проанализировав ее, автор приходит к выводу, что самосуд чаще носил ненасильственный характер и имел много общего с символическими формами наказания, считая такие акты «самосудов» очевидным проявлением аграрного, традиционного сознания крестьян. В обобщающей работе

² Имеется в виду концепция «Великой Крестьянской революции», направленной против буржуазного перерождения помещиков. Результатом этой революции является распространение крестьянских ценностей и норм среди большинства населения страны.

«Обычное право в крестьянском сообществе» Т. Шанин выделяет особенности обычного права в русской деревне [45, с. 267–273].

Дж. Пеллот в работе, посвященной земельной реформе, провел анализ скрытых форм сопротивления землеустройству [48]. Дж. Скотт обозначил концепцию «моральной экономики», которая объясняет мотивацию хозяйственной деятельности крестьянства. Используя понятие «этика выживания», ученый проанализировал технологический и социальный консерватизм, деревенский эгалитаризм и другие традиционные черты, присущие крестьянскому сообществу [49]. Исследуя повседневные формы сельского сопротивления, Скотт аргументировано доказывает эффективность «оружия слабых» в борьбе с властью. В монографии «Повстанцы во имя царя» Д. Филд выясняет природу народного мифа о «царе-заступнике» и эксплуатации его крестьянами в своих целях [47].

С позиции антропологического подхода изучает различные формы крестьянского самосуда американский исследователь С. Фрэнк. Само-суд он трактует как акцию крестьянской общины, направленную на прекращение действий, которые угрожали нарушить традиционные социальные отношения или нанести урон хозяйству деревни [41, с. 237].

Тематика публикаций о крестьянской смуте слишком обширна. Классический и самый популярный подход – разделить исследователей по временным периодам – не совсем подходит для того, чтобы разобраться в историографии крестьянского движения.

С одной стороны, сама история России диктует разделить исследователей по различным периодам в зависимости от доминирующих доктрина и политической конъюнктуры. Конечно, такой подход будет востребован в случае изучения исторической мысли, но в случае с изучением крестьянского движения он будет малопродуктивным для исследования. Не говоря о том, что один и тот же исследователь зачастую менял представление об объекте исследования на диаметрально противоположное в связи с приведенными выше причинами.

Можно выделить три основные сферы интересов исследователей, работы которых затрагивают крестьянские выступления: политическая, социальная и экономическая. Каждый автор видел только ту часть, которую он мог и хотел видеть, исходя из доступной ему информации и используемой методологии, а также в контексте научной, социальной и политической окружающей действительности. Если при составлении историографии классифицировать исследователей, изучающих крестьянский вопрос в зависимости от сферы их интересов, то такой подход будет более продуктивным. Данный подход не только даст более объективное представление об объекте исследования, но также позволит лучше понять контекст работ, посвященных крестьянскому движению, что избавляет исследователя от субъективизма.

Библиографический список / References

1. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. М., 1984. [Anfimov A.M. Ekonomicheskoe polozhenie i klassovaya borba krestyan Evropejskoj Rossii [The economic situation and the class struggle of the peasants of European Russia]. Moscow, 1984.]
2. Безгин В.Б. Обычное право и волостной суд: современное состояние изучения проблемы // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 7–15. [Bezgin V.B. Customary law and volost court: The current situation in the study of the problem. *Pravo: istoriya i sovremennoст.* 2018. No. 1. Pp. 7–15. (In Russ.)]
3. Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 99–110. [Babashkin V.V. Peasant mentality: The legacy of Tsarist Russia in communist Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennoст.* 1995. No. 3. Pp. 99–110. (In Russ.)]
4. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской Империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. [Buhovec O.G. Socialnye konflikty i krestyanskaya mentalnost v Rossiijskoj Imperii nachala XX veka: novye materialy, metody, rezul'taty [Social conflicts and peasant mentality in the Russian Empire at the beginning of the XX century: New materials, methods, results. Moscow, 1996.]
5. Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902–1906 гг.). СПб., 1907. [Veselovsky B. Krestyanskij vopros i krestyanskoe dvizhenie v Rossii (1902–1906 gg.) [Peasant question and peasant movement in Russia (1902–1906)]. St. Petersburg, 1907.]
6. Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура, управление, поземельные отношения. М., 1999. [Vronsky O.G. Krestyanskaya obshchina na rubezhe XIX–XX vv.: struktura, upravlenie, pozemelnye otnosheniya [The peasant community at the turn of the XIX–XX centuries: Structure, management, land relations]. Moscow, 1999.]
7. Вронский О.Г. Государственная власть и крестьянская община. Рубеж XIX–XX вв. – 1917 г. (на материалах губерний земледельческого центра страны): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. [Vronsky O.G. Gosudarstvennaya vlast i krestyanskaya obshchina. Rubezh XIX–XX vv. – 1917 g. (na materialah gubernij zemledelcheskogo centra strany) [State power and the peasant community. The turn of the XIX–XX centuries to 1917 (based on materials from the provinces of the country's agricultural center). Dr. Hab. Dis. Moscow, 2001.]
8. Гаврилов А.В. Аграрный вопрос в зеркале дискуссий в дореволюционной историографии // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 225–233. [Gavrilov A.V. The agrarian question in the mirror of the discussions in the pre-revolutionary historiography. *Samarskij nauchnyj vestnik.* 2018. Vol. 7. No. 1 (22). Pp. 225–233. (In Russ.)]
9. Гордон А.В., Никулин А.М. «От “человека общины” я вышел к хозяйствующему на земле субъекту, “хозяину труженику”...» // Крестьяноведение. 2017. № 2. С. 33–52. [Gordon A.V., Nikulin A.M. “From ‘the man of the community’ I came to the entity that manages the land, the ‘master worker’...”. *Krestyanovedenie.* 2017. No. № 2. Pp. 33–52. (In Russ.)]

10. Данилов В.П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период: к вопросу о типологии общины на территории советских республик // Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 42–54. [Danilov V.P. The commune of the peoples of the USSR in the post-October period: On the question of the typology of the community on the territory of the Soviet republics. *Narody Azii i Afriki*. 1973. No. 3. Pp. 42–54. (In Russ.)]
11. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы конференции. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23. [Danilov V.P. Peasant revolution in Russia. 1902–1922. *Krestyane i vlast*. Moscow; Tambov, 1996. Pp. 4–23. (In Russ.)]
12. Дубровский С.М. Столыпинская аграрная реформа. М., 1963. [Dubrovsky S.M. Stolypinskaya agrarnaya reforma [Stolypin agrarian reform]. Moscow, 1963.]
13. Еврейнов Г.А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. СПб., 1903. [Evreinov G.A. Krestyanskij vopros v ego sovremennoj postanovke [The peasant question in its modern setting]. St. Petersburg, 1903.]
14. Ермолов А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 2. [Ermolov A.S. Nashi neurozhai i prodovolstvennyj vopros [Our crop failures and food issue]. St. Petersburg, 1909. Vol. 2.]
15. Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов, 1998. [Esikov S.A. Krestyanskoje hozyajstvo Tambovskoj gubernii v nachale XX veka (1900–1921 gg.) [Peasant farming of the Tambov province at the beginning of the twentieth century (1900–1921)]. Tambov, 1998.]
16. Зверев В.В. Крестьянский миропорядок и год великого перелома, или Почему победил Сталин // Стalinизм и крестьянство: Сб. научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М., 2014. С. 83–96. [Zverev V.V. Peasant World and “Year of Great Change”, or Why Stalin Was the Winner. *Stalinizm i krestyanstvo*. P.P. Marchenya, S.Yu. Razin (ed.). Moscow, 2014. Pp. 83–96. (In Russ.)]
17. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М., 1992. [Zyryanov P.N. Krestyanskaya obshchina Evropejskoj Rossii. 1907–1914 gg. [Peasant community of European Russia. 1907–1914]. Moscow, 1992.]
18. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. [Kabanov V.V. Krestyanskaya obshchina i kooperaciya Rossii XX veka [Peasant Community and Cooperation of Russia of the XX century]. Moscow, 1997.]
19. Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном россиведении: основные концепции, подходы, перспективы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. [Karagodin A.V. Izuchenie poreformennogo rossijskogo krestyanstva v sovremennom zapadnom rossievedenii: osnovnye konsepcii, podkhody, perspektivy [The study of the post-reform Russian peasantry in modern Western Russian studies: Basic concepts, approaches, prospects]. PhD theses. Moscow, 2001.]
20. Качоровский К.Р. Народное право. М., 1906. [Kachorovsky K.R. Narodnoe pravo [People's law]. M., 1906.]

21. Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. 1997. Вып. 2. С. 84–127. [Levin M. Village life: Mores, beliefs, customs. *Krestyanovedenie*. 1997. Vol. 2. Pp. 84–127. (In Russ.)]
22. Леонтьев А.А. Крестьянское право. СПб., 1909. [Leontiev A.A. Krestyanskoe pravo [Peasant law]. St. Petersburg, 1909.]
23. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. [Lyukshin D.I. Vtoraya russkaya smuta: krestyanskoe izmerenie [The second Russian turmoil: The peasant dimension]. Moscow, 2006.]
24. Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его интересы. М., 1917. [Makarov N.P. Krestyanskoe hozyajstvo i ego interesy [Peasant farming and its interests]. Moscow, 1917.]
25. Маслов П. Крестьянское движение в России в эпоху первой русской революции // Аграрный вопрос в России. Т. 2. Кн. 2. М., 1924. [Maslov P. Peasant movement in Russia in the era of the first Russian revolution. *Agrarnyj vopros v Rossii*. Vol. 2. Book 2. Moscow, 1924. (In Russ.)]
26. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического прогресса. М., 2001. [Milov L.V. Velikorusskij pahar i osobennosti rossijskogo istoricheskogo progressa [The Great Russian plowman and features of Russian historical progress]. Moscow, 2001.]
27. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х т. Т. 2. СПб., 2000. [Mironov B.N. Socialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of Russia during the empire (XVIII – beginning of XX century.)]. Vol. 2. St. Petersburg, 2000.]
28. Миронов Б.Н. Социальная история. Т. 2. СПб., 2000. [Mironov B.N. Socialnaya istoriya [Social history]. Vol. 2. St. Petersburg, 2000.]
29. Огановский Н.П. Аграрная реформа и кооперативное земледелие. Пг., 1919. [Oganovsky N.P. Agrarnaya reforma i kooperativnoe zemledelie [Agrarian reform and cooperative agriculture]. Petrograd, 1919.]
30. Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. [Oganovsky N. Zakonomernost agrarnoj evolyucii [The regularity of agrarian evolution]. Saratov, 1911.]
31. Прокопович С.Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. [Prokopovich S.N. Agrarnyj krizis i meropriyatiya pravitelstva [Agrarian crisis and government activities]. Moscow, 1912.]
32. Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. [Rakhmatullin M.A. Krestyanskoe dvizhenie v velikorusskikh guberniyah v 1826–1857 gg. [The peasant movement in the Russian provinces in 1826–1857]. Moscow, 1990.]
33. Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. [Rittich A.A. Zavisimost krestyan ot obshchiny i mira [The dependence of the peasants on the community and the society]. St. Petersburg, 1903.]
34. Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. [Rittich A.A. Krestyanskij pravoporyadok [Peasant law and order]. St. Petersburg, 1904.]
35. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказы российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. Ч. I–II. М., 1994. [Senchakova L.T. Prigovory i nakazy rossijskogo krestyanstva. 1905–1907 gg. Po materialam centralnyh gubernij [Sentences and orders of the Russian peasantry. 1905–1907. According to the materials of the central provinces]. Part I–II. Moscow, 1994.]

36. Сухотина Л.Г. Землеустроительная политика правительства в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Сибири. 1967. Т. 58. Вып. 2. С. 61–73. [Sukhotina L.G. Land management policy of the government in Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Voprosy istorii Sibiri*. 1967. Vol. 58. Issue 2. Pp. 61–73. (In Russ.)]
37. Тенишев В.В. Административное право русского крестьянства. СПб., 1908. [Tenishev V.V. Administrativnoe pravo russkogo krestyanstva [Administrative law of the Russian peasantry]. St. Petersburg, 1908.]
38. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. [Tyukavkin V.G. Velikorusskoe krestyanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma [The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. Moscow, 2001.]
39. Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. [Tyukavkin V.G., Schagin E.M. Krestyanstvo Rossii v period trekh revolyucij [The peasantry of Russia during the period of three revolutions]. Moscow, 1987.]
40. Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): проблемы историографии. Астрахань, 2001. [Ushakov N.M. The power and peasants of Russia on the paths of modernization (XIX – beginning of XX century): Problems of historiography]. Astrakhan, 2001.]
41. Frank S.P. Popular justice, community and culture among the Russian peasantry 1870–1900. *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. No. 3. Pp. 239–265. DOI: 10.2307/130562.
42. Чаянов А.В. Земельный вопрос или вопрос аграрный // Власть народа. 1917. № 18. 19 мая. С. 2. [Chayanov A.V. The land question or the agrarian question. *Vlast naroda*. 1917. No. 18. May 19. P. 2. (In Russ.)]
43. Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. (По материалам ВЭО). Пг., 1917. Ч. 1–2. [Chernyshev I.V. Obshchina posle 9 noyabrya 1906 g. (Po materialam VEO) [Community after November 9, 1906 (Based on VEO of Russia materials)]. Petrograd, 1917. Part 1–2.]
44. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М., 1997. [Shanin T. Revolyuciya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907 gg. – 1917–1922 gg. [Revolution as a moment of truth. Russia between 1905–1907 and 1917–1922]. Moscow, 1997.]
45. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Куда идет Россия? Формальные институты и реальная практика. М., 2002. С. 267–273. [Shanin T. Customary law in the peasant community. *Kuda idet Rossiya? Formalnye instituty i realnaya praktika*. Moscow, 2002. Pp. 267–273. (In Russ.)]
46. Щербина Ф.А. Русская земельная община // Русская мысль. 1880. Кн. 8. С. 85–118. [Shcherbina F.A. Russian land community. *Russkaya mysl*. 1880. Vol. 8. Pp. 85–118. (In Russ.)]
47. Field D. Rebels in the Name of Tsar. Boston, 1976.
48. Pallot J. Land Reform in Russian 1906–1917. Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999.
49. Scott J.C. Moral economy of the Peasant. New Haven; L., 1976.

Сведения об авторе / About the author

Шорников Евгений Игоревич – аспирант кафедры гуманитарных дисциплин Института общественных наук, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Evgeny I. Shornikov – Postgraduate at the Department of Humanities of the School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

E-mail: eugeneii731@gmail.com

Политические институты, процессы и технологии

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-100-119

О.В. Милаева

Пензенский государственный университет,
440026 г. Пенза, Российская Федерация

Особенности электоральных моделей в национальных республиках Сибирского федерального округа (2007–2019 годы)

Целью статьи является дескрипция электоральных моделей в национальных республиках Сибирского федерального округа Российской Федерации. Проанализированы выборы федерального, регионального и местного уровней в республиках Тыва, Алтай, Хакасия (2007–2019 гг.). В основе исследования лежат методы статистического и сравнительного анализа по трем группам показателей: 1) статистика явки избирателей и уровня поддержки партии «Единая Россия»; 2) социально-экономические показатели развития регионов; 3) этническая локализация населения и уровень урбанизации. Источники исследования: данные официальной статистики, электоральная статистика республиканских избирательных комиссий. Результаты проведенного анализа позволяют выявить характеристики и различия в электоральных моделях республик на основе анализируемых показателей. Республика Тыва представляет самую консервативную клиентистскую политическую модель с признаками институционализации. Постоянно воспроизводится паттерн традиционалистского электорального поведения этнически локализованных и низкоурбанизированных сообществ с высокой плотностью социальных связей и личных контактов, административно контролируемых в силу финансовой зависимости

© Милаева О.В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

от центрального бюджета и дотаций. Республика Алтай представляет собой менее консервативную модель, связанную с демонстрируемым электоральным абсентеизмом большей части избирателей. У активной части электората имеется тенденция к трансформации электоральных паттернов на протяжении двух циклов. Электоральные паттерны Республики Хакасия демонстрируют нонконформистский электоральный паттерн активного электората, что обусловлено меньшей зависимостью населения от бюджетных трансфертов и социальных выплат, более высоким, чем в других рассматриваемых республиках, уровнем доходов населения. Следует отметить повсеместное заметное снижение уровня поддержки правящей партии, даже при самых администрируемых и клиентистских паттернах голосования, и трансформацию абсентеистских моделей электорального поведения в сторону активизации политической позиции, высказываемой через протестное голосование.

Ключевые слова: избирательная кампания, электоральные исследования, электоральный паттерн, электоральная модель, региональная политика, электоральные циклы, политические модели, Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Хакасия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Милаева О.В. Особенности электоральных моделей в национальных республиках Сибирского федерального округа (2007–2019 годы) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 100–119. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-100-119

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-100-119

O.V. Milaeva

Penza State University,
Penza, 440026, Russian Federation

Features of electoral models in the national republics of the Siberian Federal district (2007–2019)

The purpose of the article is to describe electoral models in the national republics of the Siberian Federal District of the Russian Federation. The elections of the federal, regional and local levels in the republics of Tyva, Altai, Khakassia

(2007–2019) are analyzed. The study is based on statistical and comparative analysis methods for three groups of indicators: 1) statistics on voter turnout and the level of support for the «United Russia» party; 2) socio-economic indicators of regional development; 3) ethnic localization of the population and the level of urbanization. The sources of research are official statistics, electoral statistics of republican election commissions. The results of the analysis allow us to identify the characteristics and differences in the electoral models of the republics based on the analyzed indicators. The Republic of Tyva represents the most conservative clientist political model with signs of institutionalization. The pattern of traditionalist electoral behavior of ethnically localized and low-urbanized communities with a high density of social ties and personal contacts, administratively controlled due to financial dependence on the Central budget and subsidies, is constantly reproduced. The Altai Republic is a less conservative model associated with the demonstrated electoral absenteeism of the majority of the voters. The active part of the electorate has a tendency to transform electoral patterns over the course of two cycles. The electoral patterns of the Republic of Khakassia demonstrate a non-conformist electoral pattern of the active electorate, which is due to the lower dependence of the population on budget transfers and social payments, and a higher level of income than in other republics under consideration. It should be noted that the level of support for the ruling party has gradually decreased, even with the most administrated and clientist voting patterns, and that absentee electoral behavior patterns have been transformed into a more active political position expressed through protest voting.

Key words: election campaign, electoral research, electoral pattern, electoral model, regional policy, electoral cycles, political models, Republic of Tyva, Republic of Altai, Republic of Khakassia

FOR CITATION: Milaeva O.V. Features of electoral models in the national republics of the Siberian Federal district (2007–2019). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 100–119. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-100-119

Политические процессы в национальных республиках РФ имеют свои особенности, что позволяет рассматривать их как особый объект в политических исследованиях. При этом, несмотря на унификацию политического режима, в национальных республиках функционируют специфические политические режимы [2], базирующиеся на используемых в течение длительного времени региональных политических практиках, имеющие признаки институционализации, что позволяет изучать их как динамическую систему. Мы не ставим целью типологизацию политических режимов национальных республик Сибирского федерального

округа, а обращаемся к специфике их политических моделей, распределенных по трем электоральным циклам.

Объектом исследования в рамках данной статьи являются результаты голосования на выборах в представительные органы в республиках Тыва, Алтай, Хакасия в трех электоральных циклах с 2007 по 2019 гг. на федеральном и региональном уровне, в двух электоральных циклах на уровне выборов в административных республиканских центрах. Особенности электоральных циклов в некоторой степени связаны с правовыми изменениями и ликвидацией большей части партий на первом этапе (2007 г.), введенной пропорциональной системой (2011 г.), восстановлением смешанной системы (2016 г.). Мы рассматриваем особенности голосования в республиках в ходе выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по всем республикам в заявленный хронологический период; голосование на выборах в Верховный Хурал Республики Тыва, Хурал представителей города Кызыла; голосование на выборах в Государственное собрание – Эл курултай Республики Алтай, Совет депутатов города Горно-Алтайск; голосование на выборах в Верховный совет республики Хакасия, Совет депутатов города Абакан.

Предметом исследования являются динамика показателей по явке избирателей, уровень поддержки политической партии «Единая Россия» как индикатор лояльности, корреляция уровня явки с уровнем поддержки власти; показатели социально-экономического развития рассматриваемых субъектов. Относительно выборов в представительные органы административных центров следует сделать оговорку: мы используем данные двух избирательных циклов для унификации исследования по критерию системы голосования (пропорциональная и смешанная), поскольку голосование в рамках только одномандатной системы имеет свои особенности. В политической науке концепция циклов является одной из основных объяснительных моделей при рассмотрении сложных систем и отношений [1]. Объединение данных в электоральные циклы позволяет выявить институциональные характеристики политических моделей и процессов, рассмотрение их в хронологическом порядке позволяет фиксировать динамику изменений.

Целью исследования является дескрипция электоральных моделей и выявление типологических характеристик и классификационных отличий республик Тыва, Алтай, Хакасия при голосовании на выборах трех уровней в представительные органы с 2007 по 2019 гг.

Основой методологии исследования является статистический и сравнительный анализ по трем группам показателей с целью выявления большего количества характерных особенностей республиканских

электоральных паттернов. Первая группа показателей: динамика статистики явки избирателей и уровня поддержки всероссийской политической партии «Единая Россия» на федеральном, региональном и местном уровнях выборов. Вторая группа показателей: статистика социально-экономических показателей развития за период 2005–2017 гг. (уровень занятости, уровень безработицы, уровень среднедушевых доходов, структура доходов населения, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума). Третья группа показателей: этническая локализация населения (доля русского населения), уровень урбанизации. Источниками для нас являются данные официальной статистики (ЕМИСС), открытые данные электоральной статистики республиканских избирательных комиссий, часть данных собиралась для удобства анализа на сайте информационного сервиса vuborgu.pro (vuborgu.pro/poisk-vuborov).

Отметим, что в целом политологические исследования дают основание утверждать, что все национальные республики РФ демонстрируют сходство электоральных моделей и паттернов электорального поведения вне зависимости от локализации [3], что выражается в высоком уровне явки на выборы, особенно федерального уровня, коррелирующей с высоким уровнем поддержки доминирующей политической партии («Единой России»). Это обуславливается рядом факторов. Во-первых, невысокими показателями социально-экономического развития (исключая республики, обладающие собственными значительными ресурсами). И, как следствие, зависимостью от центра, прежде всего финансовой, что заставляет местные политические элиты использовать жесткий административный контроль за результатами выборов в обмен на значительные финансовые дотации и преференции, искусственно повышая явку, и уровень поддержки «Единой России». Во-вторых, сравнительно невысоким уровнем урбанизации в национальных республиках, высоким процентом сельского населения, всегда демонстрирующего более консервативные модели электорального поведения и поддержку власти. При этом в такого рода условно традиционалистских сообществах и небольших городах выше плотность социальных связей и выше возможность контроля и использования административного ресурса. В-третьих, этническим фактором, когда этнические сети становятся дополнительным способом мобилизации избирателей. В национальных республиках в силу зависимости региональных элит от центра использование этнического фактора выражается в необходимости поддерживать высокий уровень лояльности к правящей партии, легитимируя и свое постоянное пребывание у власти. При этом этнический фактор наиболее эффективен при сегрегированном проживании этнических групп,

в меньшей степени – при высокой доле русского населения [10]. Все это обеспечивает предсказуемость электоральных паттернов и сравнительно успешное их воспроизведение при организации выборов.

Обращаясь к нашему объекту исследования, представим результаты голосования по республикам Сибирского федерального округа (СФО) в сводной таблице 1, составленной на основании анализа данных о результатах голосования избирательных республиканских комиссий, сервиса для поиска информации о выборах и кандидатах (явка) [6–8; 13].

Таблица 1

**Результаты голосования на выборах
в представительные органы
в республиках Тыва, Алтай, Хакасия:
федеральный, региональный, муниципальный уровни
(2007–2019 гг.)**

Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации			
	2007	2011	2016
<i>Республика Тыва</i>			
Явка, %	80,99	86,13	90,13
Поддержка «Единой России», %	89,21	85,29	82,61
<i>Республика Алтай</i>			
Явка, %	68,33	63,58	45,10
Поддержка «Единой России», %	69,46	53,33	48,81
<i>Республика Хакасия</i>			
Явка, %	54,91	56,24	39,43
Поддержка «Единой России», %	59,53	40,13	38,06
Выборы депутатов региональных парламентов			
<i>Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва</i>			
	2010	2014	2019
Явка, %	65,57	80,43	75,03
Поддержка «Единой России», %	77,41	84,03	80,13

Окончание табл. 1

<i>Государственное собрание – Эл курултай Республики Алтай</i>				
	2006	2010	2014	2019
Явка, %	52,50	59,63	54,23	49,87
Поддержка «Единой России», %	27,20	44,43	44,70	34,18
<i>Верховный совет Республики Хакасия</i>				
	2009	2013	2018	
Явка, %	50,37	37,85	41,85	
Поддержка «Единой России», %	57,33	46,32	25,46	
Выборы депутатов органов представительства административных центров				
<i>Хурал представителей г. Кызыла, Республика Тыва</i>				
	2008	2013	2018	
Явка, %	–	43,97	51,44	
Поддержка «Единой России», %	–	73,09	78,96	
<i>Совет депутатов г. Абакана, Республика Хакасия</i>				
Явка, %	–	33,69	35,50	
Поддержка «Единой России», %	–	59,33	28,83	
<i>Совет депутатов г. Горно-Алтайска, Республика Алтай</i>				
	2008	2012	2017	
Явка, %	–	61,53	31,08	
Поддержка «Единой России», %	–	49,46	47,24	

На основании данных, приведенных в таблице, и опираясь на ряд критериев, используемых в такого рода исследованиях, можно выявить особенности, характерные для избирательных моделей рассматриваемых национальных республик.

В Республике Тыва явка на выборы федерального уровня сохраняется на уровне значительно выше среднего, обнаруживая тенденцию к росту, достигая максимума (более 90%) в 2016 г. Явка на выборах регионального уровня ниже, но удерживается в рамках высоких показателей

(выше 65%) на протяжении трех избирательных циклов. Однако она нестабильна: в 2010 г. она минимальна (65,57%), максимума достигает в 2014 г. (80,43%), к 2019 г. снижается до 75,03%. Выборы в административном центре тоже обнаруживают в среднем тенденцию к возрастанию явки: с 43, 97% в 2013 г. до 51,44% в 2018 г.

Уровень лояльности к партии власти в Тыве по всем избирательным циклам самый высокий из всех трех исследуемых субъектов (выше 80%). Тем не менее, обнаруживается тенденция к медленному снижению на федеральных выборах на 6,6% в 2016 г. в сравнении с 2007 г. На региональных выборах поддержка ВПП «Единая Россия» фиксируется не ниже 77%, максимально сближаясь с показателями федеральных выборов в 2016 г., достигая 80,13%. При этом при сравнении с результатами выборов 2010 г. в 2019 г. произошел незначительный рост поддержки (+2,72%), но по отношению к 2014 г. «Единая Россия» потеряла 3,9% голосов. На выборах в административных центрах уровень поддержки партии власти не ниже 73% за два избирательных цикла, в отличие от федерального уровня процент повышается (+5,87% в 2018 г.), но отстает как от региональных, так и от федеральных цифр в среднем на 4–5%.

Можно обнаружить корреляции между повышением/снижением явки: на федеральных выборах чем выше явка, тем ниже процент поддержки «Единой России» (при максимальной явке в 2016 г. уровень поддержки ниже, чем при минимальной в 2007 г.). На региональных выборах можно увидеть некоторую зависимость повышения уровня поддержки «Единой России» от повышения явки: при явке в 65,57% уровень поддержки 77,41%, при повышении явки до 75% уровень поддержки возрастает до 80,13%, максимальная явка (80,43%) дает максимальный уровень поддержки (84,03% в 2014 г.). Однако при сравнении двух последних избирательных циклов регионального уровня (2014 и 2019 гг.) обнаруживается и снижение явки, и снижение уровня поддержки в среднем на 5%. Тогда как на местных выборах обнаруживается рост явки (+7,47%) и рост поддержки (+5,87%). Такое соотношение характерно для администрируемых избирательных моделей, что, впрочем, для подтверждения нуждается в рассмотрении дополнительных показателей, к которым мы обратимся позже.

В Республике Алтай относительно высокая явка на выборы федерального уровня в 2007 г. (68,33%) обнаруживает заметную тенденцию к падению, сократившись почти на четверть в 2016 г. (45,10%). Явка на выборы регионального уровня в среднем немногим более 50%, при этом обнаруживается сходная с федеральным уровнем тенденция к снижению, в два раза превышающим аналогичный показатель в Тыве.

К 2019 г. она уже на 10% ниже в сравнении с 2010 г.: с 59,63% сокращается до 49,87%. Очень высокий для местных выборов уровень явки фиксируется в 2012 г. (61,53%), что связано с активизацией гражданского протеста по России в целом, но в 2018 г. произошло ее резкое сокращение почти на треть (31,08%).

Уровень лояльности к партии «Единая Россия» в Республике Алтай на федеральных выборах заметно ниже, чем в Тыве, но почти приближался в 2011 г. к 70% (69,46%), что является достаточно высоким показателем. Тем не менее, на протяжении трех избирательных циклов федерального уровня отмечается планомерное снижение уровня поддержки, достигая минимума на последних выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2016 г. (–20,65%). На уровне выборов в органы представительства административного центра поддержка не достигает 50%, оставаясь относительно стабильной (47–48%).

На федеральном уровне заметна следующая корреляция уровня поддержки «Единой России» с уровнем явки: планомерное снижение явки влечет и снижение уровня поддержки. В 2016 г. проценты явки и поддержки практически совпадают. Такое соотношение в целом характерно для абсентеистских моделей избирательного поведения, когда основная часть избирателей игнорирует выборы, а голосует только лояльный избиратель. В наиболее наглядном виде это фиксируется на выборах местного уровня в 2017 г.: сокращение явки наполовину в сравнении с 2012 г. (с 61,53 до 31,08%) не меняет уровень поддержки «Единой России». На выборах регионального уровня самый низкий процент поддержки «Единой России» фиксируется в 2006 г. (27,20%), что является минимальным показателем по всем республикам во второй половине 2010-х гг., но впоследствии повышается до средних показателей. С 2010 по 2019 г. на выборах регионального парламента и уровень явки, и уровень поддержки примерно одинаковы, уровень лояльности удерживался на показателях не выше 45% при явке 55% в среднем. В 2019 г. обнаруживается тенденция к трансформации абсентеистской модели: явка повышается почти до 50%, но демонстрируемый уровень лояльности немногим более трети (34,18%).

В Республике Хакасия рассматриваемые два показателя заметно ниже, чем в республиках Тыва и Алтай. В первые два избирательных цикла на федеральных выборах явка находилась примерно на одном уровне (колебалась незначительно) в диапазоне 54–56%. В 2016 г. обнаруживается резкое падение явки на 15,85% в сравнении с 2007 г., на 16,81% относительно 2011 г. На уровне региональных выборов фиксировался самый высокий процент явки для Хакасии в первом рассматриваемом нами избирательном цикле (2009 г.): незначительно превысила

50-процентный порог. В 2013 г. явка резко сократилась (на 12,5%), достигнув минимума в рассматриваемый период (37,85%), став минимальным показателем для всех республик СФО в данный период на региональных выборах. В отличие от остальных республик, обнаруживающих тенденцию к спаду явки на региональных выборах, в Хакасии она повышается на выборах регионального парламента в 2018 г. до 41,85%, что свидетельствует о смене частью избирателей вектора активного протестного голосования, выразившегося в голосовании за оппозиционные партии, что просматривается по результатам выборов. Та же тенденция характеризует местные выборы: в сравнении с 2013 г. явка обнаруживает незначительную тенденцию к росту (от 33,69% до 35,5%).

Уровень поддержки «Единой России» на федеральных выборах в 2007, 2011, 2016 гг. сокращался в среднем на 9% в каждом цикле, достигнув минимума в 2016 г. (38,06%). В еще более явном виде тот же процесс проходил на региональном уровне, когда «Единая Россия» в 2018 г. потеряла по сравнению с 2009 г. 31,87%, а процент голосования за нее составил 25,46%, что стало минимумом не только по рассматриваемым республикам, но и по другим субъектам РФ. Синхронно проводимые выборы в представительный орган административного центра демонстрируют ту же тенденцию падения лояльности к «Единой России» почти на 30% в 2018 г. (до 28,83%). В случае Республики Хакасия можно утверждать, что значительная часть избирателей демонстрирует абсентеизм, но паттерн голосования активного избирателя изменяет вектор на протестное голосование.

Конкретизировать характеристики различий целесообразно через привлечение данных по показателям социально-экономического развития регионов. Мы используем такие показатели, как уровень занятости, безработицы, уровень среднедушевых доходов, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума. Данные сформированы на основе анализа государственной статистики [11; 12; 16]. Распределение показателей по республикам представлено в табл. 2.

Сделаем предварительное замечание. Мы согласны с большинством исследователей, которые усматривают связь между уровнем лояльности к правящей партии и уровнем бедности населения, его зависимостью от межбюджетных трансфертов и социальных выплат, что позволяет администрациям регулировать результаты голосования. Сформулируем эту зависимость: чем выше показатели уровня доходов и занятости населения, при этом ниже показатели безработицы и зависимости от социальных выплат в структуре доходов населения, тем вероятнее обективизация паттерна активного протестного политического поведения и снижение уровня поддержки правящей партии при повышении явки.

Таблица 2

**Социально-экономические показатели развития
национальных республик
Сибирского федерального округа**

	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Уровень безработицы, %</i>							
Республика Тыва	21,9	21,7	19,3	19,1	18,6	16,6	18,3
Республика Алтай	9,4	12,2	11,5	10,4	9,7	12,0	12,0
Республика Хакасия	8,9	9,1	6,0	6,2	5,8	6,3	4,9
<i>Уровень занятости населения, %</i>							
Республика Тыва	48,8	46,3	46,6	48,4	49,2	52,0	50,3
Республика Алтай	57,8	59,4	59,9	59,8	61,1	58,7	58,4
Республика Хакасия	60,3	58,9	61,9	60,4	62,1	61,5	62,2
<i>Уровень среднедушевых доходов населения, руб.</i>							
Республика Тыва	4162	10 160	13 472	14 083	15 246	14 111	14 048
Республика Алтай	4381	13 536	14 752	17 134	18 254	17 833	18 411
Республика Хакасия	5177	12 806	17 876	18 385	20 789	21 034	21 209
<i>Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, % от общей численности населения</i>							
	2007	2011	2013	2014	2015	2016	2018
Республика Тыва	36,0	30,6	33,0	35,2	36,9	37,8	34,4
Республика Алтай	32,9	18,6	21,0	20,9	24,8	25,5	24,0
Республика Хакасия	20,2	18,6	17,8	18,2	19,2	19,1	18,5

Значимым показателем, не представленным в табл. 2, является структура доходов населения, позволяющая описать электорат с точки зрения зависимости от межбюджетных трансфертов и социальных выплат, степень экономической независимости. Приводим эти данные на основании отчетности службы государственной статистики [12] по показателям социально-экономического развития регионов в табл. 3.

Таблица 3

Структура основных доходов населения национальных республик Сибирского федерального округа (2005–2017 гг.), %

	2005	2010	2015	2017
<i>Республика Тыва</i>				
Предпринимательство	13,6	11,5	10,5	9,8
Оплата труда	44,6	45,6	44,8	50,5
Социальные выплаты	21,2	27,5	32,4	38,1
<i>Республика Алтай</i>				
Предпринимательство	9,3	10,3	9,9	8,8
Оплата труда	43,0	32,9	35,0	36,3
Социальные выплаты	19,2	26,2	27,6	30,2
<i>Республика Хакасия</i>				
Предпринимательство	14,5	11,1	14,4	14,4
Оплата труда	51,9	44,4	41,3	42,7
Социальные выплаты	16,4	22,3	23,6	26,1

Материальное положение населения, которое формируется в соответствии с его благосостоянием, мало влияет на электоральное поведение в Республике Тыва. Именно здесь явка и уровень поддержки «Единой России» на выборах всех уровней выше, чем в других рассматриваемых республиках. При этом отмечаются индикаторы социального неблагополучия: высокий уровень безработицы (до 20%), низкий уровень занятости населения и среднедушевых доходов, высокий уровень зависимости от социальных выплат (до 38,1%), более трети населения, живущего за чертой бедности (34,4% на 2018 г.). Уровень безработицы и уровень занятости населения меняются незначительно, обнаруживается снижение среднедушевых доходов населения, значительный рост числа людей, живущих за счет социальных пособий за последние пять лет. Причем модель не меняется в зависимости от уровня выборов, но заметно доминирование федеральной политической повестки над региональной и местной. Явка на выборы федерального уровня высока в силу необходимости демонстрации лояльности перед центром, осознаваемой региональной элитой, тогда как региональные и местные выборы

в силу их меньшей значимости с точки зрения экономических преференций дают более низкие проценты явки. Такой паттерн сближается с политэкономической клиентистской моделью (бедность, зависимость и неравенство), когда политические машины опираются на доступные и зависимые группы избирателей [5], что как гипотеза высказывалось нами выше.

В Республике Алтай несколько иная картина голосования, обнаружившая деформацию интереса к федеральной политической повестке в пользу региональной: самый высокий процент явки не на федеральных (45,10%), а на региональных выборах в Эл-Курултай в 2019 г. (49,87%), где заметно значительное снижение уровня поддержки «Единой России». Возможно, это связано с тем, что региональные выборы, по мнению избирателей, менее жестко контролируются и именно на этом уровне он проявляет свое отношение к социально-экономической ситуации, выражая недоверие действующей власти [9]. Алтай демонстрирует средние цифры (по сравнению с другими рассматриваемыми субъектами) по заявленным социально-экономическим показателям. Отметим, что здесь тоже высока доля населения с зависимостью от межбюджетных трансфертов и социальных дотаций (более 30%), причем за последние пять лет этот показатель увеличился более чем на 10%, отмечается значительный процент населения с доходами ниже прожиточного минимума (24% на 2018 г.), рост уровня безработицы, отсутствие значимого роста доходов населения за последние пять лет. Поэтому в силу зависимости основной части избирателей не выражается, а характерна абсентеистская модель избирательного поведения. Избиратель игнорирует выборы, не проявляя активного протеста голосованием за оппозицию, а голосует «свой» избиратель, о чем свидетельствует процент явки, фактически равный уровню поддержки на федеральных выборах, близких к ним по времени муниципальных, когда процент поддержки удерживался низкой явкой (47,24% при явке немногим выше 30%). При этом нарастающие протестные тенденции выявляются на уровне региональных выборов, отстоящих от рассмотренных на два-три года. Именно здесь политическая машина дала сбой, а рейтинг «Единой России» упал до минимального в рассматриваемые избирательные циклы (34,18%).

Наименее успешны политические машины были в достижении контроля над результатами выборов в самом благополучном из рассматриваемых субъектов: в Республике Хакасии. Здесь фиксируется (при сравнении с другими республиками СФО) самый низкий уровень безработицы (4,9–6,3%) и самый высокий уровень среднедушевых доходов и занятости населения, меньшее количество населения, живущего на доходы ниже прожиточного минимума (18,5% на 2018 г.). Все

показатели благополучия за десятилетие обнаруживают тенденцию к росту, тогда как уровень безработицы и численности населения, живущего за чертой бедности, сокращается. При этом процент явки на всех уровнях выборов низкий, на протяжении длительного периода электоральное поведение можно охарактеризовать как абсентеистское. На уровне региональных и местных выборов после 2016 г. можно отметить трансформацию абсентеистской модели в более активное протестное голосование части избирателей, однако их процент не высок по отношению ко всему корпусу избирателей. Можно сказать, что электоральная модель Республики Хакасия и паттерн электорального поведения тяготеют в сторону ретроспективной и перспективной модели рационального выбора, наложенных на модель социального протеста по типу модели «синдрома завышенных ожиданий».

Результаты голосования при сопоставлении с выбранными социально-экономическими показателями уровня благосостояния населения республик СФО за рассматриваемый период подтверждают сформулированную гипотезу и выводы ранее предпринятого анализа по формальным показателям.

Корреляция обнаруживается и при рассмотрении влияния на электоральную модель национальных республик СФО таких факторов, как этническая локализация и уровень урбанизации. Собственно, в политологии гипотеза, что при повышении урбанизации и уменьшении процента этнического населения в регионе, при меньшей его сегрегации, явка на выборы снижается параллельно снижению уровня поддержки доминирующей политической силы, стала уже теорией. И она находит свое подтверждение на материале выборов в рассматриваемых республиках. Цифры численности населения и процент городского населения приводятся нами по данным ЕМИСС на 2019 г., поскольку за весь рассматриваемый период значения менялись незначительно [12; 15]. Этнический состав населения представлен на основании данных переписи населения 2010 г. [14].

Наименьший процент русского населения (16,3%) – в Республике Тыва [Там же, с. 100], для политической модели которой, как нами уже установлено, характерна высокая явка на выборах всех уровней (выше 50%), один из самых высоких по всем национальным республикам уровень лояльности к партии власти. Важным фактором этого является компактность проживания этнических меньшинств и этнизация региональной элиты, концентрация ее в органах власти и управления, в представительных органах, что отмечается и исследователями [5], и просматривается при анализе депутатского корпуса представительных органов на официальных сайтах [4].

В Республике Алтай русские составляют 56,6% населения [14, с. 99], этническое население не локализуется. Явка на выборы средняя (менее 50%), как и уровень лояльности к партии власти (не превышает 50%). В Республике Хакасия русские составляют 81,7% населения [Там же, с. 100]; явка на выборы самая низкая по трем республикам (40% в среднем), уровень лояльности к «Единой России» один из самых низких и составляет максимум 38,06%.

Значимость этнического фактора для электоральной модели подтверждается и статистическими исследованиями соответствующих электоральных циклов, по результатам которых рассматриваемые республики относятся к разным группам электоральной лояльности. Приведем данные по влиянию фактора этнической локализации на уровень поддержки «Единой России» в коэффициентах по трем национальным республикам в сопоставлении со среднероссийскими показателями (табл. 4), опираясь на исследование П.В. Панова [10, с. 55].

Таблица 4
**Коэффициент поддержки «Единой России» на выборах
депутатов Государственной Думы РФ (2007–2016 гг.)**

Субъект	2007	2011	2016	Средневзвешенный коэффициент по РФ
Республика Тыва	1,3841	1,7293	1,5240	1,5458
Республика Алтай	1,0802	1,0813	0,9006	1,0207
Республика Хакасия	0,9258	0,8137	0,7030	0,8141

Как следует из приведенных цифр, в республиках Алтай и Хакасия электоральная политическая модель по своим особенностям сближается со среднероссийскими краевыми и областными, тогда как Республика Тыва приближается к статистическим показателям республик Северного Кавказа.

Влияние фактора места проживания на поведенческие электоральные модели, на первый взгляд, не так однозначно. Однозначной здесь является только модель Республики Хакасия, с самым высоким процентом городского населения (69,7%) [15]: при повышении явки обнаруживается заметное снижение уровня поддержки правящей партии. Некоторой аномалией в данном аспекте выглядит Республика Алтай, где самый низкий уровень урбанизации (29,2%) [15], но при этом низкий уровень поддержки «Единой России» на региональных выборах. На федеральных выборах в 2016 г. она составляла около 50%, на выборах

в административном центре поддержка правящей партии возросла (на 13,8%) по сравнению с региональными. Разница в процентах явки говорит явно в пользу того, что «свой» избирателей остался на прежнем уровне за счет сельской местности, а явка возросла по городу. Достаточно сравнить данные по числу избирателей в Горно-Алтайске, голосовавших по ОИК № 1–10 (т.е. непосредственно в городе) на региональных и муниципальных выборах, чтобы увидеть фактически двукратное увеличение пришедших на выборы избирателей, тогда как по районам этого не наблюдается [6]. Что подтверждает гипотезу о меньшем консерватизме и традиционализме в демонстрации лояльности доминирующей политической силе городского избирателя.

Республика Тыва имеет средний уровень урбанизации (54,1% городского населения) [16] из описываемых республик, демонстрирует модель голосования, характерную для территорий с доминированием сельского населения. Здесь, на наш взгляд, накладываются два фактора: с одной стороны, в традиционалистских обществах и небольших городах плотнее социальные связи и выше возможность контроля и использования административного ресурса (а в сельской местности проживает немногим менее половины населения Тывы); с другой стороны, высокая плотность этнических связей, локация этносов, что видно на примере Тывы, где русское население составляет чуть более 16%, в связи с чем обеспечиваются более благоприятные условия для работы политической машины.

Подводя итоги проведенного исследования, выделим характерные особенности политических моделей республик Тыва, Алтай, Хакасия, основные особенности развития электоральных циклов в рассматриваемый период.

Республика Тыва представляет самую консервативную клиентистскую политическую модель по всем рассмотренным показателям. Такая модель имеет признаки институционализации, постоянно воспроизводится под административным контролем по всем электоральным циклам всех уровней практически без значимых изменений. Воспроизводится и паттерн традиционалистского электорального поведения этнически локализованных и низкоурбанизированных сообществ с высокой плотностью социальных связей и личных контактов, административно контролируемых в силу финансовой зависимости от центрального бюджета и дотаций.

Республика Алтай представляет собой менее консервативную модель, связанную с демонстрируемым электоральным абсентеизмом большей части избирателей. У активной части избирателей имеется тенденция к трансформации электоральных паттернов на протяжении двух циклов на менее администрируемых региональном и местном уровне выборов.

Такой паттерн электорального поведения сближает Республику Алтай с самой распространенной абсентеистской моделью в субъектах Российской Федерации.

Электоральные паттерны в Республике Хакасия демонстрируют процесс активного изменения на протяжении трех электоральных циклов. Нонконформистский электоральный паттерн активного электората обусловлен меньшей зависимостью населения от бюджетных трансфертов и социальных выплат, более высоким, чем в других рассматриваемых республиках, уровнем доходов населения.

Следует отметить повсеместное постепенное заметное снижение уровня поддержки правящей партии, даже при самых администрируемых и клиентистских паттернах голосования, и трансформацию абсентеистских моделей электорального поведения в сторону активизации политической позиции, высказываемой через протестное голосование.

Рассмотренные нами особенности голосования в национальных республиках позволяют утверждать, что федеральные электоральные циклы 2007–2016 гг. задают доминирующую модель примыкающим к ним региональным и местным (с соответствующим смещением по годам), с незначительными корректировками, кардинально не меняются, сохранив преемственность и основные базовые характеристики. Они имеют общие характеристики: направленность на консолидацию региональных элит и центра при доминировании федеральных акторов, обеспечение контролируемости и предсказуемости результатов выборов с целью консервации существующего политического положения, обеспечение доминирования одной партии в представительных органах, снижение уровня конкуренции до минимально возможного. Собственно, это результаты предшествующего электорального цикла (2003–2007 гг.), в рассматриваемые три электоральные цикла значительных изменений не происходило, усилия политических машин были в основном направлены на поддержание сложившейся системы. Основным инструментом для всех политических региональных машин стало администрирование выборов, направленное на получение прогнозируемого результата.

Наименее успешной такая политическая практика становится в электоральном цикле 2016 г., что особенно заметно на хронологически отстоящих на два-три года региональных и местных выборах. Если для Республики Тыва в силу особенностей политической системы и клиентистских электоральных паттернов населения администрируемая региональной элитой модель еще эффективна практически на всех уровнях выборов, то для абсентеистского паттерна электората Республики Алтай и трансформирующющейся модели протестного голосования Республики Хакасия в просматриваемой перспективе требуется кардинальное изменение.

Библиографический список / References

1. Ашихмина Я.Г. Концептуальное осмысление понятия «Электоральный цикл» на материале исследований политических трансформаций в Российской Федерации в 1991–2013 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 4. С. 68–80. [Ashikhmina Ya.G. Conceptual comprehension of the term “Electoral cycle” based on the research of political transformations in the Russian Federation in 1991–2013. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2014. No. 4. Pp. 68–80. (In Russ.)]
2. Баранов А.В. Региональные политические режимы в России в системе властных отношений: проблемы типологии // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 62–73. [Baranov A.V. Regional political regimes in Russia in the system of power relations: Problems of typology. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2012. No. 4. Pp. 62–73. (In Russ.)]
3. Белова Е.В. Влияние этнического фактора на результаты парламентских выборов 4 декабря 2011 г. // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2015. Т. 5. Вып. 4. С. 163–169. [Belova E.V. The influence of the ethnic factor on the results of the parliamentary elections on December 4, 2011. *Vestnik Udmurt State University. History and Archeology*. 2015. Vol. 5. No. 4. Pp. 163–73 (In Russ.)]
4. Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. Официальный сайт. Депутаты. URL: <http://www.khural.org/struct/deputies/223/> (дата обращения: 12.04.2020). [Verkhovnyy Khural (parlament) of the Republic of Tuva. Official site. URL: <http://www.khural.org/struct/deputies/223/> (In Russ.)]
5. Гилев А.В. Политические машины и политический клиентизм в российских регионах. Политическая наука. 2017. № 4. С. 61–74. [Gilev A.V. Political machines and political clientism in Russian regions. *Political Science*. 2017. No. 4. Pp. 61–74. (In Russ.)]
6. Избирательная комиссия Республики Алтай. Официальный сайт. Выборы и референдумы. URL: http://www.altai_rep.vybory.izbirkom.ru/region/altai_rep (дата обращения: 01.04.2020). [Election commission of the Altai Republic. Official site. Elections and referendums. URL: http://www.altai_rep.vybory.izbirkom.ru/region/altai_rep (In Russ.)]
7. Избирательная комиссия Республики Тыва. Официальный сайт. Выборы и референдумы. URL: <http://www.tyva.vybory.izbirkom.ru/region/tyva> (дата обращения: 01.04.2020). [Election commission of the Republic of Tuva. Official site. Elections and referendums. URL: <http://www.tyva.vybory.izbirkom.ru/region/tyva> (In Russ.)]
8. Избирательная комиссия Республики Хакасия. Официальный сайт. Выборы и референдумы. URL: <http://www.khakas.vybory.izbirkom.ru/region/khakas> (дата обращения: 30.03.2020). [Election commission of the Republic of Khakassia. Official site. Elections and referendums. URL: <http://www.khakas.vybory.izbirkom.ru/region/khakas> (In Russ.)]
9. Милаева О.В., Сиушкин А.Е., Андросова Л.А. Модель «электорального бессилия»: к вопросу об абысентистском поведении россиян на выборах // Политика и Общество. 2017. № 7. С. 28–41. [Milaeva O.V., Siushkin A.E., Androsova L.A. The model of «electoral powerlessness»: On the issue of absentee behavior of Russians in elections. *Politics and Society*. 2017. No. 7. Pp. 82–41. (In Russ.)]

10. Панов П.В. Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. Политологические науки. 2019. № 2. С. 53–62. [Panov P.V. Spatial localization of ethnic groups as a factor in voting in elections in the national republics of the Russian Federation. *Vestnik of Perm Federal Research Center. Political Sciences*. 2019. No. 2. Pp. 53–62. (In Russ.)]
11. Располагаемые ресурсы домашних хозяйств в зависимости от места проживания по субъектам Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики (Россстат). URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/doh07_11.docx (дата обращения: 06.04.2020) [Disposable household resources, depending on the place of residence in the constituent entities of the Russian Federation. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/doh07_11.docx (In Russ.)]
12. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018. Труд. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения: 10.04.2020). [Region of Russia. Socio-economic indicators – 2018. Labour. Federal State Statistics Service. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (In Russ.)]
13. Сервис для поиска информации о выборах и кандидатах. Поиск выборов. URL: <https://vybory.pro/poisk-vyborov> (дата обращения: 01.04.2020). [A service for searching information about elections and candidates. Search for elections. URL: <https://vybory.pro/poisk-vyborov> (In Russ.)]
14. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Федеральная служба государственной статистики. М., 2012. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (дата обращения: 13.04.2020). [Socio-demographic portrait of Russia: According to the results of the all-Russian population census of 2010. Federal State Statistics Service. Moscow, 2012. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (In Russ.)]
15. Федеральная служба государственной статистики. ЕМИСС государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36057> (дата обращения: 28.03.2020). [Federal State Statistics Service. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36057> (In Russ.)]
16. Федеральная служба государственной статистики. ЕМИСС государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33460> (дата обращения: 28.03.2020). [Federal State Statistics Service. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33460> (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 25.05.2020, принятая к публикации 11.07.2020
The article was received on 25.05.2020, accepted for publication 11.07.2020

Сведения об авторе / About the author

Милаева Оксана Всеволодовна – кандидат исторических наук; доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» Юридического института, Пензенский государственный университет

Oksana V. Milaeva – PhD in History; associate professor at the Department “Philosophy and Social Communications” of the Law Institute, Penza State University

E-mail: milaevaov@mail.ru

Политические проблемы
международных отношений,
глобального
и регионального развития

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-120-132

М.И. Махмутова

Институт востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация

**Идеологическая конкуренция
ФАТХ и ХАМАС**

В статье освещается идеологическая основа двух ключевых палестинских движений – ФАТХ («Движение за национальное освобождение Палестины») и ХАМАС («Исламское движение сопротивления»), между которыми продолжается конфликт после парламентского кризиса 2006 г. Обе организации действуют в рамках палестинского национализма, и каждая из них впитала идеи политического ислама. Однако их важным отличием остается то, что ФАТХ вырос из народно-освободительного движения и уже после революции в Иране начал впитывать исламизм. ХАМАС был образован из египетской организации «Братья-мусульмане», что свидетельствует о его исламистской основе. В связи с необходимостью получить легитимность в палестинском обществе и найти последователей, движение вплелось в свою идеологию национализм. В западной и отечественной литературе за редким исключением принято рассматривать ФАТХ и ХАМАС отдельно, не сравнивая между собой и в рамках палестино-израильского конфликта. Целью данной работы является сравнение основных идей ФАТХ и ХАМАС и их формирования. Рассмотрены основные методы распространения их идеологий в палестинском обществе, продемонстрированы причины, по которым ХАМАС стал популярен в последние годы, в то время как ФАТХ теряет своих последователей на Западном берегу р. Иордан. В результате исследования было выявлено, что ХАМАС популярен по той причине, что

© Махмутова М.И., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

он демонстрирует себя как ярый форпост борьбы за независимость Палестины. Эта его стратегическая цель преподносится как выполнение священного обета мусульман, которые должны использовать любые средства для достижения результата. При этом ХАМАС продолжает действовать как партизанская группировка, считающая, что, в конечном итоге, либо Израиль уничтожит всех палестинцев, либо их независимое государство возродится.

Ключевые слова: ФАТХ, ХАМАС, Палестина, Палестинская национальная администрация (ПНА), Израиль, партизанская борьба, Ясир Арафат, Махмуд Аббас, Исмаил Хания

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Махмутова М.И. Идеологическая конкуренция ФАТХ и ХАМАС // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 120–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-120-132

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-120-132

M.I. Makhmutova

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 107031, Russian Federation

Ideological competition between Fatah and Hamas

The article highlights the ideological basis of two key Palestinian movements – Fatah and Hamas. The conflict between them was never resolved after the parliamentary crisis in 2006. Both organizations are building their ideology within the framework of Palestinian nationalism. Each of them has absorbed the ideas of political Islam. However, their important difference is that Fatah grew out of the national liberation movement and began to absorb Islamism after the revolution in Iran. Hamas was formed from the Egyptian Muslim Brotherhood, which indicates its Islamist basis. The movement has incorporated nationalism into its ideology due to the need to gain legitimacy in Palestinian society and to find followers. In the Western and Russian literature, with rare exceptions, Fatah and Hamas are typically considered separately, and not compared with each other and within the framework of the Israeli-Palestinian conflict. The purpose of this work is to compare the basic ideas of Fatah and Hamas and their formation. The article

discusses the main methods of their distribution in Palestinian society, demonstrates the reasons why Hamas has become popular over recent years, while Fatah is losing its followers in the West Bank. As a result of the study, it was revealed that Hamas becomes increasingly attractive for Palestinians because it demonstrates itself as an ardent outpost of the struggle for Palestinian independence. This strategic goal is presented as the sacred vow of Muslims who must use any means to achieve a result. Hamas continues to act as a guerrillas group, which believes that in the end, either Israel will destroy all Palestinians, or their independent state will be reborn.

Key words: Fatah, Hamas, Palestine, PNA, Israel, guerrilla warfare, Yasser Arafat, Mahmoud Abbas, Ismail Haniyeh

CITATION: Makhmutova M.I. Ideological competition between Fatah and Hamas. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 120–132. (In Russ.)
DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-120-132

Идеология представляет систему идей и ценностей, которые влияют на формирование взглядов и мировосприятия индивида. В контексте национального движения идеология – это система ключевых националистических ценностей, лежащая в основе формирования целей и стратегии ее политики. Благодаря этому, организация может определять правила поведения последователей и обеспечивать мотивацию для их соблюдения [4, р. 129]. В рамках палестинского общества движения и партии выдвигают идею создания независимого государства. Они предлагают модель ведения длительной партизанской борьбы, способной вывести палестинцев из униженного положения и построить свое государство.

ФАТХ и ХАМАС – два основных движения в политическом процессе Палестины. Они имеют схожие и существенно отличающиеся черты в своей идеологической основе. Оба движения действуют в рамках борьбы за становление независимого государства. Однако ФАТХ более склонен к светской модели, в то время как ХАМАС чаще апеллирует к традиционным ценностям ислама.

Что касается ФАТХ, то, по мнению американского исследователя Дж. Шанцера, он вырос из идей Организации освобождения Палестины (ООП). Изначально партия сформировалась как националистическая, а ее основатель Я. Арафат демонстрировал, что ФАТХ – единственная организация, способная победить Израиль [23, р. 16]. Турецкий учений Б. Сан-Акча указывает, что идеологическая основа партии состояла из нескольких течений: панарабизм (или насеризм), социализм и баасизм [21, р. 74], – этим объясняются ее тесные связи с Сирией, Египтом и Алжиром в течение второй половины XX в. Она действовала

как революционное движение с очень малым исламистским компонентом. Первый журнал ФАТХ, изданный в 1960 г., «Наша Палестина: призыв к жизни», был нацелен на освещение бедственного положения палестинцев и лишь тщечно затрагивал исламские ценности. В 1969 г. Арафат заявил, что у ФАТХ нет идеологии, его цель – освобождение отечества любыми способами [6]. Террористические акты стали средством партизанской борьбы, которая вызывала восхищение и уважение у всего арабо-мусульманского мира. В 1970 г. на саммите Лиги арабских государств в Рабате ООП, которой уже руководил Арафат, была признана единственным законным представителем палестинского народа. Как указывает индийский ученый Х. Шамир, в 1979 г. глава ФАТХ приветствовал революцию в Иране, и именно с этого момента начал внедрять идеи политического ислама в деятельность своей партии [24, р. 1136].

ФАТХ занял доминирующее положение в ходе мирных переговоров с Израилем в 1990-е гг. и, фактически, стал основателем Палестинской национальной администрации (ПНА), не допустив к политическому процессу оппозиционные палестинские движения. После формирования ПНА партия трансформировалась из революционного и народно-освободительного движения в светскую, сохранив в своем идейном багаже идеи палестинского национализма. В ходе процесса Осло представители ФАТХ и Израиля научились договариваться друг с другом на официальном уровне, сотрудничать в сфере экономики и безопасности. Таким образом ФАТХ изменил средства своей борьбы: с применения силовых методов на диалог.

Черты политического ислама отчетливо проявились в 1990-е гг., когда первый глава ПНА Арафат создал Министерство по делам религий, в то время как для других стран Леванта¹ это было немыслимо. В конституции ПНА прописано, что ислам является официальной религией, а принципы шариата² должны быть основным источником законодательства (ч. 1, ст. 5 и 7) [6]. Важным для ПНА шагом стало создание фондов поддержки семей мучеников и заключенных, эти фонды направляют ежемесячные денежные выплаты семьям погибших и заключенных в израильских тюрьмах. Данный факт можно рассматривать не только как социальную поддержку соответствующей категории населения, но и культивирование идеи шахидства (мученичества). Финансирование осуществляется из государственного бюджета ПНА, а совокупные бюджеты фондов достигают около 1,2 млн долл. [30].

¹ Левант – регион, охватывающий Сирию, Ливан, Иорданию и Палестину.

² Шариат – комплекс предписаний, формирующий религиозную совесть и нравственные ценности мусульман. Основные источники шариата – Коран и сунна пророка Мухаммеда.

При этом бюджет ПНА составляет почти 6 млрд долл. (на 2018 г.) [34]. Согласно данным Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), среди основных доноров Палестины остаются страны ЕС, Великобритания, США, Саудовская Аравия и арабские государства Персидского Залива [16]. Часть средств направляются мусульманскими странами через благотворительные фонды, организованные ОАЭ, Катаром и Кувейтом. Этот канал стал наиболее актуальным после сокращения поддержки со стороны Вашингтона [32] и Израиля, отчислявшего порядка 5% (190 млн долл.) своих налоговых поступлений [11].

ФАТХ старается продвигать светские идеи и поощрять стремление женщин к образованию, трудуоустройству и их вовлечение в политическую деятельность. Так, в Революционном совете³ их 11 из 128 делегатов [36], а в новом правительстве премьер-министра М. Штайе – трое (министры здравоохранения, туризма и по делам женщин) [6]. ФАТХ предпринимает попытки вовлечь молодых людей в политическую деятельность. Примером этого являются организация Молодежного парламента (2008, 2010–2011 гг.) [9] и молодежное движение «Шабиба» внутри партии.

Руководство ФАТХ остается элитой ПНА, которое контролирует палестинские территории Западного берега р. Иордан. По мнению Дж. Хейглит, Арафат и М. Аббас создали авторитарную форму правления и не подпускают к политическому процессу ярко выраженную оппозицию [18, р. 174–188]. Власть не опирается на институциональную базу, а поддерживается силами безопасности [8, р. 457].

Как указывает Х. Шараби, современная политическая система в арабских странах внешне обновилась после эпохи колониализма: были разделены ветви власти, появились современные государственные институты, конституции. Однако внутри сохранился старый уклад, в котором ключевая роль отводится личной инициативе лидеров и клановым связям. Так сложилась неопатриархальная система, в которой нет общественного договора между властью и обществом, есть только беспрекословное подчинение лидеру. Общественные отношения регулируются на основе патернализма, клиентизма и семейных связей [10, р. 24]. Изначально при формировании ПНА назначение ответственных лиц даже на местном уровне зависело лишь от Арафата. Институты оказались очень слабыми, что не изменилось при его преемнике Аббасе.

³ Революционный совет – «парламент» ФАТХ, призванный контролировать деятельность Центрального комитета ФАТХ.

Структура ФАТХ состоит из исполнительного органа – Центрального комитета – и законодательного – Революционного совета. Также формально есть Генеральный совет и Съезд движения, которые перестали собираться после 2009 г. ФАТХ имеет несколько боевых групп. Первоначальное название вооруженного крыла было аль-Азифа, но со временем оформились дополнительные силы. Среди них «Сила 17» (президентская гвардия), «Организация Черного сентября» (действовала до 1990-х гг.) и «Бригады мучеников аль-Аксы», куда вошла группировка «Танзим».

Таким образом, ФАТХ изначально формировался как народно-освободительное движение и лишь со временем впитал политический ислам. Это отразилось в реализации его политики при формировании ПНА, поскольку роль ислама на Западном берегу по-прежнему выражена ограниченно. Его авторитарная модель с вкраплениями клановых связей стала основой выстраивания институтов ПНА.

В свою очередь, ХАМАС оформился в самостоятельное движение в самом начале Первой Интифады, когда палестинские беспорядки против израильской оккупации превратились в ожесточенные протесты. Он отличается от многих других исламистских организаций тем, что действует на определенной территории – в секторе Газа – и имеет ячейки на Западном берегу. При этом в секторе ХАМАС фактически сформировал свое «государство» с особыми институтами. Шанцер классифицируют идеологию ХАМАС как радикальный исламизм, утопический и экспансионистский по своему характеру. Для ХАМАСа шариат выполняет роль законодательства, а базой для объединения является большой джихад, нацеленный на защиту мусульманской уммы (нации) [23, р. 5]. Однако, в отличие от таких террористических организаций, как Аль-Каида и ИГИЛ (запрещенных в России) [22, с. 116], в его идейную основу вплетен палестинский национализм. Изначально своей задачей движение провозгласило освобождение Палестины «от воды до воды», то есть от р. Иордан до Средиземного моря. Вопрос о создании независимой Палестины остается центральным аспектом в его концепции. ХАМАС верит в продолжение конфликта между арабами и сионистами до победного конца [1, с. 91–92]. Израиль воспринимается как агрессор, желающий создать Великое государство путем истребления всех палестинцев. Так мир рисуется в черно-белых красках, представляет собой борьбу между «правдой» и «ложью», что обязывает мусульман и арабов вести войну до полного искоренения сионизма в регионе. В рамках данной идеи формируется негативное восприятие западного мира, который искусственно «пересадил» сионизм в сердцевину арабского региона, продолжая, тем самым, свою колониальную политику.

На фоне подписания соглашений Осло в 1993 г. руководство ХАМАС, не признав мирные соглашения с Израилем, издало «Стратегию движения». Согласно ей, организация обязалась мобилизовать все усилия для противодействия оккупации, оказывать непрерывное сопротивление и вести борьбу исключительно на территории Палестины [25, р. 230]. В перспективе организация нацелена на создание независимого государства, основанного на исламских ценностях.

Как отмечает палестинский ученый Х. Хроуба, идеология ХАМАС основывается на постуатах египетских «Братьев-мусульман». В результате организация унаследовала идею о постоянной борьбе чистого исламского общества с внешними акторами, пытающимся колонизировать восточное общество. В данном контексте ХАМАС рассматривает Израиль не просто как оккупанта, а как сионистского колонизатора в Палестине [10, р. 18]. Как указывает британский исследователь Т. Дюннинг, ХАМАС использует ислам для укрепления своих позиций в палестинском обществе [7, р. 291], поскольку религия преподносится в качестве одной из основ национальной идеи и противопоставляется израильской оккупации. Таким образом движение завоевывает моральный авторитет среди своих последователей, которые разделяют традиционные ценности.

ХАМАС за последние два десятилетия стал идеологическим форпостом сопротивления. Он утверждает, что те, кто борется за ислам и его ценности, стоят на Божьем пути. Так, конфликт Израиля и ХАМАС рассматривается не только как территориальный спор, а как война религии и веры между евреями и мусульманами. Следовательно, он использует большой джихад как оборонительную политику. В краткосрочных целях организация действует партизанскими методами, поскольку боевые действия продолжаются, чтобы истощить врага. Ее члены стремятся лишить евреев спокойной и комфортной жизни, а также мстят за убийство своих братьев. В долгосрочной перспективе джихад должен привести к появлению страха у сионистского врага, к его унижению и полному краху. В данном контексте воссоздание мусульманского государства – это выполнение обещания перед Богом. При существующих обстоятельствах возможно только временное перемирие с врагом – худна, в то время как идея полноценного мира рассматривается исключительно в контексте утверждения исламского суверенитета, когда другие религии перестанут его оспаривать и займут подчиненное положение. Мирные переговоры воспринимаются как принципиальная уступка и дарование своих прав на территории, где родились мусульмане, узурпаторам. С точки зрения ХАМАС, переговоры с Израилем – это иллюзия и пустая трата времени.

Борьба за освобождение государства является войной за ислам. Палестинцы переходят на сторону ХАМАС, поскольку также стремятся оказывать постоянное сопротивление Израилю, сохраняя при этом традиционные мусульманские устои. При этом руководство движения отдает дань памяти истории сопротивления: первым знаменитым воинствующим палестинским идеологом стал шейх Иzz ад-Дин аль-Кассам (1882–1935), в честь которого названо военное крыло ХАМАС и его ракеты. По мнению израильского ученого И. Паппе, борьба проповедника и его трагическая смерть стали символами палестинского сопротивления [17, р. 717]. В идеологии организации одно из центральных мест занимает фигура шахида (мученика). В контексте джихада это можно рассматривать как оправдание самоубийства и терактов. По мнению израильского ученого М. Литвака, в любом конфликте с националистическим оттенком враг представлен демонически, а собственные действия, насколько бы они не были ужасны, оправдываются [15, р. 121]. На доктринальном уровне ислам разграничивает понятия шахидство и самоубийство, считая, что первое – это дело во имя Аллаха [19, р. 252]. ХАМАС утверждает, что реализует стратегическое воплощение мученичества. Как писал один из идеологов движения Абдель Азиз Рантиси, культура шахидства отличает палестинский народ от других и представляет собой самое сильное оружие, которое никто не может уничтожить или отобрать, поэтому успех палестинского сопротивления основан на том, что те, кто был готов умереть, одержали победу над теми, кто боялся смерти [31]. ХАМАС уверен, что шахидство способно сбалансировать военное неравенство между палестинцами и Израилем и даже создать перевес в силе за счет страха, т.к. теракты наносят тяжелый психологический удар. Постоянное сопротивление – это истощение врага, любая жертва в данном контексте – это не поражение, а одно из составляющих победы, потому что так палестинское движение выживает. ХАМАС демонстрирует, что ради победы готов на любые жертвы, какими бы страшными они не были. Такой подход свидетельствует о партизанской тактике борьбы против государства, поскольку слабая сторона пытается выжить путем сопротивления, ведь в противном случае она может быть уничтожена. В своей идеологии ХАМАС апеллирует к тому, что после пожертвования жизнью ради Бога человек попадет в рай. Женщине-шахидке будут прощены все грехи не только ее, но и ее рода. Акцент на самопожертвовании позволяет людям преодолеть инстинкт страха смерти. Как отмечает Э. Альшех, не менее важным идейным компонентом в шахидстве также является месть за своих братьев по вере [2, р. 32].

В Газе представители ХАМАС стараются демонстрировать, что ни одна жертва не забыта. Не раз были выпущены книги с описанием

святыни и благородства шахидов. На улицах постоянно развешиваются фотографии террористов, подрывников и тех, кто погиб при столкновениях с израильтянами; во внутренних жилых дворах города некоторым из них устанавливаются памятники. На официальном сайте ХАМАСа отдельный раздел посвящен шахидам данного движения, где представлены их фотографии и биографии [32]. Семьям погибших выплачиваются компенсации из хамасовского Фонда мучеников. Известно, что им предоставляются первоначальный единовременный платеж в размере 500–5000 долл. и ежемесячные пособия – около 100 долл. [14, р. 59].

Представители организации публично проявляют благочестие, включая посещение мечетей во время важных молитв, постов в период Рамадана⁴, проведение благотворительных работ и сбор закятов⁵. Еще до участия в парламентских выборах в ПНА в 2006 г. ХАМАС вкладывал немалые средства в базовую инфраструктуру Палестины: больницы, школы, детские сады, что импонировало многим местным жителям.

При этом ХАМАС имеет разные источники финансирования. Его бюджет достигает около 70 млн долл. в год, порядка 85% от этой суммы он получает от внешних доноров. Так, ежегодно Иран направляет не менее 22 млн долл., которые нередко перечисляются через ливанскую «Хизбаллу». Помимо этого, часть средств ХАМАС получает от Катара в виде помощи, а также от мусульманских фондов и отдельных лиц (как правило, богатых граждан Саудовской Аравии и стран Персидского Залива) в форме пожертвований. Также его члены имеют доход от инвестиционной компании Бейт аль-Маль, обладая контрольным пакетом акций, Исламского Банка Аль-Акса (20%), Сунукрут Глобал Групп и Аль-Аддоули (организация по обмену валюты) [26, р. 73–74].

Сторонники ХАМАС характеризуют его как движение, отстаивающее исламские ценности, такие, как защита родины и своей земли. Молодежь привлекает демонстрация неуклонной веры в победу и в Аллаха [5, р. 286]. В своем противостоянии с Израилем ХАМАС опирается на такие исламские понятия, как терпение (сабр) и стойкость (сабат). Это означает, что, несмотря на человеческие жертвы, гнет оккупации, тяжелые материальные и социальные условия, настоящий мусульманин может вытерпеть все, дабы достичь своей цели. При этом длительность времени, которое ушло бы на отстаивание своей цели, не имеет значения.

⁴ Рамадан – месяц обязательного поста для мусульман, один из столпов ислама.

⁵ Закят – один из столпов ислама, обязательный налог в мусульманском праве.

Как указывает С. Рой, ХАМАСу удалось проникнуть вглубь палестинского общества [20, р. 76], внедрив свои идеи в систему образования несмотря на то, что большинство школ создано БАПОР. На практике учебный процесс зависит от преподавателей, являющихся жителями Газы. Они вкладывают в сознание учеников идеи о непрестанной борьбе с сионизмом и создании независимой Палестины на территории Израиля [26]. Исламский университет Газы формально не связан с ХАМАС, однако идеологически он оказывает на него большое влияние, о чем свидетельствуют встречи ректора и ученого совета института с представителями данной организации, являющимися выпускниками этого научного заведения [35]. По мнению И. Дженсона, исламское образование и Исламский университет Газы задуманы как политическое, социальное и идеологическое укрепление гражданского общества снизу [12, р. 63–70]. Существуют три ключевые площадки для исламизации в рамках университета: студенческий совет, курсы исламского обучения и отдельные курсы на английском языке. Основными темами семинаров и круглых столов, которые проводятся на базе университета, являются иудаизация Иерусалима, проблемы палестинских беженцев, последствия военных столкновений с Израилем для гражданских лиц, роль ислама в обществе [29]. Спортивные клубы и летние лагеря также находятся под надзором организации. При этом подростки воспитываются не как агрессивные радикалы, а как партизаны, нацеленные на борьбу за выживание. В процессе образования их учат действовать согласно исламским доктринальным нормам и догмам. По данным полевых исследований, высокие моральные качества высоко ценятся в молодежной среде. В своем сознании они зеркально противопоставляют себя Западу [13, р. 143]. Таким образом, ХАМАС имеет мощный социальный и культурный капитал в палестинском обществе.

Что касается структуры ХАМАС, то она не имеет четкой институциональной организации. Руководящим органом является Совет Шуры (Маджлис аш-Шура), который несет ответственность за четыре направления деятельности организации: социальное обеспечение, военные закупки и проведение операций, обеспечение собственных СМИ, поддержание службы безопасности. Внутри ХАМАС разделен на три ключевых направления: предоставление социальных услуг, религиозная пропаганда и военное подразделение. ХАМАС официально заявляет об автономии боевого крыла «Иzz ад-Дин аль-Кассам», однако, по мнению израильского исследователя М. Левитта, это миф, поскольку боевое крыло напрямую подчинено руководству организации [3, р. 98].

В целом, ФАТХ и ХАМАС пытаются сохранить устои традиционного ислама и идеи палестинского национализма, поддерживая их снизу.

Однако ФАТХ показал свою способность к трансформации в более умеренное движение, поскольку принял активное участие в переговорах с Израилем и стал ключевым основателем ПНА. ХАМАС остается форпостом радикального исламизма в Палестине, стремящимся сохранять легитимность в глазах общественности путем демонстрации готовности к постоянной вооруженной борьбе с Израилем. Идеи обеих партий находят отклик у местных жителей. В последние годы ХАМАС находит все больше последователей на Западном берегу, поскольку он интересен им способностью действовать и достигать целей в краткосрочный период, в то время как представители ФАТХ не могут добиться создания полноценного независимого государства путем переговоров на дипломатической площадке.

Библиографический список / References

1. Демченко А.В. Проблема палестинского единства на современном этапе // Проблемы национального строительства на Ближнем Востоке (опыт Государства Израиль и Палестинской национальной администрации) / Под ред. А.В. Федорченко. М., 2009. С. 88–98. [Demchenko A.V. The problem of Palestinian unity at the present stage. *Problemy natsionalnogo stroitelstva na Blizhnem Vostoke (opyt Gosudarstva Izrail i Palestinskoy natsionalnoy administratsii)*. A.V. Fedorchenko (ed.). Moscow, 2009. Pp. 88–98. (In Russ.)]
2. Alshech E. Egoistic Martyrdom and Hamas Success in the 2005 Municipal Elections: A Study of Hamas Martyrs' Ethical Wills, Biographies, and Eulogies. *Die Welt des Islams. International Journal for the Study of Modern Islam*. 2008. No. 48. Pp. 23–49.
3. Amaney A. Jamal, Barriers to Democracy: The Other Side of Social Capital in Palestine and the Arab World. Princeton, NJ, 2007.
4. Amos J.W. Palestinian Resistance: Organization of a Nationalist Movement. Elsevier, 2013.
5. Arafat's Notable Words on War and Peace. *The Arab News*. 11.05.2004. URL: <http://www.arabnews.com/node/257639> (accessed: 01.04.2020).
6. Constitution of Palestine. *MENA Rights Group*. 04.05.2003. URL: http://menarights.org/sites/default/files/2016-11/PAL_Constitution2003_AR.pdf (accessed: 01.04.2020).
7. Dunning T. Islam and resistance: Hamas, ideology and Islamic values in Palestine. *Critical Studies on Terrorism*. Vol. 8. 2015. Pp. 284–305.
8. Höigilt J. Fatal from Below: The Clash of Generations in Palestine. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2016. Vol. 43. Pp. 456–471.
9. Höigilt J. Akram Atallah and Hani el-Dada, Palestinian youth activism: New actors, new possibilities? *NOREF*. 06.2013. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/165694/b0c26f885911e090b61db9089ed8040a.pdf> (accessed: 01.04.2020)
10. Hroub Kh. Hamas. Kuala Lumpur. The Other Press, 2009.
11. Israel and U.S. put financial squeeze on Palestinian Authority ahead of Trump peace plan. *NBC NEWS*. 01.05.2019. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/israel-u-s-put-financial-squeeze-palestinian-authority-ahead-trump-n1000571> (accessed: 01.04.2020)

12. Jensen I. Re-Islamising Palestinian Society “From Below”: Hamas and Higher Education in Gaza. *Holy Lands Studies*. 2006. Vol. 5 (1). Pp. 57–74.
13. Jensen M.I. The Political Ideology of Hamas: A Grassroots Perspective. I.B. Tauris, 2008.
14. Levitt M. Hamas: Politics, Charity, and Terrorism in the Service of Jihad. Yale University Press, 2008.
15. Litvak M. “Martyrdom is Life”: Jihad and Martyrdom in the Ideology of Hamas. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2010. Vol. 33. No. 8. Pp. 716–734.
16. Our Partners. *UNRWA*. 29.05.2019. URL: <https://www.unrwa.org/our-partners> (accessed: 01.04.2020)
17. Pappe I. *A History of Modern Palestine: One Land, Two Peoples*. Cambridge University Press, 2006.
18. Robinson G. *Building a Palestinian State: The Incomplete Revolution*. Indiana University Press, 1997.
19. Rosenthal F. On Suicide in Islam. *Journal of the American Oriental Society*. 1946. Vol. 3 (66). Pp. 239–259.
20. Roy S. *Hamas and Civil Society in Gaza: Engaging the Islamic Social Sector*. Princeton, NJ, 2011.
21. San-Akca B. *States in Disguise: Causes of State Support for Rebel Groups*. Oxford University Press, 2016.
22. Savasta L. Terrorist or Heroes? On the definition of the concept of «terrorism» in public and international law. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2017. No. 3. Pp. 114–127.
23. Schanzer J. *Hamas vs. Fatah: The Struggle for Palestine*. St. Martin’s Press, 2008.
24. Shamir H.S. Al-Fatah. *A Study of Ideological Evolution. Proceedings of the Indian History*. Vol. 61. Part Two: Millennium (2000–2001). Pp. 1136–1141.
25. Singh S. Origin and Growth of HAMAS (Islamic Resistance Movement) in Palestine. *Samaj Vigyan Shodh Patrika*. 2013. Vol. 2 (Part II). No. XX. Pp. 223–236.
26. The UNRWA Road to Terror: Palestinian Classroom Incitement. 25.03.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SnLIZNGb9gI> (accessed: 01.04.2020).
27. Vittori J. *Terrorist Financing and Resourcing*. Springer, 2011.
28. Daud Abdel Ruuf. Al-Hukuma al-filistiniia bi-r’iasat Muhammad Shteyeh t’uddi al-yamin amama ‘Abbas [The Palestinian government headed by Mohammed Ashtayeh is sworn in by Abbas]. *Al-‘Ein Al-Ikhbarii* (أخبار) (إسلامية). 13.04.2019. URL: <https://al-ain.com/article/1555171587> (accessed: 29.05.2019). (In Arabic)
29. Akhbar [News]. The Islamic University of Gaza. 05.05.2019. URL: <http://www.iugaz.edu.ps> (عن الجامعة/الأخبار) (accessed: 29.05.2019). (In Arabic)
30. Noiman M. Mashru’ qanun li-taqlis tamwil as-sulta al-filistiniya bi-sabab ad-difaat li-usra yamurr bi-qira’ ula [The bill to reduce funding for the Palestinian Authority due to payments to prisoners passes the first reading, *The Times of Israel*. 06.04.2018. URL: <http://ar.timesofisrael.com/>] مشروع قانون تمويل السلطة الفلسطينية (لتغطية تمويل السجناء) (accessed: 29.05.2019). (In Arabic)
31. Rantisi A.A. Thaqafat ash-Shuhada’ / Ash-Shuhada’ wa-Makanat ash-Shuhada’ fi Filistin [Culture of Martyrs / Martyrs and Martyrs in Palestine]. *Palestine Today Newspaper Archive*. Palestine, 2001. (accessed: 21.01.2001). (In Arabic)

32. Rasha Abu Djilal. Munathamat at-ta'awun al-islamii tunshi' sunduqan li-tamwili Unrwa [The Organization of Islamic Cooperation establishes a fund to fund UNRWA]. AL-MONITOR. 17.05.2019. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/ar/contents/articles/originals/2019/03/palestinian-refugees-unrwa-budget-oic-waqf-fund.html> (accessed: 01.04.2020) (In Arabic)
 33. Shuhada'una [Shahids]. HAMAS. URL: hamas.ps/ar/martyrs/ (accessed: 29.05.2019). (In Arabic)
 34. Alhamdu Allah: 5.8 milyar dolar qimat muwazanat 2018 [Thank God: The budget for 2018 is \$ 5.8 billion]. Aljazeera. 19.02.2018. URL: [https://www.aljazeera.net/news/ebusiness/2018/2/19/2018-%D9%85%D9%8A%D9%84%D8%A7%D8%A1-%D9%85%D9%84%D9%85%D9%87%D8%A7%D8%A1-%D9%85%D9%88%D9%84%D9%86%D9%87%D8%A9-%D9%82%D9%8A%D9%85%D9%87%D8%A9-%D9%85%D9%88%D9%84%D9%86%D9%87%D8%A9-%D9%85%D9%88%D9%84%D9%86%D9%87%D8%A9](https://www.aljazeera.net/news/ebusiness/2018/2/19/2018-%D9%85%D9%8A%D9%84%D8%A7%D8%A1-%D9%85%D9%84%D9%85%D9%87%D8%A7%D8%A1-%D9%85%D9%88%D9%84%D9%86%D8%A7%D8%A1-%D9%82%D9%8A%D9%85%D9%87%D8%A9-%D9%85%D9%88%D9%84%D9%86%D9%87%D8%A9-%D9%85%D9%88%D9%84%D9%86%D9%87%D8%A9) (accessed: 29.05.2019). (In Arabic)
 35. In'iqad al-youm al-'alamii li-t-tamrid wa-l-qibala "at-tamrid 'unwan as-sumud" fi-l-djam'i'a [The International Day of Nursing and Midwifery "Nursing address of steadfastness" in the university]. The Islamic University of Gaza. 26.05.2016. URL: www.iugaza.edu.ps/id/21355 (accessed: 29.05.2019). (In Arabic)
 36. Asma' al-fa'izin fi intiikhabat al-majlis ath-thaurii li-fath 2016 [The names of the winners in the elections at the Fatah Revolutionary Council 2016]. Aljazeera. 04.12.2016. URL: <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/events/2016/12/5/%D8%A3%D9%85%D9%82%D8%A7%D8%A1-%D9%82%D8%A7%D8%A1%D9%8A%D9%85-%D9%81%D9%8A-%D9%85%D9%86%D8%AA%D8%A7%D8%A1%D9%82%D8%A7%D8%A1-%D8%A7%D9%84%D9%88%D9%84%D9%8A%D9%87-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%82%D9%84%D9%8A%D9%85> (accessed: 29.05.2019). (In Arabic)

Статья поступила в редакцию 21.08.2019, принята к публикации 15.05.2020
The article was received on 21.08.2019, accepted for publication 15.05.2020

Сведения об авторе / About the author

Махмутова Мария Игоревна – соискатель, Институт востоковедения РАН,
г. Москва

Maria I. Makhmutova – PhD degree seeker, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: makhmutova.maria@yandex.ru

Р.И. Файншmidt, Д.О. Федоренко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
119571 г. Москва, Российская Федерация

Трансформация роли Гонконга в контексте экономических процессов Азиатско-Тихоокеанского региона

В представленной статье проводится анализ трансформации экономической роли Гонконга в условиях изменений и процессов, происходящих в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона. При этом статья обращает особое внимание на развитие отношений города с континентальным Китаем (КНР) через призму выгодности этих связей для экономической системы каждой из сторон. Кроме того, отдельно рассматриваются торгово-логистическое значение Гонконга в регионе, а также его место в финансовой системе Азиатско-Тихоокеанского региона и мира с изучением тех факторов, которые предопределили успех специального административного района Гонконг в каждой из этих сфер. В статье активно используется наиболее актуальные статистические данные и материалы официальных источников Гонконга и признанных международных организаций, специализирующихся на оценке различных параметров экономической активности.

Ключевые слова: Гонконг, китайско-гонконгские отношения, Азиатско-Тихоокеанский регион, экономика Азиатско-Тихоокеанского региона, глобальная экономика, развитие Китая, роль Гонконга

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Файншmidt Р.И., Федоренко Д.О. Трансформация роли Гонконга в контексте экономических процессов Азиатско-Тихоокеанского региона // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 133–150.
DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-133-150

R.I. Fainshmidt, D.O. Fedorenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, 119571, Russian Federation

The transformation of the Hong Kong's role in the context of economic processes in the Asia-Pacific region

The article provides an analysis of the Hong Kong's economic role transformation in the context of changes and processes taking place within the Asia-Pacific region. At the same time, the paper draws special attention to the development of relations between the city and mainland China (PRC) through the prism of the mutually beneficial nature of these ties for the economic system of each of the parties. In addition, the trade and logistical importance of Hong Kong for the region, as well as its place in the financial system of the APR and the world, are researched together with scrutinizing the factors which predetermined the success of the SAR in each of these areas. The article actively uses the most relevant statistics and materials from Hong Kong official sources and recognized international organizations specializing in assessing various parameters of economic activity.

Key words: Hong Kong, China-Hong Kong relations, Asia-Pacific Economy, global economy, China's development, significance of Hong Kong

FOR CITATION: Fainshmidt R.I., Fedorenko D.O. The transformation of the Hong Kong's role in the context of economic processes in the Asia-Pacific region. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 133–150. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-133-150

в контексте развития внешних связей. В то же время сам Гонконг и его роль в экономической системе АТР за последние десятилетия претерпели ряд трансформаций, что, соответственно, и будет проанализировано в работе. Особое внимание при этом будет уделено концепту «экономического симбиоза», которым могут быть описаны взаимоотношения между Гонконгом и КНР, а также современному положению САР в современной региональной и глобальной экономике.

Исторический контекст развития Гонконга до образования КНР

Определенные особенности исторического развития в значительной степени повлияли на становление Гонконга как крупнейшего финансово-торгового узла в АТР. Его история как отдельной исторической единицы начинается после Первой опиумной войны, в 1842 г., когда Великобританией был захвачен о. Гонконг. В 1860 и 1898 гг., соответственно, под власть Великобритании в результате Второй опиумной войны на 99 лет были переданы п-ов Коулун и Новые Территории – земли до современной границы с материком. Приход британской власти значительно способствовал росту населения Гонконга: в 1841 г. оно составляло примерно 7,5 тыс. чел., а уже в 1865 г. – 125,5 тыс. [1, с. 101]. Триггером к развитию Гонконга стал приток миссионеров, построивших в городе первые образовательные учреждения по европейскому типу, что повысило уровень образованности местного населения, а также впоследствии сыграло свою роль в усилении Гонконга. При этом, несмотря на преобладающее ханьское население, вся политическая власть была сосредоточена в руках британцев, что повлияло на формирование и закрепление англосаксонской системы права. Китайцам было запрещено голосовать, селиться рядом с европейскими районами, однако все экономические свободы у них были такими же, как у европейцев. Иначе говоря, англичане стремились сохранить свою политическую власть над колонией, но в то же время способствовали его экономическому развитию. Например, в 1842 г. Гонконгу был присвоен статус порто-франко, что способствовало притоку товаров и расширению как самого города, так и его связей с другими экономиками региона.

Постоянный приток населения и рабочей силы был обеспечен событиями, происходившими на материковом Китае: Синьхайской революцией, столкновениями между Коммунистической партией Китая и Национальной партией Китая в течение 1920–1930-х гг., а также уже после окончания Второй мировой войны. Тем не менее, развитие Гонконга было приостановлено во время японской оккупации из-за

массового бегства населения, проблем с обеспечением продуктами и закрытием частных предприятий, что удалось преодолеть только в начале 1950-х гг. Дальнейшее историческое развитие Гонконга может быть объективно рассмотрено уже в контексте развития КНР.

Совместное развитие экономики Гонконга и КНР

Полноценное развитие Гонконга как отдельного экономического актора начинается после формирования КНР и возникновения новых точек экономического взаимодействия между материком и полуостровом. Одним из главных факторов, способствовавших экономическому росту Гонконга, является уже отмеченный выше приток беженцев с территории Китая в течение гражданской войны и в период после нее. Отличительной особенностью этого миграционного потока являлось присутствие в его рядах представителей зародившейся китайской интеллигенции (несколько сотен тысяч человек): учителей, государственных служащих, представителей инженерных и гуманитарных направлений, предпринимателей малых и средних форм бизнеса (прежде всего, из Шанхая) [40, р. 136]. Впоследствии именно выходцы из последней группы стали основой для формирования финансовой базы Гонконга.

Укрепление экономических связей между Гонконгом и КНР было закономерным ввиду совокупности причин. Первая причина – это запрет со стороны стран Запада на торговлю с КНР, которые отказывались его официально признавать в свете проблемы существования двух китайских республик: социалистической КНР и капиталистической Китайской Республики (так, Франция только в 1964 г. признала КНР и установила с ней дипломатические связи, США сделали это уже в 1979 г.), а также и дистанцирование самого Китая от взаимодействия с капиталистическими режимами в условиях «холодной войны». Сухопутная граница с Гонконгом и его открытая экономическая система позволила при этом Китаю вести торговлю и сформировать основу для активизации отношений, построенных на взаимной выгоде каждой из сторон, которые в итоге приняли форму «экономического симбиоза».

В качестве второй причины можно обозначить активность китайской диаспоры, обеспечившей развитие полулегальных связей между КНР и Гонконгом до конца 1970-х гг. и обладавшей значительными финансовыми активами, которые в итоге и были вложены в соседние с Гонконгом провинции после запуска политики «открытых дверей» в 1979 г. Именно Гонконг стал главным источником иностранного капитала в растущую китайскую экономику в период с 1979 по 1993 г.: на Гонконг приходилось около 107 тыс. из 167,5 тыс. предприятий с участием иностранного капитала в КНР (63,7%), а также 47,5 млрд дол. США

в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ), вложенных в экономику материкового Китая (69,1% от всего объема ПИИ) [25, р. 65]. Следует добавить, что со стороны Гонконга были активно вовлечены компании малого и среднего бизнеса, использовавшие совместные предприятия в качестве субподрядчиков [28, р. 49].

Третьей причиной укрепления экономических связей можно назвать привлечение рабочих с материка (прежде всего, из провинции Гуандун) в промышленность Гонконга. Это стало возможным благодаря тому, что обрабатывающий сектор Гонконга, представленный текстильной промышленностью (с конца 1950-х гг. – еще и электротехнической), после войны был достаточно развит и отличался значительно более высоким уровнем зарплат в сравнении с провинциями КНР. Так, согласно переписи 1961 г., из всего населения Гонконга в 3,13 млн чел. 52,5% были мигрантами, причем почти половина всех жителей в возрасте от 20 до 24 лет прибыла на территорию британского эксклава из КНР после 1949 г. [29, р. 43].

Четвертая причина – возможность беспошлинной торговли через порт Гонконга в формате реэкспорта. Так экономическая система Гонконга позволяла Китаю заниматься экспортом своих товаров даже в условиях отсутствия официальных связей со стороны стран Запада. Другими словами, некоторые товары, официально произведенные в Гонконге и поставляемые через его порт в третьи страны, фактически были произведены на территории КНР. Еще до начала культурной революции, в 1966 г., объем реэкспорта китайской продукции составлял около 19% от всего экспорта КНР в Гонконг (всего 4% от всего объема экспорта КНР), однако после налаживания контактов и дипломатических связей между США и КНР, а также после запуска политики «открытых дверей» показатель реэкспорта начал стремительно расти, достигнув в 1988 г. 74% (30% от всего китайского экспорта в мире) [41, р. 21–22].

Перечисленные выше особенности экономических связей Китая и Гонконга способствовали формированию стабильно развивающегося экономического симбиоза, который в итоге дал толчок к расширению торговли в АТР, хотя на первоначальных этапах развития его вклад был минимален.

Тем не менее, перспектива перехода Гонконга под суверенитет КНР, обсуждавшаяся в начале 1980-х гг., напугала иностранных инвесторов, а также местных предпринимателей, что даже вызвало краткосрочный отток капитала: например, с июня 1982 по июнь 1983 г. из Гонконга только в Австралию было выведено 800 млн дол. США (против 68 млн дол. за аналогичный период 1979–1980 гг.), а в 1983 г. в Гонконге имело место снижение номинального ВВП почти на 8% [4; 12].

Тем не менее, подписание в декабре 1984 г. Совместной китайско-британской декларации по вопросу передачи Гонконга, зафиксировавшей концепцию «одна страна – две системы», а также активное вовлечение гонконгского бизнеса в процесс реформ в КНР, способствовало возвращению и росту финансовых активов внутри Гонконга.

Для отношений Гонконга и КНР особенно значимым стало проведение Дэн Сяопином «политики реформ и открытости», стимулировавшей внешнюю торговлю и привлечение иностранных инвестиций, в т.ч. посредством создания специальных экономических зон (СЭЗ), например, в г. Шэньчжэнь. Так, производство с территории Гонконга переносилось в соседнюю провинцию Гуандун в силу более дешевой рабочей силы: к 1991 г. в Гуандуне присутствовало 25 тыс. компаний из Гонконга, в которых было занято более 3 млн китайских рабочих, а к 1989 г. 56% от всего экспорта Гонконга в Китай и 58% всего объема импорта КНР были тем или иным образом связаны с трансграничными процессами в промышленном секторе [35, р. 14].

Данный этап имеет особое значение, поскольку в его контексте Гонконг начал постепенно приобретать статус крупного финансового центра, уже являясь влиятельным промышленным и торговым узлом в АТР. Поскольку большинство гонконгских предприятий изначально было ориентировано на экспорт, то при их экспансии в КНР Гонконг смог улучшить свое положение: теперь он занимался дальнейшим экспортом собственной продукции, созданной на территории КНР, что обеспечивало выгоду за счет сокращения производственных издержек и роста объемов, следовательно, увеличивало денежные поступления и способствовало активизации третичного сектора: рынков страхования и юридических услуг, банковского дела. Дополнительно следует выделить развитие морского порта, и, как следствие, увеличение товарооборота, морских перевозок, и расширение внешнеэкономических связей. Как результат, Гонконг стал «дверью» и для иностранных товаров, и инвестиций в Китай. Для примера, с 1992 по 2004 г. (кроме 1998 г.) порт Гонконга имел крупнейший грузооборот в мире, который увеличился с 75,3 млн т в 1990 г. до 174,6 млн т в 2000 г. и до 259,4 млн т в 2008 г. [23, р. 453; 32].

После принятия Гонконга в состав КНР его экономика начала новый и быстрый рост особенно в середине 2000-х гг. [13]. В первую очередь, благодаря новому притоку мигрантов из Китая и появлению уже сформировавшегося капитала из КНР, что способствовало укреплению Гонконга в дальнейшем как торгового и финансового центра АТР. Однако параллельно с этим стремительно развивалась экономика КНР, что сопровождалось ее инкорпорированием в международные торговые

и производственные цепи и привело к активизации портов восточной части страны (например, Шанхай, Шэньчжэнь и др., табл. 1), ставших крупными логистическими центрами и АТР, и всего мира. При этом их выход на глобальную арену отодвинул на задний план торговьо-распределительную роль Гонконга: так, в 2018 г. Гонконг значительно отставал от региональных лидеров и был уже седьмым в мировом рейтинге портов, хотя еще в 2000 г. в 3,22 раза превосходил по объему грузооборота порт Шанхая, в 10,6 раза – Циндао, в 12,66 раз – Гуанчжоу и в 20 раз – Нинбо-Чжоушань [27; 38].

Таблица 1
Крупнейшие порты Восточной и Юго-Восточной Азии,
2018 [27]

Порт, страна	Грузооборот, ДФЭ	Прирост, % (к 2017 г.)	Место в мире / место в АТР
Шанхай, КНР	42 010 200	4,4	1/1
Сингапур, Сингапур	36 599 300	8,7	2/2
Нинбо-Чжоушань, КНР	26 351 000	7,1	3/3
Шэньчжэнь, КНР	25 740 000	2,1	4/4
Гуанчжоу, КНР	21 922 100	7,6	5/5
Пусан, Республика Корея	21 663 000	5,7	6/6
Гонконг, САР КНР	19 596 000	-5,7	7/7
Циндао, КНР	19 315 400	5,8	8/8
Тяньцзинь, КНР	15 972000	6,2	9/9

Согласно статистике САР за 2018 г., опирающейся на оценку стоимости экспортной и импортной продукции, наибольшая доля импорта приходится на авиатранспорт – около 270 млрд дол. США, 44,7% от всего импорта; а наибольшая доля экспорта относится к сухопутным грузоперевозкам – около 229,22 млрд дол. США (43% от всего стоимостного объема экспорта) [3]. При этом на морские грузоперевозки приходится 15,3% экспорта и 14,9% импорта, хотя в 2008 г. эти цифры были выше: 29,3 и 24,1% соответственно [3].

Можно сделать вывод, что Гонконг, находясь в составе КНР, потерял роль крупнейшего логистического центра АТР, которой он обладал в 1990-х – начале 2000-х гг. Тот факт, что в портовом городе основная доля грузоперевозок относится к сухопутному и воздушному видам

транспорта, может проиллюстрировать нишевое значение САР в контексте транспортных функций. Ввиду усиления экономических связей с КНР после 1997 г., а также при активизации других портов с более удачным экономико-географическим положением (ЭГП), порт Гонконга получил специализацию в области перевозок телекоммуникационного оборудования, электроники, офисной техники, специальных систем для обработки данных, а также технических компонентов для всей обозначенной продукции [3]. Другими словами, Гонконг сохранил определенные портовые и логистические функции, однако их значение как для экономики САР, так и для всего региона сократилось.

Тем не менее, в связи с утратой роли логистического центра, иностранные инвестиции начали направляться в сферу услуг, по большей мере – в финансовый сектор и в бизнес-сферу. Например, в период с 2001 по 2018 гг. ПИИ в такую категорию, как «инвестиционные портфели, недвижимость и различные бизнес-услуги» выросли с 231,47 млрд дол. США до около 1,37 трлн дол. США (рост в 5,92 раза); инвестиции в «оптовую, розничную торговлю, импортную и экспортную торговлю» – с 52,12 млрд дол. США до 176,5 млрд дол. США (рост в 3,39 раза) за аналогичный период; в «банки и депозитные компании» – с более 46,83 млрд дол. США до 282,82 млрд дол. США (рост в 6,04 раза)[20; 37].

Несмотря на изменившуюся структуру экономики, Гонконг остается значимым компонентом внешнеторговой стратегии Китая, оставаясь 2-м торговым партнером КНР по экспорту (после США): на Гонконг в 2018 г. приходилось 12,2% от экспорта КНР, а также 4-м партнером по всему товарообороту с долей в 6,7% [15]. Кроме того, еще в 2017 г. из 496,91 млрд дол. США всего объема товарного экспорта на реэкспорт приходилось около 491,34 млрд дол. США, т.е. 98,88% [21]. При этом, согласно данным 2018 г., объем продукции, реэкспортированной через Гонконг в КНР или, напротив, из КНР, составил 89,1% (467,6 млрд дол. США) всего реэкспорта Гонконга [15]. В 2018 г. около 26,6% (77,8 млрд дол. США) всего гонконгского товарного экспорта в Китай (прежде всего, городов Гуанчжоу и Шэньчжэнь провинции Гуандун) направлялось для дальнейшей обработки, в то время как 38,9% (108,3 млрд дол. США) также шло на следующую фазу обработки, но по направлению из Китая в Гонконг [15]. В дополнение необходимо выделить, что ввиду особого положения Гонконга в мировой экономике, на продукцию САР не распространяются антикитайские пошлины США, а также ограничения на экспорт технологий [34].

Гонконг как один из экономических центров глобальной экономики

Как было обозначено выше, логистическая роль Гонконга как для КНР, так и для Азии, отошла на второй план, тем не менее, его статус одного из главных финансовых центров и АТР, и всего мира остается постоянным. Причин этому множество, но далее будут выделены несколько наиболее важных из них.

Развитие и приток иностранного капитала напрямую зависят от развитости и свободы экономической системы. При ее анализе в особой степени необходимо рассматривать особенности и порядок налогообложения, т.к. они играют первоочередную роль в привлечении международного бизнеса. САР Гонконг имеет собственную налоговую систему, которая отчуждена от континентального Китая и в которой полностью отсутствуют налог на прибыль из внешних источников, налог с продаж, налог на товары и услуги, налог на дивиденды, НДС, налог на недвижимость и имущественный сбор, налог на прирост капитала, налог на наследство и др. [8]. При этом, согласно данным PwC, Гонконг занимает 2-е место в мире в рейтинге стран с наиболее удобными налоговыми системами. Так, в Гонконге в обязательном порядке оплачиваются всего 3 налога: налог на недвижимость (ставка 15%), налог на заработную плату (2–17% в зависимости от уровня дохода индивида и ряда других обстоятельств) корпоративный налог / налог на прибыль (7,5–16,5%). В дополнение к этим налогам есть еще т.н. гербовый сбор, удержание налога при выплате роялти, акцизы на табак и крепкий алкоголь. Такая простота налоговой системы также сопровождается легкостью оплаты налогов: в среднем условная компания затрачивает всего 34,5 часа на уплату налогов (меньше – только в Бахрейне), – и относительно небольшой налоговой нагрузкой на деятельность компании (всего 21,9%, в то время, как в России эта доля составляет 46,2%, а в КНР – 59,2%) [31].

Присутствие упрощенного механизма налогообложения гармонично дополняется банковской системой, получившей развитие еще в XIX в. и имевшей особое значение для развития азиатской экономики, прежде всего, во второй половине XX в. Так, в 2017 г. Гонконг выделялся как второй по значимости банковский центр Азии (после Японии) с 2,9 трлн дол. США банковских активов, в котором концентрировались 73 из 100 крупнейших банков планеты [19, р. 19]. Кроме того, эксперты KPMG выделяли банковскую систему Гонконга как лучшую в Азии по качеству регулирования банковской отрасли [17].

После мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Гонконг стал активно наращивать золотовалютные резервы с целью обеспечить надежность своей банковской системы: со 160 млрд дол. США в начале 2008 г. до почти 260 млрд дол. США в 2010 г. (на конец марта 2020 г. – 437,5 млрд дол. США, 8-е место в мире), что укрепило его положение как банковского центра [18]. Кроме того, в мае 2010 г. между КНР и Гонконгом было подписано Приложение VII Договора об установлении более тесного экономического партнерства (известный как СЕРА), вступившее в силу 1 января 2011 г. и упростившее доступ гонконгским банкам к рынку финансовых услуг КНР. Подписание Приложения означало для Гонконга возможность сократить свою зависимость от турбулентных рынков Запада и укрепить свои связи с Китаем, слабо затронутым кризисом и искавшем возможности для укрепления своего внутреннего рынка и внутреннего спроса.

Благодаря своему мягкому налоговому режиму и развитой банковской системе, Гонконг привлекает значительное количество как китайских, так и западных компаний, что способствует увеличению объема капитала в экономике. При этом Гонконг является второй в мире офшорной зоной (после Швейцарии) с общей суммой вкладов на 1,3 трлн дол. США, согласно данным BCG [14]. Тем не менее, Гонконг официально не признает себя в качестве офшора, однако свои подозрения высказывают некоторые страны и организации [5].

Особое значение благоприятных условий (фактически, офшорных) Гонконг имеет, прежде всего, для китайских предпринимателей и китайской diáspora, что обуславливается отсутствием ряда традиционных для Китая видов налогов (например, НДС), наличием семейных связей между представителями бизнеса Гонконга и китайцами из-за рубежа или КНР, а также хождением гонконгского доллара (HKD), являющегося свободно конвертируемой валютой, курс которого привязан к доллару США в пропорции 7,75–7,85 HKD : 1 USD, что служит гарантией защиты активов от резких валютных колебаний [6].

Ввиду открытости САР транснациональному капиталу и его особых благоприятных условий, в Гонконге сосредоточены представительства иностранных компаний, которых насчитывалось 11 060 в 2018 г., а 1530 из них являлись региональными штаб-квартирами транснациональных корпораций: 290 относились к США, 244 – к Японии, 197 – к КНР, а 444 – к странам ЕС (из них 137 – к Великобритании) [16]. Тем не менее, 4969 компаний были официально зарегистрированы на Британских Виргинских островах, традиционно рассматриваемых как юрисдикция для ухода от уплаты налогов или для отмывания денег [16]. Таким образом, прослеживается связь Гонконга как с различными офшорными

юрисдикциями, так и с рядом иностранных компаний и транснациональных корпораций, из чего можно сделать вывод о роли Гонконга как значимого звена в контексте движения глобальных финансовых потоков.

Основополагающим фактором для привлечения инвесторов, наряду с особым экономическим режимом, является и правовая система. Исторически сложившаяся англосаксонская модель, предусматривающая активное использование прецедента, после присоединения Гонконга к КНР почти не изменилась. Китай в рамках политики «Одна страна – две системы», не стал резко изменять уже сложившуюся правовую базу в силу ее эффективной работы, особенно в контексте экономической системы Гонконга. Лояльные к бизнесу законы способствуют увеличению числа открытых фирм. Например, благодаря вступлению в 2014 г. «Нового Ордонанса о Компаниях», была упразднена норма, требовавшая при открытии новой компании наличие учредительного договора [2, с. 186]. Согласно «The Heritage Foundation», Гонконг находится на 1-м месте в рейтинге свободных экономик мира ввиду высокой степени защиты прав собственности, эффективности судебной системы и низкого уровня вовлеченности государства в экономику [26, р. 220–221]. Из этого можно сделать вывод, что правовая система Гонконга также играет значительную роль в формировании привлекательности САР для иностранных инвесторов.

Комбинация крайне простой налоговой системы с низкой налоговой нагрузкой, а также правовой системы, ориентированной на поддержку благоприятных условий для бизнеса, выразилась также и в том, что Гонконг стал территорией с одним из комфортных для развития бизнеса режимов, что может быть проиллюстрировано 3-м местом после Новой Зеландии и Сингапура в международном рейтинге «Doing Business 2020» [9, р. 4].

Стремление обеспечить комфортный режим и легкость ведения бизнеса нередко способствуют оформлению и развитию стартап-экосистемы. Так, в течение 2010-х гг. стартап-инфраструктура активно развивалась в САР: к 2019 г. было основано 3184 стартапа (в 2014 г. – 1065), где задействовано почти 12 500 работников (в 2014 г. – 2400), количества «единорогов», стартапов с капитализацией более 1 млрд дол. США, достигло 7 [36]. Стартапы вовлечены в различные секторы, начиная с финансовых технологий, E-commerce и цифровой логистики и заканчивая нано- и биотехнологиями, а также инновациями в пищевой промышленности и информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ). При этом стартапы стали поставщиками посреднических услуг и инновационных продуктов для компаний из других стран. Так, 14% всех стартапов основаны гражданами или юридическими лицами

из КНР, а 15,4% – из США [36]. Другими словами, одна из новых специализаций Гонконга в экономике АТР как раз и связана с его стартап-активностью и развитием инновационных технологий.

Следует выделить активную вовлеченность Гонконга в международную торговлю услугами, ставшую для него одной из отраслей специализации, причем как в региональном, так и в глобальном масштабах. Так, объем всех операций с услугами в 2017 г. составил более 181,5 млрд дол. США, т.е. более 53% от всего ВВП Гонконга в 2017 г., или 1,7% от всей мировой торговли услугами, учитывая, что экономика Гонконга составляет всего 0,42% от мирового ВВП [12; 21, р. 10; 24]. При этом экспорт услуг составил в том же году более 104,23 млрд дол. США – 30,5% от ВВП страны (один из крупнейших показателей в мире), или 2% от всего мирового экспорта услуг – 15-е место в мире среди крупнейших экспортёров услуг [11; 21, р. 10]. С 2007 по 2017 гг. рост объемов экспорта услуг составил почти 62%, а сальдо торгового баланса поднялось с минус 4,23 млрд дол. США до 26,59 млрд дол. США [22, р. 10].

Основными партнёрами в торговле услугами в 2017 г. были: КНР (39,2%), США (12,9%), Великобритания (7,2%), Япония (6,1%), Сингапур (4,2%) и др. [Там же, р. 14]. При этом международные поездки/туризм и транспортные услуги способствовали наибольшему вкладу в экономику: соответственно, 32% (33,3 млрд дол. США) и 29,2% (30,44 млрд дол. США) от всего экспорта услуг Гонконга, в то время как на финансовые услуги пришлось 19,5% (около 20,35 млрд дол. США), а на различные бизнес-услуги – 13,7% (14,29 млрд дол. США) [Там же, р. 7]. Углубляясь в структуру, можно выделить, что на КНР в основном приходятся услуги, связанные с туризмом и международными поездками – 25,85 млрд дол. США, 77,5% от всего экспорта услуг Гонконга в данной категории, или 65% от всего китайского импорта услуг из Гонконга в данной категории, а также с транспортом – 8,134 млрд дол. США; 26,75% и 20,5%, соответственно (уже в 2018 г. на САР приходилось 20% всего объема торговли услугами КНР, 1 место) [Там же, р. 18; 34]. В свою очередь, такая категория, как финансовые услуги, особенно выделяется в экспорте услуг в Великобританию (4,182 млрд дол. США; 20,5% и 50,8%) и в США (3,382 млрд дол. США; 16,6 и 23,8%) за 2017 г. [22, р. 19–20]. Кроме того, именно на глобальном рынке финансовых услуг Гонконг отличается наибольшей долей, если сравнивать его положение на мировых рынках других типов услуг – почти 4,4%, или 6-е место в мире после США, Люксембурга, Сингапура и др. [33].

Ввиду специфичной системы и особого международного статуса, Гонконг имеет определенное значение для КНР, отличающее его от близлежащих экономических центров (Шанхая или Гуанчжоу)

и заключающееся в удобном для китайских компаний рынке капитала: так, в течение 2018 г. компании из КНР смогли получить через первичное публичное размещение акций (IPO) 64,2 млрд дол. США, из которых 35 млрд дол. было обеспечено именно Гонконгской фондовой биржей (HKEX), на которой также котируются такие значимые китайские компании, как Tencent, Ping An Insurance, CCB и др. Более 73% компаний КНР, вовлеченных в IPO с 2010 по 2018 гг., сделали это через HKEX [7]. На февраль 2020 г. HKEX являлась 6-й фондовой биржей по объемам рыночной капитализации в мире (4,595 трлн дол. США), уступая при этом Шанхайской фондовой бирже (5,037 трлн дол. США) [10; 34].

В то же время, в течение 2018 г. компании из Китая привлекли 165,9 млрд дол. США посредством инструментов долгового финансирования, из них 55 млрд дол. (33%) было получено в Гонконге [34]. При этом на САР приходилось 60% эмиссии зарубежных облигаций компаний из КНР и 26% их синдицированных кредитов, а на рынке облигаций Гонконга на сентябрь 2019 г. торговались облигации китайских компаний на сумму в 177 млрд дол. США (57,47% от всех непогашенных внешних облигационных займов), в банковском секторе САР 725 млрд дол. США на сентябрь 2019 г. приходилось на кредиты компаниям из КНР (40% из них – компании госсектора) [7]. В свою очередь, банки и финансовые организации КНР имели на территории Гонконга в 2018 г. более 1,1 трлн дол. США банковских активов [34]. Кроме того, в Гонконге также торгуется национальная валюта КНР (т.н. офшорный юань).

Иначе говоря, можно определить, что успех Гонконга на данный момент во многом связан с его ролью в качестве связующего звена между достаточно закрытой китайской экономикой и глобальной экономической системой: так, через Гонконг проходит около 60–70% внешних инвестиций в Китай [30] и 60% инвестиций из Китая за рубеж [39]. В то же время, для китайских компаний САР представляет собой удобное место для взаимодействия с международным бизнесом, а также для достаточно легкого перевода своих капиталов из юаня в гонконгский доллар или в доллар США. Для примера, более 70% всех операций с юанем вне пределов КНР реализуется в Гонконге [19, р. 27]. Более того, учитывая такое специфичное положение и особые правовую и налоговую системы, Гонконг также стал влиятельным финансовым центром и одной из наиболее значимых площадок торговли услугами в мире.

Если говорить о значении Гонконга, необходимо также помнить о процессах, происходящих в рамках АТР. Прежде всего, в качестве такого процесса следует выделить проекты экономического регионализма, а именно: Транстихоокеанское партнерство (ТТП), продвигаемое

США при Б. Обаме, а также Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП), инициированное АСЕАН и поддерживаемое властями КНР. В таких условиях ряд стран региона был поставлен перед выбором, к кому нужно присоединиться, а Китай вынужден был действовать осторожно, но уверенно. Учитывая, что Гонконг ввиду совокупности факторов не мог присоединиться к ТТП (хотя этот вопрос изучался), подобное фрагментирование региона могло бы значительно задеть экономический потенциал САР. Уход США из торговой сделки и начало санкционной войны между двумя странами хотя и угрожали Гонконгу экономическими потерями, но при этом с малой вероятностью могли бы лишить его особой роли «шлюза» в китайскую экономику, а по некоторым направлениям – даже и укрепить это значение (например, экспорт технологий). Однако, если говорить о противостоянии США и КНР, необходимо обозначить, что даже сам Гонконг, ввиду своих внутренних противоречий, подогреваемых внешними игроками, может рассматриваться в качестве еще одной точки пересечения конфликтных интересов сверхдержав и может повлиять на формирование негативных настроений на азиатских рынках, что было продемонстрировано в течение политического кризиса и массовых протестов в 2019 г.

Заключение

Из проведенного анализа следует вывод: исторически Гонконг и сейчас играет значительную роль в экономике АТР и, в особенности, Китая, но с течением времени и изменении условий экономической ситуации в регионе городу пришлось перепрофилироваться из сферы торговли и производства в финансовую сферу.

Благодаря длительному нахождению в составе Великобритании, Гонконг получил значительный объем времени на создание совершенной капиталистической экономики по западному образцу, благодаря чему после 1997 г. ему удалось сохранить уже традиционные для него модель экономики и правовую систему. Именно эти государственные институты, построенные по европейскому типу, позволили Гонконгу перейти от статуса морского порта к статусу одного из крупнейших мировых финансовых центров, в котором сосредоточено наибольшее количество региональных штабов международных компаний. В связи с этим, можно заключить, что роль Гонконга в развитии торговли в АТР заключается не в транспортно-логистической функции, как это было в течение второй половины XX в., а в аккумулировании и распределении финансовых потоков региона для уже дальнейшего развития торговли.

Опираясь на статистические данные о ежегодном увеличении инвестиций в экономику Гонконга, а также на рост товарооборота морской торговли в АТР, можно сделать прогноз, что в течение нескольких десятилетий экономика Гонконга будет развиваться в контексте роста экономики Китая и оставаться привлекательной для инвестиций. Однако, учитывая нестабильное состояние экономических отношений Китая и США, имеет место вероятность сокращения объемов товарооборота и оттока части капитала, а также, в самом неблагоприятном случае, потери своего текущего особого положения в экономической системе АТР.

Библиографический список / References

1. Дмитриев С.В. Три южных города: очерки истории // Общество и государство в Китае. 2018. № 48. С. 94–104. [Dmitriev S.V. Three southern cities: Historical essays. *Society and State in China*. 2018. No. 48. Pp. 94–104. (In Russ.)]
2. Трошинский П.В. Современная правовая система Гонконга // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2 (54). С. 176–198. [Troshchinskiy P.V. Contemporary legal system of Hong Kong. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2016. No. 2 (54). Pp. 176–198 (In Russ.)]
3. Analysis of Hong Kong's external merchandise trade by mode of transport. *Hong Kong Monthly Digest of Statistics – March 2019*. Census and Statistics Department the Government of Hong Kong SAR, March 2019. URL: https://www.statistics.gov.hk/pub/B71903FA2019XXXXB0100.pdf?fbclid=IwAR0Sm9mgItNq-TffH9prWG4VDShuYcrDPR_XS1nY6CeCW0CUpqrqK-qlj4sM (date of access: 30.03.2020).
4. Baum J. China's designs are rattling the economy of Hong Kong. *The Christian Science Monitor*. August 24 1984. URL: <https://www.csmonitor.com/1984/0824/082420.html> (date of access: 30.03.2020).
5. Briefing: Listing of tax havens by the EU. EPIS – European Parliamentary Research Service. 2018. May. URL: <http://www.europarl.europa.eu/cmsdata/147404/7%20-%20201%20EPIS-Briefing-621872-Listing-tax-havens-by-the-EU-FINAL.PDF> (date of access: 30.03.2020).
6. Chiu J. Hong Kong's dollar peg: How it works and why it's in question. *The Wall Street Journal*. 2019. August 26. URL: <https://www.wsj.com/articles/hong-kongs-dollar-peg-how-it-works-and-why-its-in-question-11566811804> (date of access: 30.03.2020).
7. Collier A. Hong Kong's not so special status as China's financial center. *The Financial Times*. 2019. September 27. URL: <https://www.ft.com/content/2c4c56bd-1c40-3261-8ba8-f3ce8c83e8d2> (date of access: 30.03.2020).
8. Davis H. Hong Kong's tax system explained: Why levies are so low, how it competes with Singapore, and why it's 'both out of date and ahead of its time'. *South China Morning Post*. 2019. March 2. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/hong-kong-economy/article/2188256/hong-kongs-tax-system-explained-why-levies-are-so> (date of access: 30.03.2020).

9. Doing Business 2020. The World Bank Group. 2020. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (date of access: 30.03.2020).
10. Equity – Domestic market capitalisation (USD millions) – Market Statistics – February 2020. WFE – The World Federation of Exchanges. February 2020. URL: <https://focus.world-exchanges.org/issue/february-2020/market-statistics> (date of access: 30.03.2020).
11. Exports and imports of total services, value, shares, and growth, annual – Exports. UNCTADSTAT. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=87010> (date of access: 30.03.2020).
12. GDP (current US\$) – Hong Kong SAR, China. The World Bank Group. 2019. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=HK> (date of access: 30.03.2020)
13. GDP growth (annual %) – Hong Kong SAR, China. The World Bank Group. 2019. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=HK> (date of access: 30.03.2020).
14. Global wealth report 2019: Reigniting radical growth. T. Tang, A. Zakrzewski (eds.). Boston Consulting Group, June 2019. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Reigniting-Radical-Growth-June-2019_tcm9-222638.pdf (date of access: 30.03.2020).
15. Hong Kong and mainland of China: Some important facts. Trade and Industry Department. The Government of the Hong Kong Special Administrative Region. 2019. September 16. URL: <https://www.tid.gov.hk/english/aboutus/publications/factsheet/china.html> (date of access: 30.03.2020).
16. Hong Kong Annual Digest of Statistics (2019 Edition). Census and Statistics Department, the Government of Hong Kong SAR, October 2019. URL: <https://www.statistics.gov.hk/pub/B10100032019AN19B0100.pdf> (date of access: 30.03.2020).
17. Hong Kong banking outlook. KPMG Huazhen LLP. October 2020. URL: <https://home.kpmg/cn/en/home/industries/financial-services/banking.html> (date of access: 30.03.2020).
18. Hong Kong, China foreign exchange reserves. CEIC Data (SG) Pte Ltd. 2020. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/hong-kong/foreign-exchange-reserves> (date of access: 30.03.2020).
19. Hong Kong – leading International Financial Centre. Financial services and the treasury bureau. October 2018. URL: https://www.fsb.gov.hk/fsb/ppr/report/doc/booklet_hong_kong_leading_international_financial_centre_e.pdf (date of access: 30.03.2020).
20. Hong Kong Monthly Digest of Statistics, March 2004. Census and Statistics Department. The Government of Hong Kong SAR. 2004. March 22. URL: <https://www.statistics.gov.hk/pub/B10100022004MM03B0600.pdf> (date of access: 30.03.2020).
21. Hong Kong merchandise trade statistics domestic exports and re-exports. Census and Statistics Department Hong Kong Special Administrative Region. December 2017. URL: <https://www.statistics.gov.hk/pub/B10200032017MM12B0100.pdf> (date of access: 30.03.2020).
22. Hong Kong trade in services statistics in 2017. Census and Statistics Department, the Government of Hong Kong SAR. 28 February 2019. URL: <https://www.statistics.gov.hk/pub/B10200112017AN17B0100.pdf> (date of access: 30.03.2020).

23. Huggins R., Thompson P. *Handbook of regions and competitiveness: Contemporary theories and perspectives on economic development*. Northampton, 2017.
24. International trade in services 2018. Annual (UNCTAD/GDS/DSI/MISC/2019/9). United Nations Conference on Trade and Development. 28 May 2019. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gdsdsimisc2019d9_en.pdf (date of access: 30.03.2020).
25. Ip D., Lever-Tracy C., Tracy N. *The Chinese Diaspora and mainland China: An emerging economic synergy*. L., 1996.
26. Kim A.B., Miller T., Roberts J.M. 2019 Index of economic freedom, 25th anniversary edition. The heritage foundation. January 25, 2019. URL: https://www.heritage.org/index/pdf/2019/book/index_2019.pdf (date of access: 30.03.2020).
27. Lloyd's list, one hundred ports 2019. Maritime, insurance and law store – Informa Group plc. URL: <https://lloydslist.maritimeintelligence.informa.com/one-hundred-container-ports-2019/Digital%20edition> (date of access: 30.03.2020).
28. Luk Y.F. *Hong Kong's economic and financial future*. L., 1995.
29. Mizuoka F. British colonialism and “illegal” immigration from mainland China to Hong Kong. *Power Relations, Situated Practices, and the Politics of the Commons: Japanese Contributions to the History of Geographical Thought*. Akio Onjo (ed.). Vol. 11. Fukuoka, 2017. Pp. 33–66.
30. Orange Z., Wang O. Hong Kong protests fail to slow city's role as foreign investment gateway to China, government data shows. *South China Morning Post*. 17 September 2019. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3027712/hong-kong-protests-fail-slow-citys-role-foreign-investment> (date of access: 30.03.2020).
31. Overall ranking and data tables – Paying Taxes 2020. PwC. 2020. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/publications/paying-taxes-2020/overall-ranking-and-data-tables.html> (date of access: 30.03.2020).
32. Port cargo throughput by seaborne. River cargo. Marine Department. The Government of Hong Kong Special Administrative Region. 2019. URL: https://www.mardep.gov.hk/en/publication/pdf/portstat_2_y_c1.pdf (date of access: 30.03.2020).
33. Services (BPM6): Exports and imports by service-category and by trade-partner, annual – Financial Services (CATEGORY). UNCTADSTAT. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=135718> (date of access: 30.03.2020).
34. Sin N. Explainer: How important is Hong Kong to the rest of China? *Reuters*. 2019. September 5. URL: <https://www.reuters.com/article/us-hongkong-protests-markets-explainer/explainer-how-important-is-hong-kong-to-the-rest-of-china-idUSKCN1VP35H> (date of access: 30.03.2020).
35. Soulard F. *The Restructuring of Hong Kong Industries and the Urbanization of Zhuijiang, 1979–1989*. Hong Kong, 1997.
36. Start me Up – Hong Kong Asia's most dynamic startup ecosystem. Startmeup HK – Invest HK. 2020. URL: <https://www.startmeup.hk/about-us/hong-kongs-startup-ecosystem/> (date of access: 30.03.2020).
37. Table 049: Position and flow of inward direct investment (DI) of Hong Kong at market value by major economic activity of Hong Kong enterprise groups.

- Census and Statistics Department. The Government of Hong Kong SAR. 12 December 2019. URL: <https://www.censtatd.gov.hk/hkstat/sub/sp260.jsp?tableID=049&ID=0&productType=8> (date of access: 30.03.2020).
38. Table 5. Top 20 World Container Ports: 2000, 2007, and 2008. Bureau of Transportation Statistics – U.S. Department of Transportation. URL: https://www.bts.gov/archive/publications/americas_container_ports/2009/table_05 (date of access: 30.03.2020).
39. Uren D. China can't discount Hong Kong's economic importance. The Strategist – The Australian Strategic Policy Institute. 15 August 2019. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/china-can-t-discount-hong-kongs-economic-importance/> (date of access: 30.03.2020).
40. Wei-Bin Zhang Hong Kong: The pearl made of British mastery and Chinese docile-diligence. N.Y., 2006.
41. Yun Wing Sung. The China-Hong Kong connection: The key to China's open door policy (trade and development series). N.-Y., 1991.

Статья поступила в редакцию 15.01.2020, принятa к публикации 24.04.2020

The article was received on 15.01.2020, accepted for publication 24.04.2020

Сведения об авторах / About the authors

Файншмидт Роман Иосифович – преподаватель кафедры международной политики и зарубежного регионоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Roman I. Fainshmidt – lecturer at the Department of International Policy and Regional Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

E-mail: faynshmidt-ri@ranepa.ru

Федоренко Дмитрий Олегович – стажер кафедры международной политики и зарубежного регионоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Dmitry O. Fedorenko – intern at the Department of International Policy and Regional Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

E-mail: dfedorenko-17-01@edu.ranepa.ru

В.Р. Филиппов

Институт Африки Российской академии наук,
123001 г. Москва, Российская Федерация

Африканская политика Парижа в период пандемии

В статье на основе информации, опубликованной во французских средствах массовой информации, рассматривается возможная трансформация геополитической ситуации во франкофонных странах Тропической Африки в условиях пандемии коронавируса. Использован аналитический доклад, направленный экспертами парижского Центра анализа, прогнозирования и стратегии (CAPS), в адрес президента и МИД Франции. В статье содержится перечень основных эпидемиологических, социальных, гуманитарных и политических угроз, которые будут дестабилизировать ситуацию на Черном континенте, а также предпринята попытка прогнозирования динамики международных отношений в посткоронавирусный период. Цель предпринятого исследования – выяснить, каким образом изменится соотношение сил традиционных и относительно новых акторов международных отношений в странах Тропической Африки в рассматриваемый период. Особое внимание обращено на инициативы Елисейского дворца, призванные сохранить традиционное политическое, экономическое и военное доминирование Пятой республики в африканских странах, территории которых входили в состав Французской колониальной империи. Проанализированы предложения Эммануэля Макрона относительно списания внешних долгов и экономической помощи африканским странам. Сделан вывод о том, что инициативы президента Франции не могут быть реализованы в политической практике и направлены лишь на противодействие нарастанию антифранцузских настроений в странах Сахеля. Политологический анализ ситуации приводит к заключению о том, что в результате экономических и политических потрясений, вызванных пандемией коронавируса, весьма вероятно вытеснение интересов Франции из стран Тропической Африки Китаем и, отчасти, Россией.

© Филиппов В.Р., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: пандемия коронавируса, Тропическая Африка, африканская политика Франции, инициативы Макрона, противостояние Франции и Китая, экономические последствия пандемии, голод в Африке, политический кризис в странах Сахеля

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Филиппов В.Р. Африканская политика Парижа в период пандемии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 151–168. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-151-168

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-151-168

V.R. Filippov

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 123001, Russian Federation

African politics in Paris during the pandemic

The article discusses the possible transformation of the geopolitical situation in the Francophone countries of Tropical Africa in the context of the coronavirus pandemic, based on the information published in the French media. And also, the analytical report, sent by experts of the Paris Center for Analysis, Forecasting and Strategy (CAPS), to the President and the French Foreign Ministry was used. The article contains a list of the main epidemiological, social, humanitarian, and political threats that will destabilize the situation on the Black Continent, as well as made a prediction attempt of the dynamics of international relations in the post-coronavirus period. The aim of this study is to find out how the balance of forces of traditional and relatively new actors in international relations has been changed in the countries of Tropical Africa in the period of present observation. Particular attention is paid to the initiatives of the Champs Elysees, designed to preserve the traditional political, economic, and military dominance of the Fifth Republic in African countries, the territories of which were part of the French colonial empire. Emanuel Macron's proposals regarding forgiveness of external debts and economic assistance to African countries are analyzed. It is concluded that the initiatives of the President of France cannot be implemented in political practice and are

aimed only at countering the growth of anti-French mood in the Sahel. A political analysis of the situation comes to the conclusion that, as a result of the economic and political upheaval caused by the coronavirus pandemic, it is very likely that the interests of France will be supplanted from Tropical Africa by China and, in part, by Russia.

Key words: coronavirus pandemic, Tropical Africa, African policy of France, Macron initiatives, confrontation between France and China, economic consequences of the pandemic, famine in Africa, political crisis in the Sahel

FOR CITATION: Filippov V.R. African politics in Paris during the pandemic. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 151–168. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-151-168

Теперь уже мало кто сомневается в том, что мир после пандемии коронавируса будет иным. Экономические, социальные, политические, демографические последствия будут весьма чувствительными и приведут к заметным геополитическим трансформациям во многих регионах мира. Особенно явными эти изменения будут, вероятно, на африканском континенте.

Пандемия коронавируса в Африке

Первый случай заражения вирусом COVID-19 на африканском континенте был отмечен 13 февраля 2020 г. в Египте. А 13 мая первый случай заражения этим вирусом был зафиксирован в Лесото, в государстве, до того не затронутом инфекцией [22]. Таким образом, за три месяца эпидемия распространилась на все африканские страны без исключения. На 25 августа 2020 г. по данным Африканского отделения (представительства) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в Африке заразились коронавирусом 1 200 233 человек, болеют 246 942, в критическом состоянии 1212; умерли 28 055, выздоровели 925 236. К сожалению, эти данные весьма условны: сколько-нибудь точно определить число инфицированных не представляется возможным. Проблема состоит в том, что государственные границы в Африке весьма прозрачны, миграционная подвижность населения во многих регионах высокая, государственные системы здравоохранения во многих странах находятся в эмбриональном состоянии, а средств выявления инфекции (тестов на COVID-19) и аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ) катастрофически не хватает. Ситуация осложняется тем, что болезнь быстро проникает в труднодоступные сельские регионы, где инфицированных очень трудно найти и диагностировать, а еще труднее будет лечить.

Специалисты Африканского отделения ВОЗ в исследовании, опубликованном в журнале *BMJ Global Health*, предсказывают, что за год заразиться коронавирусом может примерно четвертая часть населения Африки. По мнению экспертов, за предстоящие 12 месяцев могут заразиться 166 млн жителей континента (в лучшем случае), в худшем случае – почти 275,7 млн. За год число жертв инфекции может составить 150 тыс. человек. Африка, население которой составляет более 1,2 млрд чел., может стать следующим эпицентром пандемии коронавируса COVID-19.

Эксперты ВОЗ полагают, что на африканском континенте вспышка эпидемии будет длиться несколько лет, при этом «внимание, уделяемое сдерживанию распространения вируса, приведет к игнорированию других проблем здравоохранения, а это в свою очередь усилит кумулятивный эффект коронавирусной заболеваемости» [16]. (Не стоит забывать о том, что серьезную угрозу населению континента представляют также ВИЧ, туберкулез, малярия, лихорадка Эбола и другие инфекционные заболевания.) Нужно иметь в виду и тот факт, что миллионы африканцев живут впроголодь, а это радикально влияет на иммунитет. Эксперты обращают внимание на то, что пандемия заставила остановить кампанию по вакцинации детей от кори в таких странах, как Чад, Эфиопия, Нигерия и Южный Судан. По прогнозам ВОЗ, в результате жертвами кори в этих странах могут стать более 20 млн детей.

В Управлении Верховного комиссара ООН по делам беженцев опасаются того, что продолжающееся насилие в Восточной и Центральной Африке приведет к перемещению десятков или сотен тысяч людей, что даст новый импульс распространению коронавируса и других серьезных заболеваний. Прозрачность границ между африканскими государствами лишает надежды на то, что силовые структуры смогут организовать эффективное ограничение миграционных потоков. Катастрофические последствия может иметь запредельная концентрация людей в лагерях беженцев и вынужденных переселенцев.

Бедность подавляющего большинства африканцев также будет фактором, способствующим распространению COVID-19. Отсутствие или дороговизна средств индивидуальной защиты, скученность населения африканских городов сделают борьбу с болезнью крайне затруднительной.

До последнего времени была надежда на то, что пандемия в Африке не будет столь катастрофичной, как на других континентах. Если проанализировать динамику распространения вируса в мире, то становится ясно, что угрожающие масштабы пандемия приобрела в развитых странах с высокой степенью подвижности населения как внутри государств,

так и между различными субъектами международного права. Именно массовые перемещения людей (особенно в огромных мегаполисах) в первые недели эпидемии привели к стремительному росту заболеваемости в Китае, США, Италии, Франции, России и пр. Есть основания думать, что относительно низкая подвижность населения в африканских странах затормозила распространение инфекции, особенно в аграрных регионах с доминирующим сельским населением. Вероятно, это станет причиной известного «сдвига» в нарастании темпов и масштабов пандемии. Но те факторы риска, о которых было сказано выше, с очень большой долей вероятности проявят себя в обозримом будущем. Известно, что эпидемия уже широко вышла за пределы столиц стран континента.

Экономические угрозы и гуманитарный кризис

Однако это лишь прямые угрозы, порожденные пандемией, еще более катастрофичными для населения Черного континента могут стать последствия глобального экономического кризиса, спровоцированного распространением коронавируса. Каждый год треть того, что Африка экспортирует в коммерческих целях, используется для обслуживания долга [13]. Платежи по обслуживанию кредитов стран Черного континента в 2020 г. составляют около 14 млрд дол. [10]. В 2012 г. долги африканских стран составляли 30% их ВВП, сегодня это уже 95%. Некоторые африканские страны подвергаются риску дефолта по своим кредитным обязательствам, а частные заемщики на континенте окажутся в бедственном положении, поскольку их бизнес уже разрушен глобальным спадом. Сильнее других уже пострадали страны-экспортеры нефти в Центральной Африке. Эксперты высказывают серьезные опасения по поводу девальвации франка КФА.

ОН предупреждает, что пандемия таит в себе угрозу голода для сотен миллионов африканцев в странах, в огромной степени зависящих от импорта и экспорта продуктов питания. Эксперты Всемирной продовольственной программы (ВПП) считают, что гуманитарный кризис в регионе Сахеля может стать «неуправляемым, и тогда более пяти миллионов человек столкнутся с серьезной проблемой отсутствия продовольствия» [17].

Лидеры африканских государств все настойчивее просят поддержки у экономически развитых государств. Премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед предрекает, что человеческие и экономические потери будут огромными для жителей континента, а ущерб не остановится на африканских берегах и страдания африканцев отразятся на всем остальном мире. Он настаивает на том, что Африка нуждается в немедленном

экстренном финансовом стимулировании на сумму 100 млрд дол. США в дополнение к уже запрограммированной регулярной поддержке Международного валютного фонда, равной 50 млрд дол. США [10]. «Африка очень уязвима перед этим вирусом и нуждается в любой помощи», – заявил недавно президент ЮАР Сирил Рамафоса. Президент Нигера Махамаду Иссуфу написал о необходимости реализации «плана Маршалла для Африки» [17].

При всей очевидности потребности Черного континента в финансовой, технологической, медицинской, продовольственной помощи со стороны «великих держав» не стоит забывать о том, что такая помощь никогда не бывала бескорыстной. Международный валютный фонд, Всемирный банк, финансовые структуры отдельных развитых стран охотно предоставляют помочь африканцам, однако последние неизбежно расплачиваются распродажей своих природных ресурсов по демпинговым ценам, политическими уступками, размещением на своей территории военных баз. И в этом контексте неожиданно прозвучало предложение президента Франции «простить» беднейшим африканским странам их государственные задолженности.

Инициативы Эммануэля Макрона

Накануне саммита G20-finance 15 апреля 2020 г. президент Франции Эммануэль Макрон предложил лидерам «двадцатки» поддержать африканские страны, столкнувшиеся с угрозой пандемии. Он призвал министров финансов стран, входящих в G20, согласиться на приостановку выплат по долгам. «На период кризиса мы должны обеспечить африканским экономикам передышку, чтобы они не были скованы выплатами по долгам», – сказал Макрон, объявив, что «мораторий станет шагом к окончательному списанию африканского долга» [30].

В интервью «Radio France Internationale» (RFI) Президент Франции призвал к массовой отмене суверенного долга континента. Мораторий позволит африканским странам «дышать, а не платить проценты», сказал он. В конце этого интервью Э. Макрон выступил с радикальным предложением: «Я за масштабную инициативу по списанию долга» [13].

Во время интервью RFI журналист Кристоф Бойсбувир напомнил главе французского государства, что 40% текущих долговых обязательств африканских стран – это кредиты, полученные от Китайской Народной Республики. Журналист поинтересовался, беседовал ли Макрон с председателем КНР Си Цзиньпином и согласен ли тот отсрочить выплаты по долгам или даже списать африканские долги? Ответ Макрона был уклончивым. Он вынужден был признать, что

он не обсуждал эту проблему с китайским лидером, при этом выразил уверенность в том, что «для президента Китая ситуация в Африке сегодня оправдывает такой жест» и что «такое обсуждение может состояться в ближайшие дни или в ближайшие несколько недель» [13]. По мнению президента Франции, Китай должен «сделать такой жест» [Там же]. При этом Э. Макрон предпочитает не вспоминать о том, что в 2019 г. Китай без всяких внешних побуждений согласился реструктурировать или даже частично *списать долги* некоторых африканских стран, включая Республику Конго и Камерун.

Шумно разрекламированная инициатива президента Пятой Республики, однако, не отличается новизной. Еще в 2019 г. на сочинском саммите «Россия–Африка» Владимир Путин объявил о том, что Россия в одностороннем порядке *уже списала* африканским странам долги в 20 млрд долларов.

Смысл популистской риторики Эммануэля Макрона

Призывая кредиторов Европы, США и Китая отказаться от совокупного африканского долга на сумму 365 млрд долларов, Макрон, вероятно понимал, что эта инициатива не встретит поддержки у лидеров стран-членов «двадцатки». Однако он рассчитывал на то, что призыв к спасанию долгов африканских стран принесет ему ощущимые политические дивиденды и будет способствовать укреплению имиджа главного радетеля интересов африканцев. Соответственно, главный и самый опасный конкурент Пятой республики на Черном континенте Китай будет выглядеть в глазах страдающих от пандемии жителей африканских стран едва ли не основным виновником обнищания и массовой гибели людей.

Беспрогрышная позиция! Если даже допустить, что страны «двадцатки» согласятся на предложение хозяина Елисейского дворца, то Франция окажется в выигрыше в этой сложной политической игре. Дело в том, что главным инструментом экономической экспансии Китая в Африке с начала нынешнего столетия стало щедрое кредитование и инвестирование масштабных инфраструктурных проектов африканских стран. Разумеется, долговая зависимость бедных африканских стран от Китайской Народной Республики влечет за собой и все более тесное политическое и военное (создание военно-морской базы в Джибути) сотрудничество этих субъектов международного права с Поднебесной. Тринадцать лет назад главными торговыми партнераами африканских государств были (в порядке убывания) США, Китай и Франция. Сегодня это Китай, затем Индия и США. Франция оказалась

на седьмом месте [15]. В итоге китайские деньги и технологии стали одними из главных драйверов развития африканских экономик [27]. Пятая республика не выдерживает экономического противоборства с КНР и в конечном итоге обречена на поражение. Э. Макрон прекрасно понимает это и всеми силами пытается противостоять «выдавливанию» Франции из африканского геополитического пространства. Во время поездки по странам Африканского Рога он попытался убедить своих африканских коллег в том, что расширение влияния КНР в Африке угрожает национальному суверенитету их стран и интересам их исторических партнеров. Однако нельзя сказать, что ему это удалось. Показательно в этом контексте шутка влиятельного джибутийского дипломата: «У французов нет денег, с коммерческой точки зрения они не имеют большого значения для нас... Макрон прибежал к нам от “желтых жилетов”» [25].

В сложившейся ситуации «обнуление» африканских долгов всех стран-кредиторов было бы чрезвычайно выгодно для Франции. Это позволило бы вновь вернуться на исходные позиции в завоевании политических преференций в отношениях со странами африканского континента. Но это понимает не только Макрон, но и его коллеги из стран «двадцатки». В эксклюзивном интервью *RFI* 14 апреля 2020 г. президент Франции сказал, что в краткосрочной перспективе он лишь *надеется*, что во время G20-finance будет введен *мораторий на задолженность* африканских стран, а в долгосрочной перспективе он *хочет* массового списания этого долга [13]. Возникает ощущение, что это не более чем фигура речи.

Политическая демагогия и политические практики

Судя по всему, и сам французский президент не собирается списывать долги африканских стран в одностороннем порядке. Об этом свидетельствуют отдельные высказывания его соратников и подчиненных.

Накануне мартовского саммита «двадцатки» министр экономики Франции Брюно Ле Мэр сказал, что его коллеги в Соединенных Штатах, Китае, Европе и других членах группы крупнейших экономик G20 обсудят планы *приостановить выплаты по долгам* для 76 стран, в т.ч. 40 стран Африки к югу от Сахары. Высокопоставленный дипломат с Quaid' Orsay (Набережной Орси, т.е. МИД Франции) на условиях анонимности сказал, что «его страна *не поднимет идею об отмене долгов* сразу, а вместо этого первоначально предложит мораторий и реструктуризацию» [23]. А его коллега, принимавший участие в подготовке саммита G20, добавил, что «*согласиться на мораторий будет проще, чем на полное списание африканских долгов*» [Там же].

Как это не парадоксально, практически одновременно с разговорами о списании и замораживании долгов французское правительство объявило, что Пятая Республика «направляет» около 1,2 млрд евро для оказания помощи африканским странам в борьбе с коронавирусом. «Ситуация требует особой бдительности», – заявил министр иностранных дел Франции Жан Ив Ле Дриан. После чего Французское агентство развития (AFD) конкретизировало заявление Елисейского дворца, пояснив, что 1,2 млрд евро будут состоять из 150 млн евро пожертвований и 1 млрд евро в виде кредитов [20]. Предлагая лидерам «двадцатки» списать долги, Елисейский дворец навязывает африканцам кабальные кредиты, расплатиться по которым африканские страны никогда не смогут, а значит, еще долго будут сохранять зависимость от Пятой Республики!

Телеконференция Макрона с лидерами десяти африканских стран

В начале апреля 2020 г. Елисейский дворец объявил об отмене саммита «Африка – Франция» (его проведение во французском Бордо было запланировано на июнь) и о предстоящей «инициативе, посвященной здравоохранению и экономическому реагированию на COVID-19 на всем континенте» [17]. 3 апреля Э. Макрон и десять лидеров африканских государств принимали участие в телеконференции, которая была организована с целью обсуждения этой «инициативы». Во встрече принимали участие президенты Ибрагим Бубакар Кейта (Мали), Абий Ахмед (Эфиопия), Кирилл Рамафоса (Южная Африка), Пол Кагаме (Руанда), Макки Салл (Сенегал), Феликс Тшисекеди (Демократическая Республика Конго), Абдель Фаттах аль-Сисси (Египет), Ухуру Кеньятта (Кения), Эммерсон Мнангагва (Зимбабве) и Мусса Факи – председатель Комиссии Африканского союза. Сам по себе список участников этого мероприятия представляет большой интерес, поскольку позволяет судить о том, на чью поддержку может рассчитывать Макрон в предстоящих политических катализмах.

Более подробной информации администрация Елисейского дворца не предоставила, но известно, что непосредственно перед этой телеконференцией специалисты Центра анализа, прогнозирования и стратегии (CAPS), экспертного сообщества МИД, направили французскому президенту аналитический доклад «Эффект панголина: грядущий штурм в Африке», который был опубликован 1 апреля газетой *La Tribune*. Авторы этого документа считают, что «предстоящая ударная волна COVID-19 в Африке может быть слишком сильным ударом по государ-

ственным аппаратам африканских стран» [12]. Они предлагают готовиться к «длительной дестабилизации» в Африке в условиях «предстоящего кризиса обществ и государств» [Там же]. Известные французские дипломаты предупреждают, что кризис может уничтожить «хрупкие режимы» в Сахеле и несколько позже – в Центральной Африке. Они полагают, что коронавирус может стать «политическим вирусом, который в массовом порядке покажет неспособность этих государств защитить свое население» [Там же]. При этом аналитики CAPS указывают на особую уязвимость «некоторых экономически слабых и политически нестабильных франкоязычных стран, менее надежных и структурированных, чем другие» [Там же].

В этом утверждении фактически содержится признание порочности африканской политики Пятой республики, насаждавшей слабых и непопулярных лидеров и разорившей франкофонные государства, бывшие прежде колониями Французской империи. В этом контексте стоит отметить, что в странах Тропической Африки быстро нарастает антифранцузское протестное движение. Констатация этого факта все чаще появляется на страницах французских газет. Вот пример: специальный корреспондент агентства *France 24* Кловис Казали пишет по этому поводу: «В последнее время президент Франции критиковал тех, кто осуждает французское присутствие в странах Западной Африки. Он не понимает это недовольство гражданского населения и некоторых политиков» [28]. Дело дошло до того, что Макрон предупредил своих африканских коллег о возможности сокращения участия или даже о выходе Франции из операции «Бархан» (операция французских войск в Сахеле, призванная сдерживать террористические акции исламистов). Он потребовал, чтобы лидеры стран Западной Африки публично подтвердили свою поддержку военного присутствия Франции на своей территории. Не выдержав давления Елисейского дворца, президенты африканских стран вынуждены были подписать совместную декларацию, в которой они подтвердили свое «одобрение военного присутствия французских военных в регионе» [Там же]. А это, в свою очередь, вызвало новую волну протестов в странах Сахеля.

Авторы доклада «Эффект панголина: грядущий штурм в Африке» считают, что «сравнение определенных государств, чья государственная политика терпит неудачу (государства Сахеля и Центральной Африки) с другими африканскими странами, обладающими более прочными властными институтами (например, Руанда или Сенегал) было бы «неблагоприятно» для первых. «Эффект сравнения» может стать дополнительным конфликтогенным фактором и привести к смене политических элит. Дипломаты Quai d'Orsay полагают, что прямым следствием

пандемии коронавируса станет «жесткая конкуренция» за передел геополитического и экономического пространства на африканском континенте и предрекают «захват Африки Китаем» [12].

Можно с большой долей уверенности предположить, что именно поискам выхода из предстоящего политического кризиса и была посвящена телеконференция с участием лидеров десяти африканских стран, наиболее лояльных Елисейскому дворцу.

Перспективы развития геополитической ситуации в посткоронавирусный период

За последнее десятилетие геополитический ландшафт в мире претерпел серьезные изменения. «Рельефно обозначился процесс перераспределения в глобальных масштабах силы и влияния, укрепления новых полюсов формирующейся полицентричной международной системы» [9, с. 3].

Экономическая экспансия Китая в Африку стало фактом уже в начале тысячелетия, но особенно заметным она стала во втором десятилетии нынешнего столетия. Если двадцать лет назад перемены в Африке мало отражались на Китае, то сейчас «в силу растущей вовлеченности Китая в дела Африки события на континенте непосредственно затрагивают его интересы» [1, с. 59–370; 3, с. 96]. В начале второго десятилетия XXI в. КНР установила тесные связи с такими странами, как Кот-д'Ивуар, Сенегал, Нигерия и Габон. В настоящее время быстро развивается сотрудничество с Египтом, Кенией, Эфиопией, Джибути, Суданом и другими странами континента. Китайские компании наращивают свое присутствие в строительном секторе и добывающей промышленности африканских стран, а китайские инвесторы финансируют африканские проекты, прежде всего, в сфере энергетики и логистики. Китай активно борется за передел африканских ресурсов и рынков (см. подробно: [1, с. 59–370; 2, с. 84–91; 5, с. 32–42; 8]).

Многие исследователи констатируют, что по мере становления новой «биполярности» КНР вышла на «лидерующие позиции среди доноров в целом ряде стран» [3, с. 96]. Китай активно продвигает на африканском континенте проект «Один пояс – один путь». В 2014 г. был создан фонд (40 млрд дол.), нацеленный на поддержку инфраструктурных проектов африканских стран. В декабре 2015 г. был подписан меморандум между КНР и Африканским союзом, который предусматривает строительство стратегически важных транспортных узлов, например, Чад–Судан или Найроби–Момбаса. В мае 2017 г. на форуме «Один пояс – один путь» в Пекине Си Цзиньпин объявил о готовности КНР вложить

в этот проект дополнительно 124 млрд дол. [3, с. 96]. Реализация этого проекта предполагает строительство железных дорог, реорганизацию авиационного сообщения, создание технопарков. В сентябре 2018 г. в Пекине состоялся китайско-африканский саммит, на котором присутствовали лидеры практических всех африканских стран. По итогам этого масштабного форума была подписана «Пекинская декларация о построении китайско-африканского сообщества единой судьбы», в которой КНР объявила о своей готовности выделить ряду стран Африки финансовую помощь в размере 60 млрд дол.

Однако не только Поднебесная стремится к замещению «великих держав» на Африканском континенте. Начиная с 2006 г. Россия постепенно восстанавливает утраченные в 1990-е гг. позиции в африканских странах. Недружественные по отношению к России СМИ констатируют: «Влияние России в Африке растет от Судана до Анголы. Наследники Советского Союза не ограничиваются политическим вмешательством, занимаясь одновременно беспринципным бизнесом» [цит. по: 4]. Рассуждая об изменениях политического ландшафта Африки южнее Сахары, многие западные обозреватели отмечают, что «Москва сделала себя необходимой в таких странах, как Судан, Ангола, Мозамбик и Нигерия. Тесные отношения существуют у нее также с Эфиопией и Зимбабве» [26]. Все чаще говорят о «дуге российского влияния», которая протянулась из Судана в Анголу, от Хартума до Луанды через Банги и Киншасу [18].

Особенно агрессивными стали нападки на Россию после того, как в январе 2018 г. военный транспорт Ил-76 совершил первую посадку в аэропорту Банги. Артем Кожин, официальный представитель МИД РФ, в марте 2018 г. объявил, что с разрешения ООН «на нужды центральноафриканской армии в конце января – начале февраля 2018 г. была поставлена партия стрелкового вооружения и боеприпасов. Туда также командированы 5 военных и 170 российских гражданских инструкторов для подготовки военнослужащих ЦАР» [21]. Российские политические обозреватели Юрий Сафонов и Ирек Муртазин, «внимательно ознакомившись с открытыми французскими и африканскими источниками», пришли к выводу о том, что в ЦАР «сейчас не только идет очередная гражданская война, но и совершается попытка смены колонизатора» [6].

Француз Тома Дьетрик упрекает «наследников СССР» в том, что у них «политическое вмешательство неизбежно сопровождается экономической экспансией» и предостерегает от «недооценки российских амбиций к югу от Сахары» [18]. По мнению этого французского политолога, «аферизм российских инвесторов с мафиозными пристрастиями предполагает попытку восстановить Российскую Империю на земле

Африки» [18]. Еще совсем недавно «Франция не скрывала своего пренебрежения к России, которая двигает свои пешки в Центральноафриканской Республике» [14]. Используя дипломатическую поддержку союзников по НАТО и опираясь на созданную усилиями генерала Де Голля военно-политическую систему «Франсафрик» [подробно см.: 7], Елисейский дворец практически полновластно использовал ресурсы франкоязычных стран Тропической Африки. Но вдруг это безусловное доминирование было поставлено под сомнение. Т. Дьетрик задается риторическим вопросом: «Неужели Франция теряет позиции в Центральноафриканской республике?» и отвечает на него утвердительно: «Недавние события указывают на это; в Париже видят, что его влияние в ЦАР ослабло до тоненького ручейка» [18]. Его коллеги Шарль Буссель и Эмре Сари пытаются найти ответ на вопрос «почему в этой обоятой хаосом стране, прежде находившейся в зоне влияния Франции, теперь столь очевидно военное присутствие России?» [цит. по: 11].

Известный французский политолог Арно Дюбьеен справедливо заметил, что «сегодня Россия пытается превратить старые узы идеологической дружбы (там, где они еще существуют) в геоэкономическое влияние» [19]. Мобилизуя старые стереотипы борьбы с колониализмом и экспансиеи Запада, Россия возвращается на Черный континент не только с контрактами, но и с бойцами частных военных компаний. Теперь речь идет не только о геоэкономическом, но и о geopolитическом влиянии. Сейчас в западном экспертном сообществе возобладало мнение, согласно которому Россия стремится расширять свое присутствие на Черном континенте. Пожелавший остаться неназванным чиновник из структур ООН констатировал: «Все они (страны Запада) встревожены, они не знают, что делать. Они не ожидали прихода русских!» [29].

Есть основания думать, что Россия и Китай смогут договориться о совместных действиях на просторах Черного континента. Так, например, после размещения бойцов российской частной военной компании «Вагнер» в ЦАР, российские и китайские частные компании при политической поддержке Москвы и Пекина начали добывать алмазов в Бриа и в районе Берберати.

Все это не может не беспокоить руководство Франции: рост влияния КНР и России в африканских странах серьезно угрожает интересам Пятой республики. Для Франции потеря политических и экономических преференций, которыми она пользовалась в странах, входивших некогда в состав Французской колониальной империи, станет, без преувеличения, катастрофой [24]. В желании во что бы то ни стало вернуть утраченные позиции в африканских странах, Э. Макрон пытается опереться,

прежде всего, на исторических «партнеров» Пятой республики. Однако в поисках новых рычагов влияния на юге и востоке континента он делает все, чтобы завоевать симпатии англоязычных африканских стран, ранее не входивших в сферу влияния Франции.

Китай, раньше других начавший выходить из пандемии и преодолевать экономический кризис, вероятнее всего, использует сложившуюся ситуацию для дальнейшего продвижения своих интересов на африканском континенте. В условиях пандемии, когда Черный континент будет как никогда нуждаться во внешней помощи, Китай будет завоевывать новых друзей, оказывая поддержку слабым африканским экономикам Тропической Африки. А у Франции в условиях экономического кризиса и предстоящей затяжной рецессии на это просто нет и еще долго не будет денег. В марте 2020 г. министр экономики Брюно Ле Мэр на канале *RTL* объявил, что правительство предполагает сокращение ВВП на 1% в 2020 г. «Нас ожидает явное ухудшение ситуации», – сказал министр. При этом он подчеркнул, что прогноз падения ВВП на 1% является предварительным показателем¹ и что вся еврозона окажется в состоянии рецессии.

Такой сценарий совершенно не устраивает Белый дом. Есть все основания думать, что в сложившейся ситуации Пентагон *отчасти пересмотрит* принятое в конце 2019 г. решение о *минимизации военного присутствия* в Африке и прекращении поддержки французских военных в Сахеле. Ведь завершение операции «Бархан» и исход Франции из стран субсахарской Африки, окончательное замещение Пятой Республики в этих странах Китаем и Россией в корне противоречит долгосрочным geopolитическим интересам США.

Напомню, что в конце прошлого года американское издание *The New York Times* сообщило, что глава Пентагона Марк Эспер рассматривает возможность сокращения или полного вывода американских войск из стран Субсахарской Африки. Стало известно, что он приказал Африканскому командованию ВС США (Африком) подготовить комплексный план по выводу войск из Сахеля. Согласно этому плану США должны покинуть свою военную базу в Нигере, а также прекратить поддержку Франции в борьбе с исламистами в Мали, Нигере и Буркина-Фасо. 13 января 2020 г. на встрече с коллегами по НАТО в Брюсселе председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Марк Милли подтвердил информацию о том, что Белый дом рассматривает возможность масштабного сокращения военного

¹ На конец августа падение ВВП во Франции составило почти 14% (<https://ru.euronews.com/2020/07/31/france-gdp-contraction>). – Прим. ред.

присутствия в Тропической Африке. Однако с началом пандемии коронавируса последовало разъяснение. «Мы скорректируем присутствие в Африке», – сказал глава Пентагона Марк Эспер [12]. Он не стал уточнять, как именно будет реализована такая корректировка, но пояснил, что реализация ее будет осуществляться в рамках стратегии конкуренции с мировыми державами – Россией и Китаем, и подчеркнул, что Пентагон в сложившихся условиях не намерен *полностью* выводить свои силы из Африки.

Глобальный экономический кризис многократно усилил риски Пятой республики в Тропической Африке. Именно поэтому эксперты французского МИДа называют политические режимы стран Сахеля и Центральной Африки «хрупкими» и предрекают смену непопулярных властных элит, которые остаются у власти только благодаря протекционизму со стороны Елисейского дворца. Россия в этой ситуации должна стремиться занять лакуны в geopolитическом и, соответственно, экономическом пространстве Тропической Африки в tandemе с КНР. В этом контексте имело бы смысл заблаговременно установить или интенсифицировать контакты с контрэлитами в странах региона, с лидерами оппозиции и наиболее харизматичными представителями молодежного движения.

Библиографический список / References

1. Африка: современные стратегии экономического развития / Под ред. И.О. Абрамовой, Е.В. Морозенской. М., 2016. [Afrika: sovremennye strategii ekonomicheskogo razvitiya [Africa: Current economic development strategies]. I.O. Abramova, E.V. Morozenskaj (eds.). Moscow, 2016.]
2. Дегтерев Д.А. Китай–Африка: важные аспекты отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5. С. 84–91. [Degterev D.A. China–Africa: Important aspects of relations. *World Economy and International Relations*. 2005. No. 5. Pp. 84–91. (In Russ.)]
3. Дейч Т.Л. Политика Китая в странах Северной Африки и Средиземноморья // Ученые записки Института Африки РАН. 2018. № 2 (43). С. 95–110. [Deutsch T.L. Politics of China in the countries of North Africa and the Mediterranean. *Scientific Notes of the Institute for African Studies RAS*. 2018. No. 2 (43). Pp. 95–110. (In Russ.)]
4. Нельюбин Е. Президент ЦАР доверил свою безопасность россиянам. URL: <https://www.bfm.ru/news/391294> (дата обращения: 09.01.2020). [Nelyubin E. Prezident TsAR doveril svoyu bezopasnost rossiyanam [The President of the Central African Republic entrusted his safety to the Russians]. URL: <https://www.bfm.ru/news/391294>]
5. Пономаренко Л.В., Соловьева Т.М. КНР – Африка: новые ориентиры взаимоотношений // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 32–42.

- [Ponomarenko L.V., Solovieva T.M. China – Africa: New guidelines for relations. *Vestnik RUDN. International Relations.* 2015. No. 1. Pp. 32–42. (In Russ.)]
6. Сафронов Ю., Муртазин И. Нам нужен свой ЦАР? // Новая газета. 2018. № 83. 3 августа. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/08/02/77376-nam-nuzhen-svoi-tsar> [Safronov Yu., Murtazin I. Do we need our own CAR? *Novaya gazeta.* 2018. No. 83. August 3. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/08/02/77376-nam-nuzhen-svoi-tsar> (In Russ.)]
 7. Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М., 2016. [Filippov V.R. «Fransafrík»: ten Elisejskogo dvorca nad Chernym kontinentom [“Francafrik”: The shadow of the Champs Elysees over the Black Continent]. Moscow, 2016.]
 8. Фитуни Л.Л. Африка: ресурсные войны XXI века. М., 2012. [Fituni L.L. Afrika: resursnye vojny XXI veka [Fituni L.L. Africa: 21st century resource wars]. Moscow, 2012.]
 9. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7. С. 3–15. [Fituni L.L., Abramova I.O. Patterns of formation and change of models of world economic development. *World Economy and International Relations.* 2012. No. 7. Pp. 3–15. (In Russ.)]
 10. Abiy A. What African economies need to survive the coronavirus. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-04-12/africa-needs-imf-debt-relief-to-survive-the-coronavirus> (accessed: 09.01.2020).
 11. Airault P. Le Drian reprend en main le dossier centrafricain. URL: <https://www.lopinion.fr/edition/international/drian-reprend-en-main-dossier-centrafricain-152594> (accessed: 09.01.2020).
 12. Bobin F., Tilouine J. Coronavirus : les experts du Quai d'Orsay redoutent le «coup de trop» qui «destabilise» l'Afrique. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/03/coronavirus-les-experts-du-quai-d-orsay-redoutent-le-coup-de-trop-qui-destabilise-l-afrigue_6035470_3212.html (accessed: 06.06.2020).
 13. Boisbouvier C. Emmanuel Macron sur RFI : «Nous devons la solidarité à l'Afrique» face au coronavirus. URL: <http://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200415-emmanuel-macron-rfi-afrigue-raoult-coronavirus-covid dette> (accessed: 03.06.2020).
 14. Centrafrique : depuis Bangui, Jean-Yves Le Drian annonce la fin de l'opération Sangaris. URL: <http://www.jeuneafrique.com/370296/politique/centrafrique-bangui-jean-yves-drian-annonce-fin-de-loperation-sangaris/> (accessed: 09.01.2020).
 15. Clemenceau F. Emmanuel Macron et la Chine en Afrique, un vrai sujet. *Le Journal du Dimanche.* 16.03.2019. URL: <https://www.lejdd.fr/International/emmanuel-macron-et-la-chine-en-afrigue-un-vrai-sujet-3875261> (accessed: 10.01.2020).
 16. Coronavirus in Africa: Contained or unrecorded? URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-52702838> (accessed: 09.05.2020).
 17. Coronavirus : Macron et dix dirigeants africains discutent d'un effort coordonné. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/04/coronavirus-macron-et-dix-dirigeants-africains-discutent-d-un-effort-coordonne_6035551_3212.html (accessed: 09.06.2020).

18. Dietrich T. En Centrafrique, un parfum de guerre froide. URL: <https://www.lopinion.fr/edition/international/en-centrafrique-parfum-guerre-froide-156731> (accessed: 09.01.2020).
19. Dubien A. La Russie s'intéresse également à la nouvelle Afrique. URL: http://afrique.lepoint.fr/economie/arnaud-dubien-la-russie-s-interesse-egalement-a-la-nouvelle-afrique-page-2-25-10-2017-2167405_2258.php (accessed: 09.01.2020).
20. Finnan D. France stumps up € 1 bn of loans for Africa's fight against coronavirus. URL: <http://www.rfi.fr/en/africa/20200410-france-stumps-up-%E2%82%AC1bn-of-loans-for-africa-s-fight-against-coronavirus> (accessed: 03.06.2020).
21. Kirilenko A. Blood Diamonds. Who killed Russian journalists in the CAR, and what do Putin's Chef and St. Petersburg police have to do with it? URL: <https://theins.ru/uncategorized/114123?lang=en> (accessed: 01.02.2020).
22. Lesotho becomes last African country to record coronavirus case. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/05/lesotho-african-country-record-coronavirus-case-20051315154809818.html> (accessed: 01.06.2020).
23. Nussbaum A. France Expects G-20 to Offer African Nations Debt Moratorium. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-15/africa-debt-moratorium-is-essential-amid-outbreak-macron-says> (accessed: 09.05.2020).
24. Philippov V.R. Uranium factor in france's foreign policy towards Africa. *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. No. 2. Pp. 171–185.
25. Semo M. Emmanuel Macron en visite à Djibouti, où l'influence de la France recule face à la Chine. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/03/12/emmanuel-macron-en-visite-a-djibouti-ou-l-influence-de-la-france-recule-face-a-la-chine_5434898_3212.html (accessed: 07.06.2020).
26. Signer D. Wie Russland afrikanische Krisenländer infiltriert. URL: <https://www.nzz.ch/international/wie-russland-afrikanische-krisenlaender-infiltriert-id.1389297> (accessed: 09.03.2019).
27. Sindzingre A. The ambivalent impact of commodities: Structural change or status quo in Sub-Saharan Africa? *South African Journal of International Affairs*. 2013. No. 20. Pp. 23–55.
28. Sommet du G5 Sahel à Pau : Emmanuel Macron veut resserrer le front antijihadiste. URL: <https://www.france24.com/fr/20200113-un-sommet-du-g5-sahel-%C3%A0-pau-pour-resserrer-le-front-antijihadiste> (accessed 04.01.2020)
29. Tchad anthropus-tribune. Centrafrique : Au porte du Tchad, Bangui flirte avec les veillées expansionnistes de Poutine. URL: <http://www.letchadanthropus-tribune.com/tchad-centrafrique-au-porte-du-tchad-bangui-flirte-avec-les-veillees-expansionnistes-de-poutine> (accessed: 03.04.2020).
30. Woods M. Macron calls for suspension of debt to help Africa deal with coronavirus. URL: <http://www.rfi.fr/en/africa/20200415-macron-calls-for-suspension-of-debt-to-africa-deal-with-coronavirus-g20-repayments-covid-19> (accessed: 04.06.2020).

Сведения об авторе / About the author

Филиппов Василий Рудольфович – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки, Институт Африки Российской академии наук

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. (Historical Sciences); Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

E-mail: fvr1957@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы» — всероссийский междисциплинарный журнал, посвященный изучению актуальных проблем истории и политологии.

Постоянные рубрики журнала (появляются в конкретном номере по мере появления статей данной тематики):

- Отечественная история
- Всеобщая история
- Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- История международных отношений и внешней политики
- Теория и философия политики, история и методология политической науки
- Политические институты, процессы и технологии
- Политическая культура и идеологии
- Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
- Политическая регионалистика. Этнополитика
- Конфликтология
- Документ с комментарием
- Критика. Библиография

Редакции журнала неинтересны материалы, основанные на компиляции давно известных фактов! Это не может считаться научной статьей!

Все присланные материалы проверяются при помощи программы «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна превышать 75%.

На любое утверждение (наблюдение, вывод или аргумент), опубликованное ранее, в рукописи должна быть соответствующая библиографическая ссылка.

Журнал строго следит за соблюдением следующих положений этики научных публикаций

Автор не должен публиковать рукопись, по большей части посвященную одному и тому же исследованию, более чем в одном журнале как оригиналную публикацию.

Представление одной и той же рукописи одновременно более чем в один журнал воспринимается как неэтичное поведение и неприемлемо.

Авторами публикации могут выступать только лица, которые внесли значительный вклад в формирование замысла работы, разработку, исполнение или интерпретацию представленного исследования. Все те, кто внес значительный вклад, должны быть обозначены как соавторы. В тех случаях, когда авторы желают отметить вклад других лиц, помогавших в проведении представленного исследования, они могут указать их в разделе «Благодарности».

Все соавторы должны одобрить окончательную версию работы и согласиться с представлением ее к публикации.

Рецензирование

Помогает членам редакционной коллегии принять решение о публикации и, при соответствующем взаимодействии с автором, также может помочь ему повысить качество работы. Таким образом, рецензирование – не просто инструмент отбора, но и средство, повышающее научный уровень статьи.

Рецензент определяет актуальность темы, четкость определения целей и задач исследования, обоснованность выбора методов исследования, структурированность материала, логику доказательной базы, убедительность, стиль изложения материала, обоснованность выводов и т.д. Отмечается также личный вклад автора в решение обозначенной проблемы, логичность и доступность изложения, корректность использования привлекаемых источников. Рецензент выявляет значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не указанные автором. Рецензент также обращает внимание редакционной коллегии на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере его научной компетенции.

Язык публикаций

Журнал принимает к рассмотрению и публикует материалы на русском и английском языке.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
A. A. Козаренко,
корректор
A. A. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
H. A. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2020.3

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 30.09.2020 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 10,625 п. л. Тираж 1000 экз.